

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ»
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL
INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"LUHANSK STATE UNIVERSITY NAMED AFTER VLADIMIR DAL"
LAW INSTITUTE**

ISSN 2663-3175 (Online)

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**
Сборник научных трудов № 71
**ISSUES OF LAW:
THEORY AND PRACTICE**
Collection of scientific papers № 71

Луганск
2026

Сборник входит в базу данных .Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
(Договор № 233-11/2023 от 13.11.2023)

Рекомендовано к печати Ученым советом
Луганского государственного университета имени Владимира Даля
(протокол от 27.03.2026 г. № 10.).

Редакционная коллегия:

д. ю. н., проф. О. Г. Чутчева (главный редактор); д. ю. н., проф. И. И. Шамшина;
д. ю. н., проф. Н. А. Плахотина; д. ю. н., проф. А. И. Левченков; д. ю. н., проф. С. И. Саенко;
д. ю. н., проф. В. В. Груздев; д. ю. н., проф. Н. В. Барабошова; д. ю. н., проф. Е. М. Сынкова;
д. ю. н., проф. И. Ф. Хараберюш; д. ю. н., проф. Н. В. Иванюта; д. ю. н., проф. В. В. Бирюков;
д. ю. н., проф. Н. Л. Шелухин; д. ю. н., доц. В. В. Колесник; д. ю. н., доц. В. Ю. Мельник;
д. ю. н., проф. И. И. Олейник; д. ю. н., проф. Е. В. Кунц; д. ю. н., проф. В. К. Щечоев;
д. ю. н., доц. И. В. Колесник; д. ю. н., проф. О. С. Кучин; д. ю. н., проф. В. Ю. Голубовский;
д. ю. н., доц. Е. Ю. Догадайло; д. с. н., доц. К. А. Долгополов; д. ю. н., проф. Е. Б. Хохлов;
д. ю. н., доц. Н. И. Кузнецова; д. ю. н., проф. А. М. Моисеев.

Ответственный за выпуск — к. ю. н., доц. Кафанова О. В.

Технический редактор — Толочко Д. Е.

Статьи печатаются в авторской редакции.

Проблемы права: теория и практика: Сборник научных трудов
П78 № 71. — Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2026. — 144 с.

От редакции

Редакция издания «Проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов» рада сообщить авторам и читателям о появлении полнотекстовой онлайн версии сборника. Электронной версии издания «Проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов» присвоен международный научный серийный номер ISSN 2663-3175.

Электронная версия издания «Проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов» доступна на сайте: <https://pravo.daluniver.ru/?p=37> в разделе «Архив». Также на сайте доступна услуга подачи электронной заявки на публикацию результатов научных исследований. Надеемся на дальнейшее сотрудничество.

С уважением, д.ю.н, проф. О.Г. Чутчева, главный редактор издания

СОДЕРЖАНИЕ

Акулич Анатолий Валентинович, Топольскова Ирина Александровна / Akulich Anatoly Valentinovich, Topolskova Irina Alexandrovna

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ / ON THE ISSUE OF EXPANDING THE POWERS OF THE PROSECUTOR IN THE CRIMINAL PROCESS 7

Бабич Лидия Николаевна / Babich Lidia Nikolaevna

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА СУДИМОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / PROBLEMATIC ISSUES OF THE INSTITUTE OF CONVICTIONS IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION 20

Бугаевская Юлия Юрьевна / Bugaevskaya Yulia Yurievna

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АЛИМЕНТНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ВОСПИТАННИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕГО ФАКТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАТЕЛЮ / LEGAL NATURE OF THE ALIENATE'S OBLIGATION TOWARDS HIS ACTUAL TUTOR 30

Жданов Сергей Александрович, Гончаров Даниил Олегович / Zhdanov Sergey Aleksandrovich, Goncharov Daniil Olegovich

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРАВ ГРАЖДАН НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ / PERSONAL DATA PROTECTION AS A COMPONENT OF CITIZENS' RIGHTS TO THE INVIOABILITY OF PRIVATE LIFE: A CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS 40

Панченкова Наталья Александровна, Зябкин Владимир Олегович / Panchenkova Natalya Aleksandrovna, Zyabkin Vladimir Olegovich

О ТАМОЖЕННОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОНТРАБАНДЕ ОРУЖИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ СВО / ON CUSTOMS COUNTERMEASURES AGAINST WEAPONS SMUGGLING IN THE EAEU TERRITORY UNDER THE CONDITIONS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION 51

Кальницкая Наталья Дмитриевна / Kalnitskaya Natalia Dmitrievna

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ М.М. СПЕРАНСКОГО В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА / M.M. SPERANSKY'S POLITICAL AND LEGAL LEGACY IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE AND LAW 61

Кафанова Ольга Владимировна, Иванова Анна / Kafanova Olga Vladimirovna, Anna Ivanova

Kafanova Olga Vladimirovna, Anna Ivanova

ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО СТАТУСА СУДЕЙ, ПРИСЯЖНЫХ И АРБИТРАЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ / CONCEPT AND GENERAL CHARACTERISTICS OF THE LEGAL STATUS OF JUDGES. REQUIREMENTS FOR JUDGES 68

**Комаров Владимир Анатольевич, Алипова Дарья Александровна /
Komarov Vladimir Anatolievich**

ОТРАЖЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / REPRESENTATION OF INTERNATIONAL LAW NORMS IN THE
CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION..... 88

**Кравцов Антон Сергеевич, Стрекалов Андрей Евгеньевич /
Kravtsov Anton Sergeevich, Strekalov Andrey Evgenievich**

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ОБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ / INFORMATION RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMANS AND
CITIZENSHIP AS AN OBJECT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL
PROTECTION 97

**Левченков Александр Иванович, Васильева Мария Николаевна /
Levchenkov Alexander Ivanovich, Vasilyeva Maria Nikolaevna**

РАННЯЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ / EARLY
PREVENTION OF CRIMES AMONG MINORS: FEATURES AND
PROSPECTS 115

Лефтер Кристина Вячеславовна / Kristina Vyacheslavovna Lefter

НАРУШЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА: ФОРМЫ И СПОСОБЫ НЕДОПУЩЕНИЯ / VIOLATION
OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW: FORMS AND WAYS
OF PREVENTION..... 120

**Любинецкий Владимир Владимирович /
Lyubinetsky Vladimir Vladimirovich**

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕДУРЫ ДАРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ / PROBLEMS OF THE
PROCEDURE OF GIFTS IN MODERN CIVIL LAW AND WAYS OF THEIR
SOLUTION 132

Стрекалов Андрей Евгеньевич / Strekalov Andrey Evgenievich

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА / CURRENT
ASPECTS OF OBJECTIVE CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST
PUBLIC ORDER 139

**Толочко Денис Евгеньевич, Кафанова Ольга Владимировна /
Tolochko Denis Evgenievich, Kafanova Olga Vladimirovna**

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ / CRIMINAL LEGAL PROTECTION
OF CONSTITUTIONAL HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS: MODERN
CHALLENGES AND TRENDS OF DIGITALIZATION..... 152

**Толочко Денис Евгеньевич, Акулич Анатолий Валентинович /
Denis E. Tolochko, Anatoly V. Akulich**

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ
С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ, НЕ ИСКЛЮЧАЮЩИМИ
ВМЕНЯЕМОСТИ / CRIMINAL LAW IMPACT ON PERSONS WITH
MENTAL DISORDERS NOT EXCLUDING SANITY 162

**Чебоксаров Богдан Андреевич, Козловский Артем Николаевич /
Cheboksarov Bogdan Andreevich, Kozlovsky Artem Nikolaevich**

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, НЕ ЗАВИСЯЩИЕ ОТ ВОЛИ СТОРОН, КАК
ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА: КОЛ-
ЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ /
CIRCUMSTANCES THAT ARE NOT DEPENDENT ON THE WILL
OF THE PARTIES AS A REASON FOR THE TERMINATION OF AN
EMPLOYMENT CONTRACT: LEGISLATIVE COLLISIONS AND WAYS
TO OPTIMIZE THEM 175

Чунихина Людмила Николаевна / Chunikhina Lyudmila,

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОДРОСТКОВ: ПРИ-
ЧИНЫ, МАРКЕРЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ / INFORMATION SECURITY
OF ADOLESCENTS: CAUSES, MARKERS, CONSEQUENCES 183

Чутчева Ольга Геннадьевна / Chutcheva Olga Gennadievna

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАЗДНИКИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИ-
КИ / REGIONAL HOLIDAYS: THEORY AND PRACTICE 193

Шамшина Ирина Ивановна / Shamshina Irina Ivanovna,

ОТРАЖЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБО-
ТОДАТЕЛЯ В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ
ВОПРОСЫ / REFLECTION OF EMPLOYER'S LEGAL LIABILITY
IN LABOR LEGISLATION: PROBLEM ISSUES 205

**Шаповалова Елена Николаевна, Бордюгова Елена Сергеевна, Бондарь
Елена Ивановна / Sharovalova Elena Nikolaevna, Boryugova Elena
Sergeevna, Bondar' Elena Ivanovna**

БУХГАЛТЕРСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА – КАК ИСТОЧНИК ПОДТВЕРЖДЕ-
НИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ УЧЕТНЫХ ДАННЫХ / ACCOUNTING
EXPERTISE AS A SOURCE OF CONFIRMATION OF THE RELIABILITY
OF ACCOUNTING DATA 215

Порядок направления, рецензирования и опубликования статей / 227

Акулич Анатолий Валентинович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорско-следственной деятельности
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
tolik.akulich.80@mail.ru

Топольскова Ирина Александровна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорско-следственной деятельности
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
topolskova@bk.ru

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В данной статье рассматривается вопрос о необходимости расширения полномочий прокурора в уголовном процессе с целью повышения эффективности уголовного преследования и защиты прав граждан. Основное внимание уделяется выявленной правовой коллизии между рядом нормативных правовых актов федерального законодательства, которая возникла в результате несогласованного сокращения полномочий прокурора при внесении изменений в федеральное законодательство. Это привело к тому, что прокурор оказался ограничен в использовании ряда инструментов, которые обеспечивали бы надлежащую защиту прав и свобод граждан, а также способствовали бы более эффективному контролю за законностью в уголовном процессе.

В статье подчеркивается, что прокурор утратил важные полномочия для принятия мер, направленных на привлечение виновных к уголовной ответственности. Отмечается, что научное сообщество многократно поднимало вопрос о необходимости возвращения и расширения полномочий прокурора, а также был внесен проект Федерального закона, который предлагал предоставление прокурору дополнительных прав в рамках уголовного процесса. Автор приходит к заключению, что для повышения законности на стадии досудебного производства и повышения эффективности прокурорского надзора как средства обеспечения соблюдения прав и свобод человека в уголовном процессе, необходимо предоставить прокурору ряд новых полномочий. В частности, это касается права на возбуждение уголовных дел, приостановление и прекращение производства по уголовному делу, а также на отстранение от процесса дознавателей и следователей, допустивших нарушения прав и свобод граждан.

Такие меры помогут восстановить баланс в правовом регулировании и улучшить механизм защиты прав человека в рамках уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, права и свободы человека, следствие, ведомственный контроль, возбуждение уголовного дела, прекращение уголовного дела, отмена постановления, законность

Поводом написания данной статьи послужило расширенное заседание Коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2024 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2025 год. В открывшем заседании коллегии докладе Президент Российской Федерации указал, что «органам прокуратуры необходимо усилить работу по защите прав граждан»¹. Исполнение указаний Президента требует не только самоотдачи и профессионализма сотрудников прокуратуры, но и совершенствования нормативной правовой базы их служебной деятельности. Сегодня эта область отечественного законодательства является достаточно проблемной. Внесенные за последние годы многочисленные изменения привели к возникновению ряда правовых коллизий и противоречий в правовом регулировании деятельности прокурора как стороны уголовного процесса. Предлагаем читателю вместе с авторами подробнее исследовать проблемы в указанной сфере и рассмотреть возможность их решения.

Прокуратура и её место в системе органов государственной власти

В соответствии со ст. 10 Конституции Российской Федерации, государственная власть в России осуществляется на основе разделения на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную². Подобное разделение обуславливается необходимостью распределения полномочий между различными государственными органами и должностными лицами, которые в процессе их осуществления будут взаимодействовать и контролировать друг друга. То есть каждый орган действует в рамках одного властного механизма, но при этом его власть ограничена и реализуется в соответствии с нормативными предписаниями, а не по личному усмотрению отдельных должностных лиц. Обеспечивается это разделение при помощи разграничения предметов ведения и полномочий каждого государственного органа. Все ветви власти юридически равноправны, хотя «первой среди равных традиционно считается законодательная власть. Тем самым обеспечивается не только соблюдение принципов

¹ URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=94022374> (дата обращения: 15.07.2025).

² Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. 16 марта. № 11

демократического и правового государства, но и обеспечивается баланс в системе государственного управления.

Место прокуратуры в системе разделения властей неоднозначно. Исследователи данного вопроса придерживаются двух точек зрения. Меньшинство исследователей, среди которых Ф. Я. Иджаева и В. Я. Агаджанян, считают её «особой разновидностью исполнительной власти» [1, с. 158]. В подтверждение своей позиции ученые указывают, что «прокуратура и исполнительные органы, также осуществляющие надзорную деятельность, объединены единой целью, заключающейся в обеспечении законности и правопорядка, в борьбе с правонарушениями». Однако согласиться с такой точкой зрения едва ли возможно.

Безусловно, прокуратура тесно взаимодействует с органами, отнесенными Конституцией РФ и федеральными законами к исполнительной ветви государственной власти и во многом обеспечивает исполнение законов в рамках своей деятельности. Однако в полной мере отнести её к исполнительной ветви власти на основании данного признака нельзя. В своей деятельности прокуратура взаимодействует с судебными органами едва ли в меньшей мере, чем с исполнительными, а компетенция прокурорского надзора вполне распространяется на исполнительные органы.

В связи с этим, представляется более соответствующей истине позиция представителей научно-юридического сообщества, которые не относят прокуратуру к какой-либо из ветвей, считая её «единой, самостоятельной и организационно обособленной системой органов, организаций и должностных лиц, независимых от внешних воздействий и осуществляющих свои полномочия от имени РФ» [2, с. 48]. Следует отметить, что подобной точки зрения придерживается большинство исследователей.

В рамках данной работы она также видится вполне соответствующей истине, поскольку не только напрямую следует из норм Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ о прокуратуре), но и проистекает из логики законодателя, изменявшего российские нормативные правовые акты именно в этом направлении. В первую очередь речь идет о нормах Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 N 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации». В соответствии с п. 5 ст. 1 указанного нормативного правового акта, название главы 7 Конституции РФ было изменено с «Судебная власть» на «Судебная власть и прокуратура»³. Если ранее из сопоставления названия и содержания главы можно было сделать ошибочный вывод, будто прокуратура является частью

³ О поправке к Конституции Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. 10 февраля. № 6.

судебной ветви государственной власти, то вышеуказанная законодательная новелла подчеркнула независимый статус органов прокуратуры в системе разделения властей.

В закреплённой таким образом роли независимой системы государственных органов, прокуратура реализует ряд функций. Сводятся эти функции, согласно ч. 1 ст. 1 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре»), к трём основным направлениям: 1) надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, 2) надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, 3) уголовное преследование⁴. Данные функции были закреплены в указанном законе ещё в первой его редакции 1992 года, и с тех пор остаются неизменными.

Органы прокуратуры осуществляют свою деятельность на множестве на множестве направлений, однако неизменно важным среди них является деятельность в уголовном процессе. Прокурор играет важную роль как на досудебном этапе производства по уголовному делу, так и в суде. В ходе досудебного расследования именно прокурор надзирает за деятельностью органов дознания и следствия, утверждает обвинительное заключение и передаёт уголовное дело в суд. В ходе судопроизводства прокурор выступает в качестве государственного обвинителя и выполняет основной объём работы по доказыванию вины подсудимого. Однако ряд законодательных новелл существенно изменил механизм реализации функций прокуратуры в рамках уголовного процесса, особенно – реализации функции уголовного преследования.

Переосмысление роли прокурора в уголовном процессе и его последствия

Первый шаг на пути переосмысления роли прокуратуры в уголовном процессе был сделан законодателем в 2007 году. Принятый 05.06.2007 года Федеральный закон № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» существенно сократил полномочия прокурора в области уголовного судопроизводства. Прокурор был лишен права принимать меры процессуального принуждения, избирать меры пресечения, прекращать уголовное дело или уголовное преследование⁵.

Отдельная часть новеллы была посвящена сокращению полномочий прокурора в вопросах руководства действиями органов следствия. В соответствии с новой редакцией статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Рос-

⁴ О прокуратуре Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 17 января 1992 года № 2202-1 с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.02.2025 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. 03 февраля. № 6.

⁵ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05 июня 2007 года № 87-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. 11 июня. № 14.

сийской Федерации (далее – УПК РФ), закрепленной в Федеральном законе № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», прокурор стал лицом, «уполномоченным в пределах своей компетенции осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия». Данная правовая норма сохраняется и в действующей редакции УПК РФ⁶.

Согласно подп. 4, 5, 6, 9, 10 и 13 новой редакции указанной статьи, за прокурором сохранились полномочия: а) давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий; б) давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; в) отменять незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя; в) разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы; г) отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ; д) утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу.

В то же время, аналогичные полномочия в отношении следователя у прокурора были изъяты и переданы новому субъекту уголовно-процессуального права: руководителю следственного органа. Для их реализации в 2007 году был создан Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации. В 2011 году данное подразделение было целиком обособлено и преобразовано в независимый правоохранительный орган: Следственный комитет Российской Федерации. При этом собственные следственные подразделения сохранили за собой Министерство внутренних дел РФ и Федеральная служба безопасности (Следственный департамент МВД России и Следственное управление ФСБ, соответственно).

Хотя за прокурором остались некоторые полномочия, в частности, право истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение, предусмотренное подп. 5.1 п. 1 ст. 39 УПК РФ, а также право рассматривать представленную руководителем следственного органа информацию следователя о несогласии

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.07.2025 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. 04 августа. № 31.

с требованиями прокурора и принимать по ней решение, предусмотренное подп. 7 п. 1 ст. 39 УПК РФ, в рамках следствия на смену прокурорского надзора пришел ведомственный контроль, а в юридической науке и практике был сформулирован принцип независимого следствия и надзора за ним.

Таким образом, анализ проведенных изменений свидетельствует об изменении роли прокурора с руководящего должностного лица в рамках предварительного расследования на роль должностного лица, надзирающего за законностью деятельности следователей и дознавателей, соблюдением ими норм российского законодательства и прав человека. Полномочия, которых был лишен прокурор, были переданы руководителю следственного органа. Очевидно, что распределяя функции подобным образом, законодатель намеревался не только разграничить полномочия следствия и прокуратуры, но и поспособствовать более эффективному исполнению обязанностей каждым из субъектов уголовно-процессуального права. За прокурором была целиком закреплена функция государственного обвинителя в суде, тогда как досудебное производство перешло в ведение органов следствия.

Тем не менее, реакция научного сообщества и практикующих юристов на данный вопрос была неоднозначной. Исследователи данного вопроса отмечали непоследовательность и противоречивость внесенных изменений. Так, был изменен объем полномочий прокурора по надзору за деятельностью органов дознания и следствия. Данное обстоятельство, как отмечала Я. А. Климова, «не способствует поддержанию единства уголовно-процессуальной формы, не содействует равной степени защищенности прав и законных интересов участников досудебного производства по делам, расследуемым в форме предварительного следствия или дознания, не обеспечивает общего режима правоприменения и целостности надзорной прокурорской практики как юридического феномена» [3, с. 5].

Кроме того, законодательными новеллами 2007-2011 годов полномочия прокурора не только существенно сокращались, но и в определенных аспектах пересекались с полномочиями руководителя следственного органа (например, в соответствии со ст. 124 УПК РФ, рассмотрение жалоб на действия (бездействие) органов предварительного расследования уполномочены осуществлять как прокурор, так и руководитель следственного органа). Крайне нелогичным виделось сохранение за прокурором полномочий по утверждению обвинительного заключения, передаче дела в суд и исполнение функций государственного обвинителя. Все вышеперечисленные обстоятельства породили дискуссию вокруг необходимости расширения полномочий прокурора в уголовном процессе.

Уже спустя несколько лет после внесения в федеральное законодательство изменений и дополнений, а именно - в период с 2015 по 2017 годы, в научно-ю-

рическом сообществе возникла оживленная дискуссия, связанная с необходимостью расширения полномочий прокурора в рамках уголовного процесса, в частности – в рамках досудебного его этапа. Сторонники точки зрения о расширении полномочий прокурора указывали на непоследовательность изменений, внесенных законодателем в части полномочий прокурора, а также на созданные ими противоречия между нормами УПК РФ и ФЗ «О прокуратуре».

Так, в соответствии с п. 2 ст. 27 ФЗ «О прокуратуре», прокурор уполномочен «при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления, принимать меры к тому, чтобы лица, его совершившие, были подвергнуты уголовному преследованию». Данное полномочие, без преувеличения, является важнейшим для прокурора, как сотрудника системы надзорных органов, которыми является в настоящее время российская прокуратура. Тем не менее, ФЗ «О прокуратуре» никак не конкретизирует перечень тех мер, которые прокурор имеет право принимать в рамках реализации вышеуказанного полномочия. Несмотря на отсутствие прямой отсылки, очевиден замысел законодателя по направлению правоприменителя в иной нормативный правовой акт.

Нормативным правовым актом, который конкретизирует положения ч. 2 ст. 27 ФЗ «О прокуратуре», является УПК РФ. В соответствии с п. 4 ст. 140 УПК РФ, прокурор может вынести имеющее статус повода для возбуждения уголовного дела постановление о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. На этом, однако, перечень принимаемых прокурором мер, исчерпывается. После направления такого постановления прокурором, решение о возбуждении уголовного дела принимается иным должностным лицом – руководителем следственного органа. И данное должностное лицо уполномочено как исполнить постановление прокурора, так и выразить мотивированное несогласие, тем самым фактически его отменив.

Аналогичным образом обстоят дела и со вторым инструментом воздействия прокурора на органы следствия. В соответствии с п. 4 ст. 39 УПК РФ, прокурор может направить руководителю следственного органа требование об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя. Однако и в данном случае решение остается за руководителем органа предварительного расследования.

В случае отказа руководителя следственного органа от исполнения требований прокурора, последний имеет право обратиться к главе вышестоящего органа следствия. Если прокурору будет дан отказ и там, он имеет право обращаться выше по цепочке руководителей следственных органов, направляясь в конце концов непосредственно к главе Следственного комитета Российской

Федерации и Генеральному прокурору Российской Федерации. Подобный юридический механизм, (который В. А. Лазарева совершенно справедливо характеризует как «громоздкий») [4, с. 4] предусмотрен законодателем с целью устранения возможных противоречий между двумя субъектами уголовно-процессуального права, распределившими между собой имевшиеся ранее у прокурора полномочия в рамках предварительного расследования.

Однако обращает на себя внимание то, что даже при его наличии в законодательстве наблюдается правовая коллизия. Будучи наделенным полномочиями подвергать уголовному преследованию лиц, преступно нарушивших права и свободы человека, прокурор вместе с тем лишен нормами уголовно-процессуального законодательства важнейших средств для принятия подобных мер: права на возбуждение и прекращение уголовного дела. В сложившейся системе проведения предварительного расследования, прокурор уполномочен лишь утверждать постановления иных должностных лиц, а в случае несогласия с ними – обращаться по цепочке к вышестоящим должностным лицам для принятия ими необходимого решения. В этом смысле нельзя не согласиться с Д. А. Сычевым, который утверждает, что «действующая уголовно-процессуальная регламентация не отвечает потребностям эффективной работы прокурора и следственного аппарата, а прокурора ставит отчасти в подчиненное положение, не соответствующее его надзорной функции и статусу главы обвинительной власти» [5, с. 76].

В то же время, прокурор обладает полномочиями отменить постановление о возбуждении уголовного дела. Согласно п. 4 ст. 146 УПК РФ, в случае, если прокурор признает постановление о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, он вправе в срок не позднее 24 часов с момента получения материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела, отменить постановление о возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление, копию которого незамедлительно направляет должностному лицу, возбудившему уголовное дело. Соответственно, прокурор не имеет права возбуждать уголовное дело, однако уполномочен отменять постановление следователя или иного должностного лица о возбуждении уголовного дела.

Подобный подход законодателя значительно растягивает во времени процедуру принятия процессуальных решений. Как отмечает А. В. Рагулин: «Правоприменительная практика последних лет свидетельствует, что конкретный материал доследственной проверки, проводимой на основании ст. 144–145 УПК РФ, может пройти по 5–6 процессуальных циклов, основанных на положениях приведенных выше правовых норм, до того как уголовное дело будет возбуждено, принято к производству, а соответствующее должностное лицо приступит к его расследованию» [6, с. 55]. Подобная бюрократизация ведет не только к затягиванию рассмотрения уголовного дела, но и существенно

повышает шанс утратить важнейшие доказательства преступления, получение которых возможно лишь в ходе следственных действий. Тем самым оказывается влияние и на ход расследования конкретного уголовного дела, и на эффективность работы всей системы уголовного правосудия.

Вышеуказанная проблема свидетельствует о том, что действующее уголовно-процессуальное законодательство недостаточно эффективно регулирует вопросы прокурорского надзора. Стремясь обеспечить независимость следствия и надзора за ним, законодатель создал ситуацию, при которой на место прямого руководства встала сложная система сдержек и противовесов. Если в конституционном праве такая система актуальна и необходима для обеспечения баланса сил в государстве и во избежание усиления какой-либо ветви государственной власти, то в рамках уголовного процесса возникновение противоречий между двумя важнейшими субъектами ставит под угрозу все предварительное расследование, или даже саму возможность его проведения. Ни руководитель следственного органа, ни сам прокурор не обладают всей полнотой полномочий для проведения и завершения досудебного следствия и обязаны сотрудничать для достижения общей цели: раскрытия преступления и защиты законности и правопорядка. Однако бюрократизация процесса взаимодействия прокурора и следователя ставит под вопрос эффективность достижения ими поставленной цели.

Более того, они становятся лишь препятствием для исполнения прокурором функций государственного обвинителя на этапе судебного разбирательства. Сокращение объема полномочий прокурора по надзору за досудебным следствием, как отмечают Н. С. Соколовская и Д. А. Сычев, создают препятствия для «эффективного поддержания государственного обвинения по уголовным делам, по которым проводится предварительное следствие, ввиду того, что прокурор недостаточно знаком с материалами уголовного дела и не контролирует его ход, а также не может оперативно корректировать его результаты в рамках утверждения обвинительного заключения» [7, с. 179] [8, с. 71].

Необходимость повышения эффективности прокурорского надзора отмечал в своих обращениях Президент Российской Федерации и иные должностные лица⁷. Осознается данная проблема и научным сообществом, многие представители которого (Я. А. Климова, А. В. Рагулин, Э. Р. Исламова, А. В. Чубыкин и др.) предлагают решить её путем расширения полномочий прокурора [6, с. 58] [9, с. 160-161] [10, с. 92]. Более того, попытка подобного расширения предпринималась и на законодательном уровне. 24.09.2015 года Членом Совета Федерации К. В. Цыбко был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроект № 887064-6 «О внесении изме-

⁷ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/48985> (дата обращения: 18.08.2025)

нений в статью 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (о праве прокурора прекращать уголовное дело или уголовное преследование по основаниям, предусмотренным статьями 24 - 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, при поступлении от следователя уголовного дела с обвинительным заключением)»⁸.

Хотя данный законопроект был отклонен нижней палатой парламента в первом чтении, инициатива законодателя видится верной. Созданный законодателем механизм не позволяет прокурору исполнять свою важнейшую функцию на досудебном этапе производства по уголовному делу – устранять допущенные органами предварительного расследования нарушения прав и свобод человека. Более того, данный громоздкий механизм создает обратный эффект, позволяющий руководителю следственного органа фактически контролировать действия прокурора, давая согласие следователю на неисполнение прокурорских требований. Особенно непоследовательным подобное изменение объема полномочий прокурора на досудебном этапе выглядит в сравнении с правом прокурора отказаться от обвинения на этапе судебного разбирательства, предусмотренного п. 7 ст. 246 УПК РФ.

Таким образом, необходимым и логичным шагом должно быть расширение полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве путем предоставления ему прав на: 1) возбуждение уголовного дела; 2) приостановление производства по уголовному делу; 3) прекращение производства по уголовному делу; 4) отстранение от производства по уголовному делу дознавателя или следователя, допустивших нарушение прав и свобод человека.

Как указано в статистических данных Генеральной Прокуратуры Российской Федерации за последний наблюдаемый период (декабрь 2023 года) прокурорами отменено 107 805 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, 37 181 постановлений о приостановлении предварительного расследования, 1314 постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)⁹. Расширение полномочий прокурора позволит предотвратить само вынесение подобных постановлений, повысив законность досудебного производства по уголовному делу и повысив эффективность прокурорского надзора как средства обеспечения соблюдения прав и свобод человека.

⁸ О внесении изменений в статью 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (о праве прокурора прекращать уголовное дело или уголовное преследование по основаниям, предусмотренным статьями 24 - 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, при поступлении от следователя уголовного дела с обвинительным заключением): проект Федерального закона от 24 сентября 2017 года № № 887064-6 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/887064-6> (дата обращения: 24.08.2025)

⁹ URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85612220> (дата обращения: 28.08.2025)

Литература

1. Ижаева Ф. А., Агаджанян В. Я. Статус прокуратуры в системе разделения властей / Ф. А. Ижаева, В. Я. Агаджанян // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2012. – № 10. – С. 157 - 161.
2. Кара-Сал, Б. О. О месте прокуратуры в системе разделения властей / Б. О. Кара-Сал // Вестник магистратуры. – 2022 – № 2-1 (125) – С. 48-50.
3. Климова, Я. А. Трансформация полномочий прокурора на завершающих этапах досудебного производства : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Климова Яна Александровна; – Волгоград, 2017. – 25 с.
4. Лазарева, В. А. Долгожданные изменения в статусе прокурора (закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ) / В. А. Лазарева // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 3 – С. 2-6.
5. Сычев, Д. А. Прокурор: место в осуществлении уголовного преследования в ходе досудебного судопроизводства / Д. А. Сычев // Социология и право. – 2015. – № 2 (28) – С. 73-81.
6. Рагулин, А. В. О необходимости расширения полномочий прокурора как участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации / А. В. Рагулин // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 4(29). – С. 52-65.
7. Соколовская, Н. С. К вопросу об эффективности участия прокурора в состязании сторон / Н. С. Соколовская // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Ч. 47. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010 – С. 178-180.
8. Сычев, Д. А. Соотношение функций уголовного преследования и надзора с другими направлениями деятельности прокурора на досудебных стадиях производства // Социология и право. – 2014. – № 4 (26). – С. 68-76.
9. Исламова, Э. Р., Чубыкин, А. В. Мотивированное постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (проблемы применения) / Э. Р. Исламова, А. В. Чубыкин // Крымский научный вестник. – 2016. – № 3 (9). – С. 155-163.
10. Климова, Я. А. Трансформация полномочий прокурора на завершающем этапе досудебного производства, оканчивающемся прекращением уголовного дела / Я. А. Климова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – Вып. 2 (37) – С. 88-92.

Akulich Anatoly Valentinovich

*Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Prosecutorial
and Investigative Activities of the Legal Disciplines
SEI HE «Vladimir Dahl Lugansk State University»
tolik.akulich.80@mail.ru*

Topolskova Irina Alexandrovna

*Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Prosecutorial
and Investigative Activities of the Legal Disciplines
SEI HE «Vladimir Dahl Lugansk State University»
topolskova@bk.ru*

ON THE ISSUE OF EXPANDING THE POWERS OF THE PROSECUTOR IN THE CRIMINAL PROCESS

This article addresses the issue of the need to expand the powers of the prosecutor in criminal proceedings in order to increase the effectiveness of criminal prosecution and the protection of citizens' rights. The primary focus is on the identified legal conflict between a number of normative legal acts of federal legislation, which arose as a result of the inconsistent reduction of the prosecutor's powers when amendments were made to federal legislation. This led to the prosecutor being restricted in the use of a range of tools that would ensure proper protection of citizens' rights and freedoms, as well as contribute to more effective control over the legality of the criminal process.

The article emphasizes that the prosecutor has lost important powers to take measures aimed at bringing perpetrators to criminal responsibility. It is noted that the scientific community has repeatedly raised the issue of the need to restore and expand the prosecutor's powers, and a draft federal law has been proposed that suggests granting the prosecutor additional rights within the framework of criminal proceedings. The author concludes that in order to enhance the legality of pre-trial procedures and increase the effectiveness of prosecutorial supervision as a means of ensuring the protection of human rights and freedoms in criminal proceedings, it is necessary to grant the prosecutor a number of new powers. In particular, this concerns the right to initiate criminal cases, suspend and terminate criminal proceedings, as well as to remove investigators and interrogators who have violated citizens' rights and freedoms from the process. These measures will help restore the balance in legal regulation and improve the mechanism for the protection of human rights within the framework of criminal justice.

KEYWORDS: prosecutor's office, prosecutor's supervision, human rights and freedoms, investigation, departmental control, initiation of a criminal case, termination of a criminal case, cancellation of a resolution, legality

Literatura

1. Izhaeva F.A., Agadzhanian V.Ya. Status prokuratury` v sisteme razdeleniya vlastej / F.A. Izhaeva, V.Ya. Agadzhanian // Intellektual`ny`j potencial XXI veka: stupeni poznaniya. – 2012. – № 10. – S. 157 - 161.

2. Kara-Sal, B. O. O meste prokuratury` v sisteme razdeleniya vlastej / B. O. Kara-Sal // Vestnik magistratury`. – 2022 – № 2-1 (125) – S. 48-50.

3. Klimova, Ya.A. Transformaciya polnomochij prokurora na zavershayushhix e`tapax dosudebnogo proizvodstva : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskix nauk : 12.00.09 / Klimova Yana Aleksandrovna; – Volgograd, 2017. – 25 s.

4. Lazareva, V.A. Dolgozhdanny`e izmeneniya v statuse prokurora (zakon ot 28 dekabrya 2010 g. № 404-FZ) / V.A. Lazareva // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2011. – № 3 – S. 2-6.

5. Sy`chev, D.A. Prokuror: mesto v osushhestvlenii ugolovno presledovaniya v xode dosudebnogo sudoproizvodstva / D.A. Sy`chev // Sociologiya i pravo. – 2015. – № 2 (28) – S. 73-81.

6. Ragulin, A. V. O neobxodimosti rasshireniya polnomochij prokurora kak uchastnika ugolovno sudoproizvodstva v Rossijskoj Federacii / A. V. Ragulin // Evrazijskaya advokatura. – 2017. – № 4(29). – S. 52-65.

7. Sokolovskaya, N. S. K voprosu ob e`ffektivnosti uchastiya prokurora v sostyazanii storon / N. S. Sokolovskaya // Pravovy`e problemy` ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti: sb. st. Ch. 47. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2010 – S. 178-180.

8. Sy`chev, D.A. Sootnoshenie funkcij ugolovno presledovaniya i nadzora s drugimi napravleniyami deyatel`nosti prokurora na dosudebny`x stadiyax proizvodstva // Sociologiya i pravo. – 2014. – № 4 (26). – S. 68-76.

9. Islamova, E`.R., Chuby`kin, A. V. Motivirovanoe postanovlenie prokurora o napravlenii materialov v organ predvaritel`nogo rassledovaniya dlya resheniya voprosa ob ugolovnom presledovanii (problemy` primeneniya) / E`. R. Islamova, A. V. Chuby`kin // Kry`mskij nauchny`j vestnik. – 2016. – № 3 (9). – S. 155-163.

10. Klimova, Ya.A. Transformaciya polnomochij prokurora na zavershayushhem e`tape dosudebnogo proizvodstva, okanchivayushhemsya prekrashheniem ugolovno delo / Ya.A. Klimova // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2016. – Vy`p. 2 (37) – S. 88-92.

Бабич Лидия Николаевна

кандидат юридических наук,

доцент кафедры прокурорско-следственной деятельности

Института гражданской защиты

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени В.Даля»

e-mail: marta.kaf@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА СУДИМОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается институт судимости как завершающая стадия реализации уголовной ответственности в уголовном праве Российской Федерации. Анализируются понятие судимости, ее правовая природа и последствия, а также место данного института в системе уголовно-правовых и общеправовых ограничений. Особое внимание уделяется уголовно-правовым последствиям судимости, прежде всего рецидиву преступлений, а также проблемам его законодательного регулирования. Выявляются правовые пробелы и неточности формулировок действующего уголовного законодательства, связанные с определением момента возникновения рецидива, соотношением осуждения и вступления приговора в законную силу, а также вопросом учета погашенной или снятой судимости. Обосновывается необходимость совершенствования уголовного законодательства путем уточнения норм о рецидиве преступлений и устранения существующей правовой неопределенности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, судимость, рецидив преступлений, уголовное право, реализация уголовной ответственности, правовые последствия судимости, обвинительный приговор, погашение и снятие судимости, правовые пробелы, совершенствование уголовного законодательства.

Ответственность – это одно из решающих понятий в любых общественных отношениях. Именно возможность наступления ответственности стимулирует стороны вести себя в соответствии с социальными нормами. Особую важность приобретает ответственность в основных видах общественных отношений, которые регулируются особым социальным регулятором – правом. Отношения, регулируемые нормами права, в юридической терминологии принято называть правоотношениями, а ответственность, которая наступает в рамках таких отношений, является юридической ответственностью.

В сфере уголовно-правовых отношений субъекты реализуют юридическую ответственность. М. П. Карпушин и В. И. Курляндский, под уголовной ответственностью понимают обязанность лица, совершившего преступление, отвечать за содеянное в соответствии с уголовным законом [1, с. 39]. Как любая

юридическая ответственность, уголовная ответственность обладает своим порядком реализации. Он представляет собой процесс, связанный с ограничением определенных прав, причинением определенного ущерба субъективным правам и законным интересам лица, признанного обвинительным приговором суда виновным в совершении противоправного деяния, предусмотренного уголовным законом.

Порядок реализации уголовной ответственности включает в себя ряд стадий, на каждой из которых достигается определенная задача уголовной ответственности. И. Я. Козаченко выделял всего четыре стадии реализации уголовной ответственности:

Первая стадия – привлечения к ответственности, на которой на лицо накладываются ограничения уголовно-правового характера, а в случае его невиновности осуществляется безусловное освобождение от уголовной ответственности;

Вторая стадия – назначение наказания, на которой органами уголовного правосудия определяются конкретные негативные последствия, которые будут применены к правонарушителю;

Третья стадия – исполнения наказания, где лицо вступает в отношения с уголовно-исполнительными органами, а также может осуществляться замена одного вида наказания другим;

Четвёртая стадия – судимость, в рамках которой лицо, в отношении которого было исполнено наказание, претерпевает негативные последствия, предусмотренные различными отраслями права и связанные с фактом привлечения лица к уголовной ответственности [2, с. 73].

Судимость, таким образом, представляет собой финальную стадию реализации уголовной ответственности, в рамках которой лицо претерпевает определенные уголовно-правовые и общеправовые негативные последствия, связанные с наложением на него обвинительного приговора суда. Легальное определение судимости отсутствует в действующем законодательстве, однако Конституционный суд Российской Федерации в Постановлении от 19 марта 2003 года № 3-П определяет судимость как «правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законодательством правовые последствия» [3, п. 1.2].

Помещение лица в правовое состояние судимости, как следует из ее определения, влечет за собой ограничение прав и свобод человека. Подобное положение, на первый взгляд, соответствует требованиям с ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации допускается лишь на основании федерального закона

и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [4, ч. 3 ст. 56]. Однако правовые последствия судимости представляют собой комплекс ограничений, многие из которых являются как минимум спорными.

Ввиду подобной двойственности значения судимости, часть из последствий судимости находится в уголовно-правовой сфере, часть – в сферах действия других отраслей права. Так или иначе, подобный процесс подразумевает наложение определенных ограничений на права и свободы гражданина. В Конституции Российской Федерации отсутствует указание на то, что права граждан могут быть ограничены вследствие наложения судимости, Основной закон вовсе не производит деления граждан на лиц, признанных виновными в совершении преступлений, и иных. Вместо этого конституционные нормы указывают на то, что права граждан могут быть ограничены на основании федерального закона [4, ч. 3 ст. 55]. На уровне отраслевого законодательства данная норма расширяется, и в Уголовном кодексе уже содержится перечень непосредственных ограничений, которые накладываются на правосубъектность лица вследствие уголовного наказания.

Поскольку судимость является достаточно многогранным правовым институтом, научное сообщество выработало множество критериев для классификации последствий судимости. Наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой все последствия судимости разделяют на уголовно-правовые и общеправовые [5, с. 48, 6, с. 189]. Уголовно-правовые последствия представляют собой установленные действующим уголовным законодательством правоограничения, реализуемые в случае в случае совершения лицом, имеющим судимость, нового преступного деяния [7, с. 762]. В общем виде перечень уголовно-правовых последствий судимости содержится в ст. 85 УК РФ. В соответствии с нормами данной статьи, судимость учитывается в двух случаях:

- при рецидиве преступления;
- при назначении наказаний;

Первое основание является наиболее распространенным, и при этом крайне дискуссионным в научном сообществе. В соответствии с действующими нормами УК РФ, рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление [8, ч. 1 ст. 18]. Выделяется три вида рецидива: рецидив, опасный рецидив и особо опасный рецидив. Любой из этих видов является отягчающим обстоятельством при назначении наказания [8, п. а ч. 1 ст. 63]. В соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ, срок наказания при любом виде рецидива преступлений

не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного Кодекса РФ. Однако, согласно ч. 3 указанной статьи, если судом установлены смягчающие обстоятельства, срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса, а при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных статьей Уголовного Кодекса, может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление [8, ст. 63].

Из законодательной формулировки следует, что рецидив представляет собой совершение противоправного деяния в определенных временных рамках, вследствие которого оно оценивается более строго. Однако к тексту Уголовного кодекса явно не прослеживается момент, с которого можно считать совершенное деяние рецидивом. В данном случае формулировка уголовного закона предыдущих исторических периодов видится более удачной, поскольку факт совершения одним и тем же лицом нескольких уголовных деяний последовательно отследить значительно проще.

Анализируя акты официального толкования, в частности Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22 декабря 2015 года, при определении рецидива следует считать момент осуждения [9, абз. 3 п. 44]. Там же допускается оговорка о том, что не каждое осуждение является основанием для определения рецидива, а только осуждение за умышленное преступление средней тяжести и выше. Также, при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свобод [9, абз. 2 п. 45]. Однако даже с такой оговоркой подобное толкование обладает рядом противоречий.

Как известно, вынесение приговора еще не означает его вступление в юридическую силу. Так, согласно ч. 1 ст. 390 УПК РФ, приговор суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении срока его обжалования в апелляционном порядке, если он не был обжалован сторонами. Срок апелляционного обжалования, согласно ч. 1 ст. 389.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, составляет 15 суток со дня постановления приговора или вынесения иного решения суда [10, ч. 1 ст. 390, ч. 1 ст. 389.4].

Более того, даже после вступления приговора в законную силу он может быть обжалован путем обращения в вышестоящую судебную инстанцию [10,

ч. 1 ст. 401.2, ч. 1 ст. 412.1]. С учетом всего вышперечисленного остается неопределенным следующий вопрос: по каким правилам должно быть осуждено лицо, которое совершило новое преступление после вынесения судом обвинительного приговора, но до его вступления в законную силу? Какими нормами должен руководствоваться правоприменитель: положениями ч. 5 ст. 18 УК РФ, или ст. 70 УК РФ о совокупности приговоров? [8, ст. 70].

В своей статье Н. Н. Коротких замечает: «...Но вступивший в законную силу обвинительный приговор приобретает эти свойства, как обязательность и преюдициальность, и обращается к исполнению. До момента вступления в законную силу он данными правовыми последствиями не обладает и может быть обжалован или опротестован в кассационном порядке. Если лицо совершило новое преступление после провозглашения приговора, но до его вступления в законную силу, должны рассматриваться по правилам статьи по совокупности приговоров. О рецидиве в данных ситуациях говорить не приходится, так как отсутствует обязательный признак – судимость...» [11, с. 38]. Подобное утверждение представляется логичным, однако является лишь субъективным мнением правоведа, которое не находит ни подтверждения, ни опровержения в тексте действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации. В данном случае налицо правовой пробел.

Еще более спорной представляется законодательная формулировка «имеющим судимость» в отношении рецидива. Подобное построение фразы не дает четкого понимания того, о какой именно судимости вел речь законодатель: о судимости вообще, или только непогашенной судимости. Несмотря на то, что погашение или снятие судимости устраняет все её последствия, говорить о полном прекращении правового воздействия на лицо не приходится. Сведения о вынесенных в отношении гражданина обвинительных приговорах продолжают храниться в специальных информационных системах правоохранительных органов течение неограниченного срока, а значит потенциально могут быть учтены судом при принятии решения.

В связи с этим, некоторые авторы полагают, что наличие прежней, даже снятой или погашенной судимости, должно учитываться судами при характеристике личности обвиняемого и последующем определении мер уголовной репрессии в отношении него, поскольку в противном случае это будет отступлением от принципа дифференциации уголовной ответственности [12, с. 82]. Большинство авторов подобный подход не разделяют, полагая, что снятие или погашение судимости является основанием для снятия с лица всех ограничений и ограничений, а продление срока их действия до бесконечности противоречит смыслу уголовного законодательства, в частности, институту судимости. Некоторые авторы говорят о так называемой фикции в уголовном

праве, когда при определенных установленных законом условиях лицо не считается судимым, хотя фактически судимость в определенный период времени имела [13, с. 47].

Наконец, остается неоднозначным вопрос о соотношении осуждения и исполнения наказаний как оснований для учета рецидива. В соответствии с ч. 2 ст. 91 УК РФ, лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым [8, ч. 2 ст. 91]. В связи с этим, остается открытым вопрос о том, может ли считаться несудимым лицо, в отношении которого был вынесен обвинительный приговор суда, но не были инициированы процедуры исполнения наказания? По данному вопросу научное сообщество разделилось на несколько позиций.

Одни считают, что рецидивом необходимо считать преступление, которое совершил гражданин, ранее осужденный за совершение другого преступления, независимо от того, отбывал он наказание или нет.

Вторая группа ученых считает, что для признания преступления рецидивом необходимо считать преступление, которое совершил гражданин, ранее осужденный за совершение другого преступления, при этом он должен отбыть полное или частичное наказание.

Последняя группа ученых утверждает, что рецидивом необходимо считать преступление, которое совершил гражданин, ранее осужденный за совершение другого преступления, при этом лицо должно полностью отбыть наказание, которое было назначено за совершение предыдущего преступления [14, с. 201].

Представляется, что в данной ситуации наиболее близки к истине сторонники первой точки зрения. Несмотря на неточность законодательной формулировки, следует признать, что даже если допустить, что обвинительный приговор вступил в законную силу, а исполнение наказания не начато по каким-нибудь причинам, лицо все равно должно быть признано имеющим судимость, поскольку его вина была установлена судом и в отношении него был вынесен приговор о применении наказания с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления. К нему не будут применены ограничения, установленные в пенитенциарный период в связи с тем, что не начато отбывание наказания, однако положения о рецидиве все равно будут действовать в отношении данного лица.

Таким образом, следует констатировать тот факт, что в отношении важнейшего основания судимости – рецидива преступлений, в действующем уголовном законодательстве присутствует множество правовых пробелов и неточностей законодательных формулировок, которые затрудняют применение норм права. В связи с этим, целесообразно внести ряд изменений и дополнений в текст Уголовного кодекса Российской Федерации, касающихся рецидива преступлений. Как минимум, необходимо дополнить ст. 18 УК РФ указанием

на то, что совершение преступления до вступления приговора в законную силу не считается рецидивом, и рассматривается в соответствии со ст. 17 УК РФ.

Литература:

1. Карпушин, М. П., Курляндский, В. И. Уголовная ответственность и состав преступления / М. П. Карпушин, В. И. Курляндский. – М.: Юрид.лит., 1984. – 232 с.

2. Козаченко, И. Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность структура, функции, виды / под ред. М. И. Ковалев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 232 с

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 - 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/

4. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

5. Габдрахманов, Ф. В. Уголовно-правовые и общеправовые последствия судимости: сравнительно-правовой анализ / Ф. В. Габдрахманов // Евразийская адвокатура. – Уфа: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права – 2014 – № 4 (11). – С. 47-50.

6. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А. И. Чучаева. – М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2012. – 384 с.

7. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. – М.: Статут, 2016. – 864 с.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.03.2023) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22 декабря 2015 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.12.2018 г.) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.12.2022 г.) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

11. Коротких, Н.Н. Судимость как признак рецидива преступлений / Н.Н. Коротких // Законность. – М.: Редакция журнала «Законность». – 2005 – № 1. – С. 37-39.

12. Мевлуд, Д.Д. Уголовно-правовые последствия судимости / Д.Д. Мевлуд // Вестник Московского университета МВД России. – М.: Московский университет МВД России. – 2019 – № 4. – С. 82-84.

13. Фирсова, А.А. Уголовно-правовое значение судимости / А.А. Фирсова // Уголовное право. – М.: Юридические программы. – 2018 – № 2. – С. 47-52.

14. Кутуев, А.З., Кириллов, М.А. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные последствия судимости / А.З. Кутуев, М.А. Кириллов // Актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии: Сборник материалов Республиканской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженного работника образования Чувашской Республики Аркадия Сизого. – Чебоксары, 2020. – С. 200-203.

Babich Lidia Nikolaevna

Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor of the Department of Prosecutorial and Investigative

Activities Institute of Civil Protection

SEI HE “Vladimir Dahl Lugansk State University”

e-mail: marta.kaf@mail.ru

PROBLEMATIC ISSUES OF THE INSTITUTE OF CONVICTIONS IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article examines the institution of convictions as the final stage of the implementation of criminal liability in the criminal law of the Russian Federation. The concept of convictions, its legal nature and consequences, as well as the place of this institution in the system of criminal and general legal restrictions, are analyzed. Special attention is paid to the criminal-legal consequences of convictions, primarily to the recidivism of crimes, as well as the problems of its legislative regulation. The article identifies legal gaps and inaccuracies in the wording of the current criminal legislation related to the definition of the moment of recurrence, the relationship between conviction and the entry of a verdict into force, as well as the issue of accounting for a погашенная or removed criminal record. The article*

substantiates the need to improve the criminal legislation by clarifying the norms on the recurrence of crimes and eliminating the existing legal uncertainty.

Keywords: *criminal liability, criminal record, recidivism, criminal law, implementation of criminal liability, legal consequences of a criminal record, conviction, redemption and cancellation of a criminal record, legal gaps, and improvement of criminal legislation.*

Literature

1. Karpushin, M. P., Kurlyandskiy, V. I. Ugolovnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya / M. P. Karpushin, V. I. Kurlyandskiy. – M.: Yurid.lit., 1984. – 232 s.

2. Kozachenko, I. Ya. Sanktsii za prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya: obuslovlennost' struktura, funktsii, vidy / pod red. M. I. Kovalev. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1987. – 232 s.

3. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.03.2003 № 3-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, reglamentiruyushchikh pravovye posledstviya sudimosti litsa, neodnokratnosti i retsidiva prestupleniy, a takzhe punktov 1 - 8 Postanovleniya Gosudarstvennoy Dumy ot 26 maya 2000 goda «Ob ob»yavlenii amnistii v svyazi s 55-letiem Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941 - 1945 godov» v svyazi s zaprosom Ostankinskogo mezhmunitsipal'nogo (rayonnogo) suda goroda Moskvy i zhalobami ryada grazhdan» // SPS KonsultanPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/

4. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii ot 12 dekabrya 1993 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 01.07.2020 g.) // SPS KonsultanPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

5. Gabdrakhmanov, F. V. Ugolovno-pravovye i obshchepravovye posledstviya sudimosti: sravnitel'no-pravovoy analiz / F. V. Gabdrakhmanov // Evraziyskaya advokatura. – Ufa: Evraziyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut problem prava – 2014 – № 4 (11). – S. 47-50.

6. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya i Osobennaya chasti: uchebnik / pod red. A. I. Chuchaeva. – M.: KONTRAKT: INFRA-M, 2012. – 384 s.

7. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnik / pod red. F. R. Sundurova, I. A. Tarkhanova. – M.: Statut, 2016. – 864 s.

8. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13 iyunya 1996 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 15.03.2023) // SPS KonsultanPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

9. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii «O praktike naznacheniya sudami Rossiyskoy Federatsii ugolovnogo nakazaniya» ot 22 dekabrya 2015 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 18.12.2018

g.) // SPS KonsultanPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/

10. Ugolovno-protseessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2001 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 29.12.2022 g.) // SPS KonsultanPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

11. Korotkikh, N. N. Sudimost' kak priznak retsidiva prestupleniy / N. N. Korotkikh // *Zakonnost'*. – M.: Redaktsiya zhurnala «Zakonnost'». – 2005 – № 1. – S. 37-39.

12. Mevlud, D. D. Ugolovno-pravovye posledstviya sudimosti / D. D. Mevlud // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. – M.: Moskovskiy universitet MVD Rossii. – 2019 – № 4. – S. 82-84.

13. Firsova, A. A. Ugolovno-pravovoe znachenie sudimosti / A. A. Firsova // *Ugolovnoe pravo*. – M.: Yuridicheskie programmy. – 2018 – № 2. – S. 47-52.

14. Kutuev, A. Z., Kirillov, M. A. Ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitel'nye posledstviya sudimosti / A. Z. Kutuev, M. A. Kirillov // *Aktual'nye problemy ugolovnogo, ugolovno-ispolnitel'nogo prava i kriminologii: Sbornik materialov Respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchenoy pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, pochetnogo rabotnika vysshego professional'nogo obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii, zasluzhennogo rabotnika obrazovaniya Chuvashskoy Respubliki Arkadiya Sizogo*. – Cheboksary, 2020. – S. 200-203.

Бугаевская Юлия Юрьевна
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет
имени Владимира Даля»
e-mail: bugaevskaya@inbox.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АЛИМЕНТНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ВОСПИТАННИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕГО ФАКТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАТЕЛЮ

Статья посвящена изучению правовой природы алиментного обязательства воспитанника по отношению к его фактическому воспитателю. Определено основание для возникновения отношений по воспитанию и содержанию ребенка фактическим воспитателем, а также условия возникновения алиментного обязательства между фактическим воспитателем и его совершеннолетним воспитанником. Выделена система признаков правоотношения фактического воспитания.

Ключевые слова: фактический воспитатель, воспитанник, фактическое воспитание, правовая природа, ребенок, воспитание, содержание

Семейно-правовые правоотношения фактического воспитателя и воспитанника можно отнести к категории недостаточно урегулированных, поскольку Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) содержит всего одну статью – статью 96 –, регулиующую алиментное обязательство воспитанника по отношению к его фактическому воспитателю и направленную на защиту текущих и будущих имущественных интересов последнего [1, ст. 96]. Другие многочисленные аспекты данного правоотношения остались вне поля зрения законодателя, на чем убедительно акцентируют внимание ученые. Например, Е. А. Татаринцева отмечает «почти полное отсутствие норм, определяющих правовой статус фактического воспитателя» [2, с. 113-114].

Стоит отметить, что содержание норм ст. 96 СК РФ абсолютно не раскрывает правовую природу возникновения данного алиментного обязательства, как и в целом не содержит сведений об основаниях возникновения самих отношений по воспитанию и содержанию ребенка фактическим воспитателем.

Практическая значимость данных вопросов заключается в том, что правовой статус фактического воспитателя можно обрести зачастую только в рамках судебного спора об алиментировании фактического воспитателя. Естественно, выяснение оснований для возникновения отношений по воспитанию и содержанию конкретного ребенка именно фактическим воспитателем, а не его родителем(ями), равно как и определение причины и условий для возникновения

«ответного» алиментного обязательства имеет существенное значение для принятия справедливого судебного решения, чем и определен выбор данного направления исследования.

Целью данной научной статьи является изучение правовой природы алиментного обязательства воспитанника по отношению к его фактическому воспитателю, необходимое для определения правового статуса последнего как субъекта семейных правоотношений.

Для достижения указанной цели необходимо в первую очередь определить, что же является основанием для возникновения отношений по воспитанию и содержанию ребенка фактическим воспитателем.

В данном случае следует, прежде всего, дать ответ на один простой вопрос: каким образом фактический воспитатель получает право (приобретает обязанность) воспитывать и содержать своего воспитанника – ребенка, которому фактический воспитатель родителем не является? Ведь как известно, права и обязанности по воспитанию (ч. 1 ст. 63 СК РФ) и содержанию (ч. 1 ст. 80 СК РФ) детей изначально возлагаются на их родителей [1]. При этом ч. 1 ст. 63 СК РФ закрепляет преимущественность права родителей на воспитание своих детей перед всеми другими лицами [1, ст. 63], но не исключительность этого права. Таким образом, можно с полной уверенностью говорить о приоритете права родителей (одного из родителей) на участие в воспитании своего ребенка. Следовательно, закон допускает возможность также и иных лиц участвовать в воспитании данного ребенка; таковыми лицами являются, например, педагогические работники образовательных учреждений, в которых обучается ребенок, реализуя соответствующую форму получения ребенком основного общего образования в соответствии с Законом «Об образовании В Российской Федерации» № 273-ФЗ [3]. В данном случае следует говорить о возможности воспитывать одного и того же ребенка совместно родителями и другими лицами, уполномоченными на это законом, но с сохранением приоритета в воспитании ребенка за родителями.

Являются ли фактические воспитатели такими лицами, которые подобно педагогическим работникам, могут участвовать совместно с родителями в воспитании ребенка? Законных оснований дать положительный ответ на данный вопрос нет. Участие фактического воспитателя в воспитании ребенка одновременно с его родителями не представляется логичным и рациональным (по сути это будет полным дублированием функции родителей), поочередное или частичное участие фактического воспитателя в процессе воспитания ребенка не имеет законных оснований – закон не предусматривает возможности передачи родителями своих родительских прав и обязанностей по воспитанию

и содержанию собственного ребенка другим лицам, например по договору или доверенности.

Однако некоторые ученые всё же рассматривают правоотношение фактического воспитания ребенка как ситуативную составляющую правоотношения между родителем(ями) и ребенком. В частности, данную точку зрения отстаивает Е. Г. Комиссарова, по мнению которой «фактическое воспитание ребенка – это продолжение воспитания семейно-родительского, возникающее по воле родителей или (в ситуациях невозможности ее проявления) «по умолчанию» родителей» [4, с. 146]. Фактическое воспитание ребенка как «случаи фактического разделения или передачи родительских ролей, которые носят устойчивый характер...» Е. Г. Комиссарова считает «законодательно значимыми» [4, с. 147].

Аналогичной точки зрения придерживается Е. А. Татаринцева, отмечая, что «... потребность в воспитании ребенка нередко возникает и в тех семьях, где родители ... в силу различных причин социально-экономического и иного характера не могут лично исполнять свои обязанности по его воспитанию. В то же время ребенок таких родителей не стоит на учете в органах опеки и попечительства как оставшийся без родительского попечения в силу того, что его воспитанием и содержанием занимается фактический воспитатель...» [2, с. 113].

Последнее утверждение представляется весьма спорным в части отсутствия учета ребенка, находящегося на фактическом воспитании, в органах опеки и попечительства.

В любом из случаев, когда родители не исполняют свои родительские обязанности по отношению к своему ребенку, уместно говорить о том, что такой ребенок лишен родительского попечения. И как подсказывает логика, необходимость участия в жизни ребенка фактического воспитателя может возникнуть только в ситуациях, когда ребенок по тем или иным причинам, указанным в ч. 1 ст. 121 СК РФ, лишается родительского попечения.

Дети, оставшиеся без попечения родителей, нуждаются в особой защите и помощи со стороны государства. Такую защиту и помощь детям, лишенным родительского попечения, предоставляет государство в лице органов опеки и попечительства [1, ст. 121].

Исследуемые правоотношения между фактическим воспитателем и его воспитанником могут возникнуть на этапе выполнения органами опеки и попечительства своей функции по обеспечению защиты прав и интересов соответствующего ребенка, в отношении которого зафиксировано отсутствие попечения родителей, до решения вопроса об его устройстве – т.е. сразу после постановки этого ребенка на первичный учет в региональном и федеральном

банках данных о детях, оставшихся без попечения родителей, в соответствии с законом [5].

Законом предусмотрен приоритет воспитания ребенка в семье [1, ст. 54], соответственно, при решении вопроса об его устройстве в первую очередь рассматриваются формы устройства ребенка в семью – усыновление, если позволяет социально-правовой статус ребенка, опека (попечительство) или приемная семья, патронатная семья. Однако, обстоятельства могут сложиться таким образом, что для данного ребенка на определенном отрезке времени ни одна из семейных форм устройства может быть недоступна, например из-за отсутствия подходящих кандидатур в усыновители, опекуны (попечители) или из-за отсутствия семьи, желающей стать для ребенка приемной семьей или патронатной семьей. В таком случае, в качестве альтернативы немедленному устройству под надзор в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (несемейной формы воспитания, а от того наименее приоритетной и наименее желательной) решением органов опеки и попечительства ребенок, как правило, временно может быть передан на воспитание и содержание фактическому воспитателю – совершеннолетнему дееспособному лицу, добровольно выразившему желание (согласие) принять ребенка на воспитание и содержание до решения вопроса о выборе и реализации подходящей ребенку формы устройства, предусмотренной ч. 1 ст. 123 СК РФ [1, ст. 123].

Фактическим воспитателем может стать родственник ребенка, друг (знакомый) родителя(ей) ребенка или просто равнодушный гражданин, готовый временно заменить ему родителей: воспитывать его, заботиться о нем, предоставлять все необходимые материальные и нематериальные блага для жизнедеятельности ребенка. Таким образом, правоотношение фактического воспитания ребенка, утратившего попечение родителей, является своеобразным «промежуточным трамплином»: у ребенка появляется шанс избежать несемейной формы устройства в организацию для детей-сирот и «дождаться» своей новой семьи, т.е. быть усыновленным, взятым под опеку (попечительство) или принятым в приемную семью. И такой шанс ребенку дает фактический воспитатель своим действительно благородным, альтруистическим поступком.

Правоотношение фактического воспитания может со временем трансформироваться в усыновление или опеку (попечительство), когда сам фактический воспитатель оформит усыновление или опеку (попечительство) на себя.

При этом стоит отметить, что в каждом случае установления правоотношения по фактическому воспитанию ребенка речь вовсе не идет об отсутствии юридического оформления данного правоотношения как такового – при передаче ребенка фактическому воспитателю органы опеки и попечительства

составляют соответствующий акт. Важно лишь то, что фактическое воспитание юридически не оформляется как усыновление, опека (попечительство) или передача на воспитание в приемную семью. В данном аспекте вполне логичным и обоснованным является определение фактического воспитателя, предложенное Е. А. Татаринцевой, как «лица, осуществляющего по отношению к своему воспитаннику родительские права и обязанности без юридически оформленных отношений с ним в формах, предусмотренных законодательством для детей, утративших родительское попечение» [2, с. 113].

Следует отметить, что на весь период действия правоотношения фактического воспитания ребенка (до принятия окончательного решения о форме устройства ребенка в семью или в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей), фактический воспитатель не является законным представителем своего воспитанника: в соответствии с нормой ч. 3 ст. 123 СК РФ исполнение обязанностей опекуна (попечителя) детей временно возлагается на органы опеки и попечительства [1, ст. 123].

Следующий аспект в исследуемом правоотношении – особая правовая природа возникновения алиментного обязательства между фактическим воспитателем и его совершеннолетним воспитанником. В соответствии с нормой ч. 1 ст. 96 СК РФ нетрудоспособный и нуждающийся фактический воспитатель, в случае невозможности получить содержание от своих совершеннолетних трудоспособных детей или от супругов (бывших супругов), имеет право обратиться с судебным требованием к своему трудоспособному совершеннолетнему воспитаннику предоставить такое содержания.

Как видим, данное алиментное правоотношение отражает алиментную обязанность второй очереди и имеет субсидиарный характер к алиментным обязанностям первой очереди (совершеннолетних детей по отношению к родителям, супругов и бывших супругов).

Следует обратить внимание на характерную особенность алиментного обязательства между фактическим воспитателем и его совершеннолетним воспитанником: по общему правилу на других членов семьи обязанность по содержанию может быть возложена только при наличии у них необходимых средств для уплаты алиментов, однако к воспитаннику такое ограничение не предъявляется. Алиментное обязательство возникает независимо от того, обладает ли совершеннолетний воспитанник необходимыми для этого средствами или нет, важен только факт его трудоспособности. В данном аспекте алиментное правоотношение «совершеннолетний воспитанник – нетрудоспособный нуждающийся фактический воспитатель» имеет сходство с алиментным правоотношением «совершеннолетний трудоспособный ребенок – нетрудоспособный нуждающийся в помощи родитель», на чем убедительно

акцентируют внимание Н. И. Батурина и В. И. Фатхи [6, с. 44], несмотря на то, что кровной связи между фактическим воспитателем и его воспитанником, как правило, нет.

Правовую природу алиментного обязательства между фактическим воспитателем и его совершеннолетним воспитанником можно объяснить фактом обязательного наличия в предшествующем правоотношении «фактический воспитатель – несовершеннолетний воспитанник» материального компонента. Фактический воспитатель не только воспитывал своего подопечного (воспитанника) до совершеннолетия, но и одновременно с этим содержал его, добровольно и осознанно используя для этой цели свои личные денежные и другие материальные средства (т.е. по сути несовершеннолетний воспитанник находился на иждивении своего фактического воспитателя). При этом такое содержание добровольно предоставлялось в полном объеме, фактически приравняваемом к тому объему, который были бы обязаны обеспечить родители этого ребенка. Именно поэтому, исходя из принципа справедливости, по достижении совершеннолетия у воспитанника может возникнуть алиментная обязанность по отношению к своему фактическому воспитателю, в случае наступления нетрудоспособности и нуждаемости последнего.

При этом для возникновения алиментного обязательства между фактическим воспитателем и его совершеннолетним воспитанником имеет существенное правовое значение длительность предстоящего правоотношения «фактический воспитатель – несовершеннолетний воспитанник»: в соответствии с нормой ч. 2 ст. 96 СК РФ суд может освободить совершеннолетнего воспитанника (потенциального плательщика алиментов) от обязанности содержать своего фактического воспитателя, если последний воспитывал и содержал его менее пяти лет.

Пятилетний и более продолжительный срок существования правоотношения между фактическим воспитателем и его воспитанником свидетельствует о существенном моральном и материальном вкладе фактического воспитателя в развитие личности его воспитанника, что и является основанием для возникновения его права на получение алиментов в будущем, если фактический воспитатель по объективным причинам не сможет привлечь к исполнению алиментной обязанности своих близких родственников (собственных детей, супругов или бывших супругов).

Фактор стабильности правоотношения между фактическим воспитателем и его воспитанником во времени, а также его безальтернативности по содержанию как условие для возникновения алиментного обязательства косвенно подтверждается требованием закона, изложенным в ч. 3 ст. 96 СК РФ: возникновение алиментной обязанности у воспитанника не является возможным,

если последний в период своего несовершеннолетия находился под опекой (попечительством) или воспитывался в приемной семье. Следовательно, для того, чтобы у взрослого воспитанника возникла алиментная обязанность по отношению к своему фактическому воспитателю, необходимо, чтобы фактическое воспитание на определенном отрезке времени было единственной примененной формой устройства ребенка, лишенного родительского попечения.

Не менее важное правовое значение имеет также и факт добросовестности осуществления фактическим воспитателем своих обязанностей по воспитанию и содержанию своего несовершеннолетнего воспитанника: в соответствии с вышеупомянутой нормой ч. 2 ст. 96 СК РФ суд может освободить совершеннолетнего воспитанника от обязанности содержать своего фактического воспитателя, если последний ранее воспитывал его ненадлежащим образом, в частности, не заботился о его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правовая природа возникновения алиментного обязательства между фактическим воспитателем и его совершеннолетним воспитанником непосредственно обусловлена основанием возникновения отношений по воспитанию и содержанию ребенка фактическим воспитателем.

Совокупность признаков правоотношения фактического воспитания образована следующими признаками:

1) основанием возникновения правоотношения фактического воспитания ребенка является утрата ребенком родительского попечения;

2) фактический воспитатель берет ребенка на воспитание и содержание, как правило, временно, из-за отсутствия у данного ребенка в определенный период жизни родительского попечения;

3) фактический воспитатель всегда выступает в анализируемом правоотношении единолично (т.е. это всегда одно лицо – не супружеская пара, не семья как таковая);

4) фактический воспитатель берет ребенка на воспитание и содержание без документального оформления любой из предусмотренных законом семейных форм устройства ребенка, оставшегося без родительского попечения – усыновления, опеки (попечительства), приемной семьи, патронатной семьи;

5) фактический воспитатель как субъект семейных правоотношений относится к категории субъектов «другие члены семьи», при этом фактическим воспитателем может стать как близкий родственник (бабушка, дедушка, брат, сестра), так и дальний родственник; более того, фактический воспитатель вообще может не иметь кровного родства со своим воспитанником – это может быть педагог, работающий в образовательном учреждении, в котором

обучается ребенок, сожитель единственного родителя в случае ограничения его родительских прав или их полного прекращения, друг родителей и др.

В отношении последнего признака следует отметить важную особенность, непосредственно влияющую на реализацию алиментного обязательства воспитанника по отношению к его фактическому воспитателю: в случае, когда ребенка фактически, например, без оформления опеки (попечительства), продолжительное время воспитывал и содержал близкий родственник, например его дедушка, этот ребенок в одном лице выступает участником двух семейных правоотношений: в исследуемом случае является одновременно и внуком, и воспитанником. Следовательно, в случае возникновения нуждаемости дедушки, являющегося одновременно с этим фактическим воспитателем, обязанность предоставить алименты может возникнуть и у совершеннолетнего трудоспособного внука, и у бывшего воспитанника (в одном лице). Оба алиментных обязательства – второй очереди, на основании чего возникает вопрос о приоритетности (первоочередности) привлечения к исполнению алиментного обязательства указанного лица. Представляется целесообразным определить в качестве первоочередного именно алиментное обязательство воспитанника по отношению к его фактическому воспитателю, поскольку его реализация максимально удовлетворяет законные интересы получателя алиментов (возможность исполнения алиментного обязательства в данном случае никак не зависит от наличия у потенциального плательщика алиментов необходимых для этого средств), однако стоит учитывать определенную процессуальную сложность приобретения статуса фактического воспитателя – он может быть присвоен только на основании решения суда.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации // СПС Консультант Плюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 23.01.2026).

2. Татаринцева, Е. А. фактическое воспитание как основание возникновения семейных правоотношений / Е. А. Татаринцева // Вестник ТвГУ. Серия «Право». – 2014. – № 4. – С. 113-123.

3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СПС Консультант Плюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=mkqz0igo3x322275172 (дата обращения: 23.01.2026).

4. Комиссарова, Е. Г. Отношения по фактическому воспитанию ребенка: проблемы семейно-правовой институционализации / Е. Г. Комиссарова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – №1. – С. 130-153.

5. Федеральный закон «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» от 16.04.2001 № 44-ФЗ // СПС Консультант Плюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31188/?ysclid=mkqz2gpr64s639831509 (дата обращения: 23.01.2026).

6. Батурина Н. И., Фатхи В. И. Правовое положение фактического воспитателя: современное состояние и перспективы / Н. И. Батурина, В. И. Фатхи // Философия права. – 2023. – №2 (105). – С. 42-50.

Bugaevskaya Yulia Yurievna

Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines

FGBOU VO «Lugansk State University named after Vladimir Dal»

e-mail: bugaevskaya@inbox.ru

LEGAL NATURE OF THE ALIENATE'S OBLIGATION TOWARDS HIS ACTUAL TUTOR

The article is devoted to the study of the legal nature of the ward's alimony obligation towards his actual guardian. The author defines the basis for the emergence of relations related to the upbringing and maintenance of a child by the actual guardian, as well as the conditions for the emergence of an alimony obligation between the actual guardian and his adult ward. The article highlights the system of features of the actual upbringing legal relationship.

Keywords: actual educator, student, actual upbringing, legal nature, child, upbringing, content.

Literatura:

1. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federatsii // SPS Konsul'tant Plyus: ofits. sajт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (data obrashcheniya: 23.01.2026).

2. Tatarintseva, E. A. fakticheskoe vospitanie kak osnovanie vzniknoveniya semejnykh pravootnoshenij / E. A. Tatarintseva // Vestnik TvGU. Seriya «Pravo». – 2014. – № 4. – S. 113-123.

3. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federatsii» ot 29.12.2012 № 273-FZ // SPS Konsul'tant Plyus: ofits. sajт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=mkqz0igo3x322275172 (data obrashcheniya: 23.01.2026).

4. Komissarova, E. G. Otnosheniya po fakticheskomu vospitaniju rebenka: problemy semejno-pravovoj institutsionalizatsii / E. G. Komissarova // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2021. – №1. – S. 130-153.

5. Federal'nyj zakon «O gosudarstvennom banke dannyx o detyakh, ostavshih-sya bez popezheniya roditelej» ot 16.04.2001 № 44-FZ // SPS Konsul'tant Plyus:

ofits. sajt. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31188/?ysclid=mkqz2gp64s639831509 (data obrashcheniya: 23.01.2026).

6. Baturina N.I., Fatkhi V.I. Pravovoe polozhenie fakticheskogo vospitatelya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy / N.I. Baturina, V.I. Fatkhi // *Filosofiya prava*. – 2023. – №2 (105). – S. 42-50.

Жданов Сергей Александрович
кандидат технических наук, профессор
кафедры конституционного права
и историко-правовых дисциплин
Юридического института
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: zholsa11@gmail.com

Гончаров Даниил Олегович
студент 1 курса магистратуры группы ЮИ-1к51м
Юридического института
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: dan070104@gmail.com

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРАВ ГРАЖДАН НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматривается стремительное развитие цифровых технологий, которые, наряду с преимуществами, создают системные угрозы реализации конституционного права на неприкосновенность частной жизни через нарушение конфиденциальности персональных данных. Целью статьи является комплексный анализ конституционных основ и эволюции отраслевого законодательства в сфере защиты персональных данных в России, а также выявление актуальных правовых проблем и коллизий. Методологическую основу составили анализ норм Конституции РФ, федерального законодательства, правовых позиций судов и научной доктрины. В результате исследования установлено, что право на защиту персональных данных, вытекающее из ст. 23 и 24 Конституции РФ, сохраняет высокую актуальность в цифровую эпоху. В статье выявлены основные тенденции правового регулирования: его значительное ужесточение, расширение контрольно-надзорных полномочий государства и рост мер ответственности. Одновременно обозначены ключевые проблемы, включая конфликт между защитой данных и иными конституционными правами (свободой информации, предпринимательством), риск чрезмерного государственного вмешательства под предлогом безопасности, а также практические сложности, такие как концентрация данных у крупных операторов, манипулятивные практики получения согласия и низкая правовая грамотность пользователей. Сделан вывод о необходимости дальнейшего

совершенствования механизмов обеспечения соразмерности ограничений и предложено рассмотреть вопрос о прямом закреплении права на защиту персональных данных в тексте Конституции Российской Федерации как самостоятельного фундаментального права.

Ключевые слова: персональные данные, неприкосновенность частной жизни, Конституция РФ, цифровизация, правовое регулирование, конфиденциальность, информационная безопасность, право на забвение, баланс прав, законодательство о персональных данных.

Актуальность темы обусловлена быстрым развитием цифровых технологий, которые порождают не только преимущества, но и системные угрозы для реализации конституционных прав. Одной из таких угроз является несанкционированная обработка персональных данных, нередко приобретающая массовый характер. Так, утечка данных из «Бургер Кинга» в 2024 году привела к разглашению конфиденциальной информации о более 5,6 млн его клиентов [1]. Хотя защита персональных данных прямо не упоминается в Конституции, это право непосредственно вытекает из статей 23 и 24 Конституции РФ, которые гарантируют неприкосновенность частной жизни и устанавливают запрет на несанкционированную обработку информации о гражданах [2]. В то же время существует противоречие между необходимостью усиления защиты ПД в цифровую эпоху и рисками нарушения баланса с иными конституционными ценностями (свободы, предпринимательства) и угрозой избыточного государственного контроля.

В научной литературе право на защиту персональных данных нередко характеризуется как комплексное. Его рассматривают в единстве не только с закрепленными в ст. 23 и 24 конституционными правами на неприкосновенность частной жизни и защиту информации о ней, но и с правом на тайну связи (ч.2 ст. 23) правом на неприкосновенность жилища (ст. 25). М. А. Грищенко подчеркивает самостоятельный характер этих гарантий, их особое содержание и специальную направленность по отношению к общему праву на частную жизнь [3]. Вместе с тем указанные права взаимно обеспечивают реализацию друг друга, что и придает им комплексную природу.

Нормы ст. 23 и 24 Конституции РФ формируют широкую основу для охраны частной жизни, однако не охватывают всей специфики защиты персональных данных. Конституционные основы получили развитие в отраслевом законодательстве. Федеральный закон «О персональных данных» определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу [4]. Законодатель использует открытый перечень категорий данных (специальные, биометрические, а также обычные, т.е. не относящиеся к специальным и биометрическим),

что, как представляется, обеспечивает гибкость правового регулирования. Ключевое значение имеют также законы об информационных технологиях и биометрической идентификации. При этом регулирование непрерывно усложняется, возникают специальные правовые режимы, отражающие развитие цифровой среды.

Следует отметить, что хотя российское законодательство развивается самостоятельным путем, опираясь прежде всего на национальные особенности, его формирование учитывает также и международный опыт. Значительное влияние на развитие правового регулирования оказали европейские стандарты, в частности Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Конвенция 108), к которой Россия присоединилась в 2013 году. Принятие в 2018 году Общего регламента по защите данных Европейского Союза (GDPR) стимулировало ужесточение требований к операторам данных и во многих других юрисдикциях.

Законом о персональных данных предусмотрена гражданская, административная, уголовная и дисциплинарная ответственность за нарушения персональных данных. Причем регулирование постепенно ужесточается. Федеральный закон от 30.11.2024 №421-ФЗ ввел уголовную ответственность за незаконное использование, передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, многократно выросли административные штрафы. Однако, несмотря на массовые утечки (сотни миллионов записей ежегодно), привлечение к ответственности остается редким: количество дел выросло с 4 в 2021 году до 87 в 2023 году, что несоразмерно масштабу проблемы [5].

Государство активно расширяет инструменты правового регулирования. Увеличен круг уполномоченных органов в сфере персональных данных. К ним относятся Роскомнадзор, ФСБ и ФСТЭК. Они обладают весьма существенными полномочиями. Так, Роскомнадзор может, требовать уточнения, блокирования или уничтожения недостоверных либо полученных незаконным путем данных и ограничивать доступ к информации, обрабатываемой с нарушением законодательства. Также в 2022 году в Минцифры России создан Департамент обеспечения кибербезопасности.

С 30 мая 2025 года действует обновленная редакция Закона №152-ФЗ, значительно усилившая требования к операторам персональных данных. Для обработки персональных данных требуется предварительное уведомление Роскомнадзора и включение в реестр операторов. Каждое действие с данными должно иметь законное основание, включая отдельное согласие субъекта, договор или иную предусмотренную законом норму. Федеральный закон

от 28.02.2025 №23-ФЗ ввел запрет на хранение персональных данных граждан России за пределами страны, который начал действовать 1 июля 2025 года [6].

Таким образом, в сфере защиты персональных данных наблюдается значительное усиление правового регулирования в области обеспечения безопасности персональных данных в цифровой среде.

Однако усиление регуляторного давления порождает новые вызовы, в частности, в области баланса с иными правами и свободами.

Один из примеров — право на анонимность, понимаемое как возможность пользоваться сетевыми сервисами без указания идентифицирующих сведений. Анонимность усиливает защиту персональных данных, но она же создает дополнительные риски для общественной безопасности, поскольку затрудняет установление ответственности за противоправные действия. Анонимные профили могут использоваться для мошенничества, хищения данных, распространения вредоносной информации. Это, в конечном счете, приводит к нарушениям конституционных прав граждан.

При этом меры, направленные на обеспечение государственной безопасности создают риск чрезмерного вмешательства в сферу персональных данных. Так, с 1 сентября 2025 года ФСБ в соответствии с ч. 3 ст. 23 закона о персональных данных имеет право проверять выполнение организационных и технических мер безопасности персональных данных во всех видах информационных систем, включая коммерческие организации и негосударственные структуры, что расширяет возможность воздействовать на их деятельность и повышает риск злоупотреблений и несоразмерного ограничения прав со стороны правоохранительных органов.

Включение в государственные базы биометрических идентификаторов, данных о перемещениях, финансовой активности, состоянии здоровья и иных значимых сведений дает возможность глубокого мониторинга жизни граждан. При отсутствии четких нормативных рамок такое вмешательство может приобретать всеобъемлющий характер, позволяя государству анализировать и прогнозировать поведение населения.

В этой связи ключевое значение имеет дальнейшее совершенствование механизмов реализации ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которая устанавливает, что ограничения прав допускаются только федеральным законом и лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Требуется подробная разработка критериев необходимости и соразмерности государственного вмешательства для того, чтобы право на защиту персональной информации в цифровой среде не превратилось в формальную гарантию, оставляя государству широкие

возможности вмешательства под предлогом обеспечения безопасности. Только при соблюдении этих условий возможно обеспечить реальную эффективность конституционных гарантий.

Право на защиту персональных данных может вступать в конкуренцию с иными конституционными правами. Так, может возникнуть конфликт с правом на свободный доступ к информации (ст. 29 Конституции РФ). Показательным примером конфликта указанных конституционных прав является обнародование судебных актов. Суды по-разному определяют объем сведений, подлежащих удалению при публикации. Нередко исключаются обязательные реквизиты – дата или номер решения. В отдельных случаях из решений первой инстанции удаляются сведения о привлеченном органе или ином участнике процесса, но при этом сохраняются персональные данные истца [7]. В результате теряется информативная ценность опубликованного судебного акта.

Особую актуальность в контексте баланса между защитой персональных данных и свободой информации приобретает право на забвение, закрепленное в ст. 10.3 Федерального закона №152-ФЗ. Данная норма предоставляет субъекту право требовать удаления недостоверной, неполной, неактуальной информации о себе из поисковых систем. При этом судебная защита указанного права характеризуется усложненным порядком судебной защиты: заявитель может обратиться в суд только в случае получения отказа оператора поисковой системы в удовлетворении его требований. С другой стороны, удаление информации может противоречить общественным интересам в доступе к значимым данным. Суды при рассмотрении споров о реализации права на забвение вынуждены каждый раз оценивать соразмерность ограничения свободы информации, учитывая характер информации, давность событий и общественную значимость сведений.

Право на защиту персональных данных взаимодействует с конституционным правом на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, которое закреплено статьей 34 Конституции РФ.

Однако предпринимательские интересы могут вступать в конфликт с необходимостью защиты частной жизни. Для крупных экономических субъектов персональные данные приобретают значение товарного ресурса. В условиях современной экономики сведения о человеке становятся ценностью, используемой цифровыми платформами для оптимизации услуг, таргетирования рекламы, увеличения прибыли. Но в соответствии с публичными интересами персональные данные следует рассматривать не как объект гражданского оборота, а как элемент прав и свобод человека и гражданина, подлежащий приоритетной охране.

Цифровые платформы и рекламные технологии, стремясь собирать максимально широкий объем данных в коммерческих целях, могут заставлять пользователя принять согласие на предоставление персональных для получения возможности просмотра цен. В 2023 году Совет Федерации предложил закрепить запрет для владельцев сайтов ограничивать доступ к информации о товарах или услугах при отказе пользователя предоставить персональные данные, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством [8]. Такое регулирование представляется обоснованным, поскольку обеспечивает реализацию права граждан на получение информации и предупреждает навязывание условий обработки данных. Введение подобного правила способствует развитию добросовестной коммерческой практики и укрепляет гарантии защиты персональных данных.

Использование больших данных, инструментов таргетирования и автоматизированного принятия решений усиливает влияние частных компаний на частную жизнь граждан, делая все более актуальным вопрос о балансе между экономической свободой и защитой персональной информации.

Ключевой проблемой остаются манипулятивные практики получения согласия на обработку данных. Цифровые платформы используют интерфейсные решения (предустановленные отметки, включение согласия в объемные пользовательские соглашения), побуждающие к неосознанному согласию. Пользователи, стремясь получить доступ к сервису, формально соглашаются на обработку данных, не осознавая последствий. С 1 сентября 2025 года законодатель ввел важную гарантию: согласие должно оформляться как самостоятельный документ [9].

Очевидно, что проблемы законодательного регулирования усиливаются недостаточным уровнем правовой культуры в сфере персональных данных. Пользователи часто не осознают риски передачи персональной информации и не обладают необходимыми знаниями об обязанностях операторов и о своих правах, что в условиях, когда данные могут быть легко собраны, переданы и использованы, способствует росту нарушений конфиденциальности. Решить данную проблему возможно только придерживаясь системного подхода. Он должен включать внедрение образовательных программ на различных уровнях обучения, организацию курсов повышения квалификации для специалистов, работающих с персональными данными, а также проведение масштабных просветительских кампаний со стороны Роскомнадзора, иных уполномоченных органов.

Сегодня наблюдается значительная концентрация данных у ограниченного круга крупных операторов данных. В. И. Некравцева указывает, что монополизация цифрового рынка усиливает угрозы безопасности обработки данных,

поскольку пользователи лишаются альтернатив при выборе оператора. Масштабные утечки в крупных организациях имеют тяжелые последствия. Так, в 2022 году из базы клиники «Гемотест» были раскрыты сведения более чем о 30 млн клиентов, включая результаты медицинских анализов, что привело к нарушению врачебной тайны [10]. Добавим, что помимо риска масштабных утечек концентрация данных создает угрозы манипулирования поведением, формирования «цифрового досье» на граждан со стороны не только государства, но и корпораций.

Таким образом, несмотря на активное и жесткое законодательное регулирование, защита персональных данных в России остается областью острых правовых коллизий и практических проблем, решение которых требует не только дальнейшего совершенствования отраслевых норм, но и укрепления конституционных основ с учетом необходимости баланса между приватностью, свободой и безопасностью.

1. Конституционно-правовая природа права на защиту персональных данных обоснованно выводится из статей 23 и 24 Конституции РФ о неприкосновенности частной жизни. Это право носит комплексный характер, тесно взаимодействуя с другими конституционными гарантиями (тайна связи, неприкосновенность жилища), что формирует единый механизм охраны частной сферы личности в цифровую эпоху.

2. Основной тенденцией развития российского законодательства является его радикальное ужесточение и экспансия. Это проявляется в:

- детализации и усложнении регуляторных требований к операторам (предварительное уведомление, реестр, отдельное согласие);
- значительном расширении контрольно-надзорных полномочий государства (Роскомнадзор, ФСБ, ФСТЭК);
- резком увеличении мер ответственности, включая введение новых уголовных составов;
- установлении территориальных ограничений (запрет хранения данных за рубежом).

3. Ключевой системной проблемой остается глубокий разрыв между формальным ужесточением правовых норм и практикой их применения. Ярким свидетельством этого является несоразмерно низкое количество привлечений к ответственности на фоне массовых и масштабных утечек персональных данных, что указывает на слабую эффективность правоприменения и профилактики.

4. Защита персональных данных находится в состоянии постоянного конституционного конфликта (коллизии) с другими правами и публичными интересами, что требует тонкого балансирования на основных линиях конфликта

между правом на приватность и свободой информации, предпринимательства, государственной безопасностью и др.

5. На практике эффективность защиты данных подрывается такими фундаментальными факторами как концентрация данных у ограниченного круга крупных операторов, манипулятивные («темные») схемы получения согласия от граждан, снижающие осознанность их выбора, низкая правовая грамотность пользователей, не понимающих своих прав и рисков.

6. Центральным условием легитимности и эффективности любого ограничения права на защиту данных является неукоснительное соблюдение принципа соразмерности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), требующего четких законодательных и судебных критериев для оценки необходимости и пропорциональности вмешательства как со стороны государства, так и со стороны бизнеса.

7. В качестве перспективного направления конституционного развития авторами обоснованно предлагается рассмотреть прямое закрепление права на защиту персональных данных в тексте Конституции РФ в качестве самостоятельного фундаментального права. С одной стороны, такая поправка констатировала бы объективно высокую ценность данного права в цифровом обществе. С другой стороны, ее принятие могло бы повысить уровень судебной защиты, усилив аргументацию при конституционно-правовой оценке мер государственного и частного вмешательства, а также задать более жесткие ориентиры для законодателя и правоприменителя. При этом закрепление данного права в Конституции объективно потребовало бы последующего системного уточнения отраслевого законодательства с целью приведения его в соответствие с обновленным конституционным стандартом, что в перспективе способствовало бы укреплению гарантий неприкосновенности частной жизни в цифровой среде.

Список использованных источников

1. В «Бургер Кинге» прокомментировали утечку данных клиентов // Газета. ru. 10.10.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/10/10/24120823.shtml> (дата обращения: 09.12.2025).

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными 01.07.2020. Офиц. текст. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 09.12.2025).

3. Грищенко М. А., Чайковская А. А., Сусликов С. А. Конституционные гарантии защиты персональных данных в цифровой среде // Вестник науки. 2025. Т. 3. № 4 (85). С. 268–274.

4. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 (дата обращения: 09.12.2025).

5. Филимонова Е. А. Защита права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровой трансформации общества // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. Т. 3. № 1. С. 46–52.

6. О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.02.2025 № 23-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_499984/ (дата обращения: 09.12.2025).

7. Согласование законодательства о защите персональных данных с правовым регулированием в других сферах // Мониторинг правоприменения. Юридический факультет СПбГУ. URL: <https://pravoprим.spbu.ru/yurisprudentsiya/zashchita-prav-grazhdan/item/106-soglasovanie-zakonodatelstva-o-zawite-personalnyh-dannyh-s-pravovym-regulirovaniem-v-drugih-sferah.html> (дата обращения: 09.12.2025).

8. Проект Федерального закона № 679980-8 «О внесении изменений...» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/679980-8> (дата обращения: 09.12.2025).

9. Согласие на обработку персональных данных с 1 сентября 2025 года: новые правила и штрафы // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/article/1862510/> (дата обращения: 09.12.2025).

10. Некравцева В. И. Проблемы правового регулирования защиты персональных данных в сети интернет // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-zaschity-personalnyh-dannyh-v-seti-internet-1> (дата обращения: 09.12.2025).

Zhdanov Sergey Aleksandrovich

*Candidate of Technical Sciences, Professor Department of Constitutional Law
and Historical-Legal Disciplines Law Institute Vladimir Dal' Lugansk State*

University

e-mail: zholsa11@gmail.com

Goncharov Daniil Olegovich

1st-year Master's Student, Group

YuI-1k51m Law Institute

Vladimir Dal' Lugansk State University

e-mail: dan070104@gmail.com

**PERSONAL DATA PROTECTION AS A COMPONENT OF CITIZENS'
RIGHTS TO THE INVIOABILITY OF PRIVATE LIFE:
A CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS**

Abstract. This article examines the rapid development of digital technologies, which, along with their advantages, create systemic threats to the enjoyment of the constitutional right to privacy through the violation of personal data confidentiality. The aim of the article is to comprehensively analyze the constitutional foundations and evolution of sectoral legislation in the field of personal data protection in Russia, as well as to identify current legal conflicts and assess trends toward strengthening state control. The methodological basis consists of an analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation, federal legislation, the legal positions of the courts, and scientific doctrine. The study found that the right to the protection of personal data, arising from Articles 23 and 24 of the Constitution of the Russian Federation, remains highly relevant in the digital age. The article identifies the main trends in legal regulation: its significant tightening, the expansion of the state's supervisory powers, and increased liability. Key issues are identified, including the conflict between data protection and other constitutional rights (freedom of information, entrepreneurship), the risk of excessive government intervention under the pretext of security, and practical difficulties such as the concentration of data among large operators, manipulative consent practices, and low user legal literacy. The article concludes that further improvements are needed to ensure the proportionality of restrictions, and it is proposed to consider explicitly enshrining the right to personal data protection in the Constitution of the Russian Federation as an independent fundamental right.

Keywords: personal data, privacy, Constitution of the Russian Federation, digitalization, legal regulation, confidentiality, information security, right to be forgotten, balance of rights, personal data legislation.

Spisok ispol'zovannykh istochnikov

1. V «Burger Kinge» prokommentirovali utechku danny`x klientov // Gazeta.ru. 10.10.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/10/10/24120823.shtml> (data obrashheniya: 09.12.2025).
2. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi 01.07.2020. Ofic. tekst. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (data obrashheniya: 09.12.2025).
3. Grishhenko M.A., Chajkovskaya A.A., Suslikov S.A. Konstitucionny`e garantii zashhity` personal`ny`x danny`x v cifrovoj srede // Vestnik nauki. 2025. T. 3. № 4 (85). S. 268–274.
4. O personal`ny`x danny`x: Federal`ny`j zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ (red. ot 24.06.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 (data obrashheniya: 09.12.2025).
5. Filimonova E.A. Zashhita prava na neprikosnovennost` chastnoj zhizni v usloviyax cifrovoj transformacii obshhestva // Pravovoj poryadok i pravovy`e cennosti. 2025. T. 3. № 1. S. 46–52.
6. O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon «O personal`ny`x danny`x» i otdel`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon ot 28.02.2025 № 23-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_499984/ (data obrashheniya: 09.12.2025).
7. Soglasovanie zakonodatel`stva o zashhite personal`ny`x danny`x s pravovy`m regulirovaniem v drugix sferax // Monitoring pravoprimeneniya. Yuridicheskij fakul`tet SPbGU. URL: <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zashchita-prav-grazhdan/item/106-soglasovanie-zakonodatelstva-o-zawite-personalnyh-dannyh-s-pravovym-regulirovaniem-v-drugih-sferah.html> (data obrashheniya: 09.12.2025).
8. Proekt Federal`nogo zakona № 679980-8 «O vnesenii izmenenij...» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/679980-8> (data obrashheniya: 09.12.2025).
9. Soglasie na obrabotku personal`ny`x danny`x s 1 sentyabrya 2025 goda: novy`e pravila i shtrafy` // Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/article/1862510/> (data obrashheniya: 09.12.2025).
10. Nekravceva V.I. Problemy` pravovogo regulirovaniya zashhity` personal`ny`x danny`x v seti internet // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-zaschity-personalnyh-dannyh-v-seti-internet-1> (data obrashheniya: 09.12.2025).

УДК 339.5.

Панченкова Наталья Александровна

кандидат исторических наук, доцент

кафедры конституционного права

и историко-правовых дисциплин

Юридического института

ФГБОУ ВО «Луганский государственный

университет имени Владимира Даля»

Зябкин Владимир Олегович

студент 1 курса магистратуры группы ЮИ-1к51м

Юридического института

ФГБОУ ВО «Луганский государственный

университет имени Владимира Даля»

e-mail: v_zyabkin@mail.ru

О ТАМОЖЕННОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОНТРАБАНДЕ ОРУЖИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ СВО

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ проблем таможенно-противодействия контрабанде оружия в рамках Евразийского экономического союза в условиях специальной военной операции. Исследуются системные риски, связанные с отсутствием таможенного контроля на внутренних границах единой таможенной территории. На основе сравнительно-правового анализа выявляются структурные недостатки существующих механизмов взаимодействия таможенных служб государств-членов ЕАЭС. Формулируются конкретные предложения по совершенствованию правового и организационного обеспечения деятельности таможенных органов на наднациональном уровне.

Ключевые слова: контрабанда оружия, ЕАЭС, СВО, единая таможенная территория, транснациональные преступные группы, наднациональный уровень, таможенная безопасность, гармонизация законодательства.

Актуальность исследования обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов геополитического, экономического и правового характера. Специальная военная операция создала принципиально новые вызовы для системы таможенной безопасности Евразийского экономического союза. Возросшие масштабы незаконного оборота стрелкового оружия и боеприпасов, активизация деятельности транснациональных преступных групп, использование новых каналов поставок требуют переосмысления существующих подходов к организации таможенного контроля.

Тема статьи является крайне актуальной в силу того, что она находится на стыке ключевых вызовов современности: гибридных угроз, экономической

безопасности интеграционного объединения и эффективности деятельности правоохранительных органов в экстраординарных условиях. Исследование механизмов противодействия контрабанде оружия в ЕАЭС в текущей обстановке является не просто научной задачей, а насущной практической необходимостью для обеспечения национальной и коллективной безопасности государств-членов Союза.

Особую значимость проблема приобретает в контексте функционирования единой таможенной территории ЕАЭС, где отсутствие контроля на внутренних границах создает эффект «домино» - проникновение оружия на территорию одного государства-члена автоматически создает угрозу для всех участников интеграционного объединения. Существующая правовая база и организационные механизмы оказались недостаточно адаптированы к новым вызовам, что обуславливает необходимость разработки концептуально новых подходов к противодействию контрабанде оружия.

Целью исследования является выявление системных недостатков в организации таможенного противодействия контрабанде оружия в рамках ЕАЭС и разработка комплексных мер по совершенствованию правового и организационного обеспечения этой деятельности на наднациональном уровне.

Зона боевых действий становится источником большого количества оружия и боеприпасов часть, из которых незаконным образом попадает в руки организованной преступности в странах ЕАЭС. Высокая интенсивность конфликта и масштабные операции приводят к массовой потере армейского вооружения на линии боевого соприкосновения. Это увеличивает вероятность его хищения, утраты или намеренного вывоза за пределы зоны конфликта, включая Россию и страны ЕАЭС, через нелегальные каналы для использования его в целях внутренней дестабилизации стран участниц союза.

СВО значительно повлияла на логику и работу таможенных и пограничных служб, а также всей правоохранительной системы. Увеличение объемов как гуманитарных, так и военных грузов создает дополнительную нагрузку на контрольные органы всех государств единого таможенного пространства. Большой поток грузов снижает эффективность проверок и повышает уязвимость системы контроля за оборотом оружия и продукции двойного назначения. Более того, постоянные прямые боестолкновения непосредственно по линии государственной границы, приводят к полной потере контроля на отдельных участках, что дает окно возможности для преступных организаций, а также заинтересованных в дестабилизации внутренней обстановки лиц для вывоза оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в неограниченных количествах.

В этой связи особое значение в современном мире приобретают всеобщие и скоординированные усилия государств участниц союза по борьбе с пре-

ступностью, особенно в области незаконного оборота оружия и взрывчатых веществ. Особое внимание на данную проблему обращал доктор юридических наук, Заслуженный юрист России Шулепов Николай Александрович. В своей научной работе он говорил об обеспечении таможенной безопасности России в условиях евразийской экономической интеграции, указывал на возможные пути конвергенции уголовного законодательства государств-участниц ЕАЭС, впервые в отечественной юридической науке он поднял вопрос о необходимости введения в государственный документационный оборот категории «таможенная безопасность». Согласно Н. А. Шулепову, таможенная безопасность — это элемент национальной безопасности государства, который обеспечивается таможенным законодательством, таможенными процедурами и таможенным контролем. На мой взгляд стоит согласиться с определением Н. А. Шулепова, в современной истории Россия впервые сталкивается с подобным масштабом боевых действий, как никогда остро стоит потребность в выработке отдельной политики таможенной безопасности. Вслед за ним эту проблему изучали В. Е. Степенко, О. А. Чернова, П. Б. Музыченко в рамках своего пособия по Международному Уголовному Праву, а также Р. А. Адельханян который попытался систематизировать их советы по решению этой проблемы уже в своём учебном пособии.

Среди достаточно большого количества международно-правовых документов в сфере контрабанды и таможенных преступлений основополагающей является Международная конвенция о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений (Конвенция Найроби). Согласно статье 1 главы первой, термин «контрабанда» означает «обман таможни, состоящий в перемещении товаров через таможенную границу в любой скрытой форме» [1]. Масштабы и объёмы по ввозу и вывозу, приобретению, продаже, доставке, перемещению или передаче различного оружия, увеличиваются, всё более нестандартными становятся методы и приёмы, которыми пользуются незаконные формирования. В связи с этим ни одно из государств не может ощущать себя в полной мере контролирующим данную сферу, и лишь скоординированная совместная деятельность таможенных органов позволит контролировать оборот оружия внутри государства, и международное сотрудничество всемирного уровня могут снизить статистику данного преступления. ЕАЭС как организация региональной экономической интеграции так же должна вносить свой вклад в эту борьбу.

Согласно Конвенции Найроби, контрабанда относится к таможенной преступности. Что касается юридической доктрины, то мнения тех или иных ученых касаются того, к какому виду международных преступлений следует относить контрабанду оружия и контрабанду в целом, разнятся в зависимости

от созданной или же разделяемой ими общей классификации преступных деяний всемирного значения. Например, исходя из общего смысла классификации международных преступлений Р. А. Адельханяна [2, с.34] контрабанда оружия относится к преступлениям против общественной безопасности. В свою очередь В. Е. Степенко, О. А. Чернова, П. Б. Музыченко [3, с.3] относят контрабанду в целом к деяниям, наносящим ущерб экономическому, социальному и культурному развитию государств. На мой субъективный взгляд, если речь идет об оружии, то первостепенный ущерб в данном случае наносится именно общественной защищенности, а вред, воздействующий на развитие государства, носит сопутствующий характер. Резюмируя сказанное выше, справедливым будет полагать, что контрабанда оружия, относится к преступлениям, посягающим на общественную безопасность и влияющим на все государства союза одновременно.

Исходя из договора «Об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств - членов таможенного союза», а именно статьи 3, ч. 2, каждое государство «обязуется принять меры по внесению изменений в свое законодательство» и «приведению к единообразному определению противоправности таких деяний» [4].

Однако при анализе Уголовных кодексов государств-участников ЕАЭС, предметом регулирования которых является контрабанда оружия, обнаруживается, что процесс приведения законодательства в данной сфере к унификации находится на начальной стадии, наказания за это преступление достаточно разрозненны. Является очевидной необходимостью слаженной работы государств по приведению правовых норм, касающихся таможенных преступлений и контрабанды оружия в том числе, к единообразию. Стремление к экономическому развитию в рамках ЕАЭС в совокупности с согласованными действиями, направленными на обеспечение безопасности стран-участниц, является тем самым фундаментом для эффективного существования данной международной организации.

Пресечение контрабанды – одно из ключевых направлений деятельности таможенных и иных правоохранительных органов. В Российской Федерации существует и реализуется так называемый План мероприятий на период 2021 - 2024 годов по реализации Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года [5]. Согласно нему, одним из направлений развития является «повышение результативности борьбы с преступлениями и административными правонарушениями, отнесенными законодательством Российской Федерации к компетенции таможенных органов, в том числе с использованием новейших цифровых платформ и технологий». В целом из данного Плана

следует, что «реализация мероприятий, <...>, нацелена на полномасштабную цифровизацию и автоматизацию деятельности таможенных органов». Исходя из этого не лишним будет принять ряд мер, направленных на улучшение обмена информацией между таможенной службой Российской Федерации и иными участниками внешнеэкономической деятельности, что также позволит всячески противодействовать контрабанде в целом и контрабанде оружия в частности.

Не взирая на перспективы совершенствования таможенных органов в России, в том числе в области борьбы с контрабандой, государство в одиночку справиться с данными проблемами не способно. В настоящее время в России категория «таможенная безопасность» в официальных документах не используется. Не представлена она и в трудах отечественных авторов, за редким исключением, хотя известно, что незаконное или с нарушением установленных правил перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу способно причинить интересам общества и государства существенный вред [6]. Необходимо эффективное международное сотрудничество с приграничными государствами. Например, для эффективности противодействия преступности, связанной с незаконным оборотом оружия, необходимым можно считать разработку долгосрочной стратегии и установление единой политической тактики по данному вопросу в контексте Евразийского экономического союза. Исходя из практики, борьба с незаконным оборотом оружия может дать конкретные положительные результаты лишь в случае применения комплексного подхода через специальные программы. Для обеспечения единого и согласованного подхода в борьбе с незаконным оборотом оружия в рамках ЕАЭС, необходимо учреждение общего органа, ответственного за разработку стратегии и определение обязательных мероприятий для таможенных органов всех государств-участников. Целью такого органа будет предотвращение дезорганизации в действиях. Однако, важно отметить, что его полномочия не должны ограничиваться только борьбой с контрабандой оружия. Возможно, следует рассмотреть возможность расширения его компетенции до противодействия другим таможенным преступлениям.

Проблема незаконного оборота оружия усугубляется внутренними недостатками системы контроля за оборотом оружия, что создает благоприятные условия для контрабанды и дестабилизирует криминогенную обстановку. Для эффективного противодействия контрабанде оружия в условиях специальной военной операции на Украине и минимизации рисков для национальной безопасности России рекомендую принять комплекс мер, направленных на устранение как внешних, так и внутренних факторов, способствующих этому явлению. В первую очередь, следует усилить контроль в зоне СВО и на

прилегающих территориях путем организации строгого учета и контроля за перемещением оружия и боеприпасов, внедрения современных технологий учета и отслеживания, усиления патрулирования и досмотра транспортных средств с использованием передовых технических средств, а также создания эффективной системы контроля за трофейным оружием, исключаяющей его попадание на нелегальный рынок.

Методика, приемы и способы совершения контрабанды оружия служат основой для разработки подходов к организации системы мероприятий по противодействию контрабанде военной техники и оружия. Основной задачей борьбы государств-членов ЕАЭС с этим преступлением должно стать выявление и пресечение каналов поступления оружия в нелегальный оборот, а также проведение слаженной профилактической работы на межгосударственном и внутригосударственном уровнях. Эта работа должна быть тесно связана с выявлением причин и условий, способствующих совершению преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Важным вкладом в борьбу с контрабандой является повышение уровня технического обеспечения таможенных органов, что позволит более эффективно осуществлять таможенный контроль, а также непрерывное повышение квалификации сотрудников таможенных органов.

Борьба с контрабандой должна начинаться с внутренней работы государств-членов ЕАЭС по изменению законодательства и его приведению к единому стандарту, а затем продолжается на межгосударственном уровне разработкой тактики противодействия контрабанде оружия и военной техники со стороны таможенных органов. Длительная дружба и сотрудничество между этими государствами, несмотря на сложные политические обстоятельства, создают прочную основу для выработки курса, направленного на укрепление безопасности граждан через совместную борьбу с этим таможенным преступлением.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы, отражающие ключевые проблемы и направления совершенствования таможенного противодействия контрабанде оружия в рамках ЕАЭС в условиях СВО.

1. Констатируется системный характер угрозы. В текущих геополитических условиях контрабанда оружия перестала быть просто уголовным преступлением, превратившись в инструмент гибридного воздействия, напрямую угрожающий национальной безопасности всех государств-членов ЕАЭС. Существующие механизмы таможенного контроля, ориентированные на докризисный период, оказались недостаточно адаптированы к новым вызовам.

2. Выявлена ключевая институциональная уязвимость ЕАЭС. Отсутствие полноформатного таможенного контроля на внутренних границах

Союза, являющееся основой интеграции, создает серьезный системный риск. Попадание партии оружия на территорию любого государства-члена через его слабо охраняемую внешнюю границу открывает ей доступ ко всей единой таможенной территории, что требует принципиально иного, наднационального уровня координации.

3. Определены основные проблемные зоны в деятельности таможенных органов:

- **недостаточная эффективность системы управления рисками (СУР)** в условиях новых маршрутов и способов контрабанды.

- **разрозненность и несвоевременность обмена оперативной информацией** между таможенными и правоохранительными службами государств-членов ЕАЭС.

- **неполная гармонизация национальных законодательств** в части ответственности за контрабанду оружия и классификации его отдельных видов.

- **отставание в техническом и технологическом оснащении** от методов сокрытия, используемых контрабандистами.

В качестве основных направлений совершенствования таможенного противодействия предлагается:

Развитие наднациональной составляющей. Необходимо создание в структуре Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) или на базе одной из таможенных служб **координационного аналитического центра**. Его задачами должны стать: выявление общих тенденций и рисков, формирование единых для ЕАЭС профилей рисков по контрабанде оружия и организация мгновенного обмена данными в режиме, близком к реальному времени.

Модернизация методологии Risk-менеджмента. Целесообразно внедрить **целевые профили рисков**, сфокусированные specifically на транзите грузов из/через зоны конфликтов, на участниках ВЭД, связанных с поставками товаров двойного назначения, а также на логистических маршрутах, использующих «серые» схемы.

Углубление интеграции информационных систем. Требуется ускорить создание и полноценное использование **единой межгосударственной информационной системы**, объединяющей данные таможенных, пограничных и правоохранительных органов стран ЕАЭС, с применением технологий Big Data для предиктивного анализа.

Технологическое перевооружение. Необходимо активно внедрять современные технологии неинтрузивного контроля (типа рентгеновских и радиографических комплексов), системы искусственного интеллекта для автоматического анализа изображений, а также развивать компетенции по выявлению компонентов для 3D-печати оружия и чертежей в цифровой форме.

Усиление кадрового потенциала. Рекомендуется разработать и внедрить **специализированные программы повышения квалификации** для сотрудников таможенных органов, направленные на изучение современных схем контрабанды, идентификации оружия и взрывчатых веществ и основ оперативно-разыскной деятельности в новых условиях.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что эффективное противодействие контрабанде оружия в ЕАЭС в условиях СВО требует перехода от разрозненных национальных усилий к единой, скоординированной наднациональной стратегии. Реализация предложенных мер позволит нивелировать системные уязвимости ЕАЭС и создать надежный барьер на пути транснациональных угроз.

Результаты исследования могут быть использованы:

- органами власти для выработки новых решений в рамках ЕЭК и на уровне национальных правительств;
- таможенными службами для совершенствования профилей рисков, методик досмотра и организации оперативно-разыскной деятельности;
- научным сообществом для дальнейшего изучения проблем безопасности в Евразийском регионе.

Список использованных источников:

1. Международная конвенция о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений (Найроби, 9 июня 1977 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1901103?ysclid=lasqovimjt660814557>

2. Розенцвайг А. И. Международное уголовное право: учебное пособие / А. И. Розенцвайг. – Самара: Издательство Самарского университета, 2020. – 160 с.

3. Степенко В. Е., Чернова О. А., Музыченко П. Б. Международное уголовное право: учеб. пособие / В. Е. Степенко, О. А. Чернова, П. Б. Музыченко; под ред. В. Е. Степенко. – Хабаровск: изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. – 112 с.

4. Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств - членов таможенного союза (с изменениями на 10 октября 2014 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902225136?ysclid=lasqor62xk318093339>

5. План мероприятий на период 2021 - 2024 годов по реализации Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/activity/programmy-razvitiya/strategiya-razvitiya-fts-rossii-do-2030-goda/plan-meropriyatij-na-period-2021-->

-2024-godov-po-realizaczii-strategii-razvitiya-tamozhennoj-sluzhby-rossijskoj-federaczii-do-2030-goda-i-informaczija-o-ego-ispolnenii?ysclid=libzgu7fhc964874746

6. Шулепов, Н. А. Международно-Правовые Вопросы Таможенной Безопасности ЕАЭС / Н. А. Шулепов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки: электронный журнал. – URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-moskovskogo-gosudarstvennogo-lingvisticheskogo-universiteta-obrazovanie-i-pedagogicheskie-nauki?i=1124699>. – Дата публикации: 2015. – ISSN 2500-3488

Panchenkova Natalya Aleksandrovna

PhD in Historical Sciences, associate professor

*Department of Constitutional Law
and Historical and Legal disciplines*

Institute of Law

FSBEI of HE «Vladimir Dahl Lugansk State University»

Zyabkin Vladimir Olegovich

1st year student of the master's program

Institute of Law

FSBEI of HE «Vladimir Dahl Lugansk State University»

e-mail: v_zyabkun@mail.ru

ON CUSTOMS COUNTERMEASURES AGAINST WEAPONS SMUGGLING IN THE EAEU TERRITORY UNDER THE CONDITIONS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

The article provides a comprehensive analysis of the problems of customs countermeasures against weapons smuggling within the Eurasian Economic Union under the conditions of a special military operation. It examines the systemic risks associated with the lack of customs control at the internal borders of the single customs territory. Based on a comparative legal analysis, it identifies structural shortcomings in the existing mechanisms for interaction between the customs services of the EAEU member states. Specific proposals are formulated to improve the legal and organizational support for the activities of customs authorities at the supranational level.

Keywords: arms smuggling, EAEU, special military operation, single customs territory, transnational criminal groups, supranational level, customs security, harmonization of legislation.

Spisok ispol'zovanny`x istochnikov:

1. Mezhdunarodnaya konvenciya o vzaimnom administrativnom sodejstvii v predotvrashhenii, rassledovanii i presechenii tamozhenny`x pravonarushenij (Na-

jrobi, 9 iyunya 1977 g.) [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/1901103?ysclid=lasqovimjt660814557>

2. Rozenczvajg A. I. Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo: uchebnoe posobie / A. I. Rozenczvajg. – Samara: Izdatel`stvo Samarskogo universiteta, 2020. – 160 s.

3. Stepenko V. E., Chernova O. A., Muzy`chenko P. B. Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo: ucheb. posobie / V. E. Stepenko, O. A. Chernova, P. B. Muzy`chenko; pod red. V. E. Stepenko. – Xabarovsk: izd-vo Tixookean. gos. un-ta, 2016. – 112 s.

4. Dogovor ob osobennostyax ugovnoj i administrativnoj otvetstvennosti za narusheniya tamozhennogo zakonodatel`stva tamozhennogo soyuza i gosudarstv - chlenov tamozhennogo soyuza (s izmeneniyami na 10 oktyabrya 2014 goda) [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/902225136?ysclid=lasqor62xk318093339>

5. Plan meropriyatij na period 2021 - 2024 godov po realizacii Strategii razvitiya tamozhennoj sluzhby` Rossijskoj Federacii do 2030 goda [E`lektronny`j resurs] – Rezhim dostupa: <https://customs.gov.ru/activity/programmy-razvitiya/strategiya-razvitiya-fts-rossii-do-2030-goda/plan-meropriyatij-na-period-2021---2024-godov-po-realizacii-strategii-razvitiya-tamozhennoj-sluzhby-rossijskoj-federacii-do-2030-goda-i-informacziya-o-ego-ispolnenii?ysclid=libzgu7fhc964874746>

6. Shulepov, N. A. Mezhdunarodno-Pravovy`e Voprosy` Tamozhennoj Bezopasnosti EAE`S / N. A. Shulepov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki: e`lektronny`j zhurnal. – URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-moskovskogo-gosudarstvennogo-lingvisticheskogo-universiteta-obrazovanie-i-pedagogicheskie-nauki?i=1124699>. – Data publikacii: 2015. – ISSN 2500-3488

Кальницкая Наталья Дмитриевна
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права и
историко-правовых дисциплин
Юридического института,
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: n.calnitsckaia2011@yandex.com

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ М. М. СПЕРАНСКОГО В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

В статье рассматривается многогранное наследие выдающегося российского государственного деятеля Михаила Михайловича Сперанского. Анализируются его основные реформаторские проекты, включая план государственного преобразования, кодификацию законодательства, административные и финансовые реформы. Оценивается влияние идей Сперанского на последующее развитие правовой системы и государственного управления в России. Делается вывод о непреходящей актуальности его теоретических разработок и практических достижений.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, история государства и права, Российская империя, реформы, кодификация, разделение властей, правовое государство, российское законодательство.

Имя Михаила Михайловича Сперанского (1772 – 1839 гг.) занимает особое место среди российских реформаторов. Выходец из низов духовного сословия, благодаря своим выдающимся способностям, кропотливому труду он стал ближайшим советником (практически премьер-министром) императора Александра I, а затем и Николая I. Его деятельность охватывает важнейший период российской истории – первую треть XIX века, когда перед страной стояли задачи модернизации государственного аппарата, упорядочения законодательства и поиска путей трансформации системы самодержавия в новые реалии индустриальной цивилизации без потрясений. Наследие Сперанского многогранно – это и проекты конституционных преобразований, и фундаментальные труды по систематизации законов, и практические шаги в области финансов и управления. Цель данной статьи – выявить ключевые компоненты этого наследия и показать их значение для последующего развития российского государства и права.

Биография М. М. Сперанского – это яркий пример того, что человек является творцом своей судьбы, что талант, терпение и труд – это ключевые

движущие силы в становлении личности. М. М. Сперанский родился в январе 1772 года в селе Черкутино Владимирской губернии в семье священника. По традициям того времени ни крепостные крестьяне, ни сельские священники не имели фамилий. Свою фамилию Сперанский (от лат. spero – «надеяться») получил только в возрасте восьми лет, когда поступил в духовную семинарию. Именно там и обнаружилась его тяга к наукам. По окончании семинарии он обучался в Духовной Академии Санкт-Петербурга. Михаил Михайлович в 1795 году стал сначала секретарем у князя А. Б. Куракина, а в 1797 году, отказавшись от карьеры в духовной сфере, перешел в чин титулярного советника в канцелярию генерал-прокурора того же А. Б. Куракина [1, с. 40 – 41]. Карьера М. М. Сперанского была стремительной – в 1801 году он уже действительный тайный советник, что соответствует гражданскому чину I класса. При этом государственные перевороты никоим образом не касались М. М. Сперанского, поскольку ни в какие интриги он не вступал. Его ценили за его знания, правильный подход к делу, организованность и ответственность. Сразу после воцарения Александра I Сперанского перевели в штат помощников сенатора Д. П. Трошинского, вошедшего в круг ближайших советников нового императора. А в 1806 году, когда заболевший министр В. П. Кочубей поручил М. М. Сперанскому сделать личный доклад императору, последний своей эрудицией и компетенцией произвёл на Александра I сильное впечатление. С этого момента и начинается особо плодотворный для государства период деятельности Михаила Михайловича.

Остановимся подробнее на характеристике реформаторских проектов М. М. Сперанского. В 1809 году по поручению Александра I Сперанский подготовил «Введение к уложению государственных законов» – обширный проект коренных государственных преобразований. В основе проекта лежал принцип разделения властей: законодательная власть должна была принадлежать выборной Государственной думе, исполнительная – министерствам, подотчётным Думе, судебная – независимым судам. Верховная власть императора сохранялась, но ограничивалась участием выборных органов [2, с. 87]. Проект предусматривал также создание Государственного совета как совещательного органа при императоре. Хотя этот план не был реализован в полном объёме, он заложил идейную основу для будущих реформ и оказал влияние на развитие общественной мысли. Созданный в 1810 году Государственный совет стал реальным воплощением части замыслов М. М. Сперанского и существовал до 1917 года.

Анализируя необходимость конституционного устройства, М. М. Сперанский исходил из дуалистической природы проявления «живых сил государства» [3, с. 110 – 111]. По его мысли, они могут реализовываться либо

в консолидированной форме, усиливая политические prerogatives власти, либо дисперсно, будучи распределенными среди множества субъектов, что служит гарантией индивидуальных прав. Абсолютная концентрация этих сил в руках верховной власти, не оставляющая подданным никаких прав, неизбежно ведет к деспотии и всеобщему порабощению [4, с. 147]. Рассматривая природу рабства, М. М. Сперанский выстраивал его иерархию: наиболее тяжелой формой он полагал гражданское рабство, при котором человек лишен как политических прав, так и свободы в отношении себя и своего имущества. Более легкой формой выступало рабство политическое (включая его «исключительную» разновидность), порабощающее лишь в сфере участия в государственной власти [4, с. 147].

Отметим, что гарантию гражданской свободы от потенциального произвола государства М. М. Сперанский видел в принятии конституции. Основной закон, по его мнению, должен был закрепить за подданными неотъемлемые права, проистекающие из политического статуса гражданина [4, с. 148]. Требование верховенства закона являлось лейтмотивом его научных трудов и фундаментом всего проекта государственной реформы.

Важнейшей заслугой М. М. Сперанского является кодификация российского законодательства, осуществлённая во второй половине 1820-х – начале 1830-х годов по повелению Николая I. Результатом титанической работы стало издание в 1830 году «Полного собрания законов Российской империи», включившего более 50 тысяч законодательных актов от Соборного уложения 1649 года до 1825 года, а затем – «Свода законов Российской империи» в 15 томах (1832 г.) [5, с. 10]. Была проделана колоссальная работа, поскольку в России до этого момента продолжали действовать нормы и Судебника Ивана III 1497 года, и Соборного уложения Алексея Михайловича 1649 года, и множество других нормативно-правовых актов, противоречащих друг другу, не соответствующих реалиям начала XIX в. В этом пришлось разобраться и навести порядок Михаилу Михайловичу и его помощникам. Созданный им свод законов представлял собой систематизированное действующее законодательство, построенное по отраслевому принципу. Эта работа имела колоссальное значение: впервые в России был создан единый, логически организованный корпус законов, что облегчило правоприменение, упорядочило управление и заложило основу для дальнейшего развития права. Многие принципы, использованные Сперанским (отраслевая кодификация, иерархия источников), сохраняют значение до сих пор.

В области административного управления Сперанский участвовал в формировании министерской системы, совершенствовании структуры и делопроизводства центральных органов. В 1819 – 1821 годах он был генерал-гу-

бернатором Сибири и провёл там значительные преобразования, направленные на упорядочение управления этим обширным краем [6, с. 67]. Разработанное им «Учреждение для управления сибирских губерний» (1822 г.) стало образцом для регионального законодательства.

Финансовые реформы Сперанского в период 1809 – 1810 годов были направлены на стабилизацию расстроенной финансовой системы. В это время необходимо было сократить бюджетный дефицит, упорядочить денежное обращение и налогообложение. Отметим, что финансовое положение Российской империи было критическим – дефицит государственного бюджета накануне реформы составлял более 100 %. Среди основных мероприятий М. М. Сперанского было: установление жесткого контроля над государственными расходами, стимулирование экономики в виде поддержки кредитных операций (им была выдвинута (но не реализована) идея создания Центрального банка России), изъятие из обращения части ассигнаций, введение серебряного рубля в качестве основной законной счетной единицы. По его настоянию государственный бюджет впервые выносился на обсуждение Государственного Совета, что в условиях XIX в. было прогрессивным и обеспечивало гласность и снижало произвол в распределении государственных средств [7, с. 109]. Особо следует обратить внимание на реформирование налогообложения. Произошло введение «подходящего прогрессивного» налога, которым был обложен доход помещиков с их земель. Напомним, что практически весь XVIII в. дворянство вообще не платило налоги. Закономерно, что это вызвало недовольство у отдельных представителей дворянства. В целом, можно отметить, что многие предложения оказались экономически обоснованными и способствовали стабилизации экономики, хотя и временной.

М. М. Сперанский был не только практиком, но и глубоким теоретиком. Его труды, такие как «Руководство к познанию законов», «О коренных законах государства», свидетельствуют о высоком уровне правовой мысли. Он последовательно отстаивал идею верховенства закона: «Законы существуют для всех без изъятия; никто не может быть выше закона» [8, с. 187]. Он обосновывал необходимость разделения властей, независимости суда, участия общества в законодательстве через представительные органы. При этом он оставался сторонником сильной монархической власти, способной, по его мнению, провести реформы и сохранить стабильность. Его концепция «истинной монархии» предполагала постепенную эволюцию самодержавия в сторону правового государства [9, с. 75].

Наследие М. М. Сперанского оказало огромное влияние на последующее развитие России. «Свод законов» стал основой для всей юридической практики XIX века и во многом сохранил своё значение вплоть до 1917 года. Он об-

легчил проведение судебной реформы 1864 года, поскольку суды получили систематизированное законодательство. Идеи Сперанского о представительных учреждениях и разделении властей были востребованы в ходе подготовки реформ 1860 – 1870-х годов и создания земств, а также при разработке проекта Государственной думы в начале XX века. Многие его административные и правовые разработки использовались при реформировании министерств и ведомств.

Современные исследователи (М. М. Сафонов, С. В. Мироненко, В. А. Томсинов, Г. Д. Макеева) подчёркивают, что Сперанский был не просто талантливым бюрократом (в положительном значении этого слова), а оригинальным мыслителем, сумевшим синтезировать западноевропейские правовые идеи с российской действительностью [1; 2; 6; 10]. Его деятельность стала важнейшей вехой на пути формирования российской правовой системы и традиций государственного управления.

В настоящее время, когда Россия продолжает поиск оптимальной модели государственного устройства и правового регулирования, идеи М. М. Сперанского о верховенстве закона, независимости суда, эффективном разделении властей, систематизации и доступности законодательства сохраняют свою значимость. Его принципы кодификации используются в современной юридической технике. Вопросы соотношения централизации и самоуправления, ответственности власти перед законом – всё это было предметом его размышлений. Опыт М. М. Сперанского по проведению масштабных реформ, сочетающих постепенность и системность, поучителен и для современных реформаторов.

Таким образом, Михаил Михайлович Сперанский оставил глубокий след в истории России, результаты его деятельности были ощутимы всеми жителями Российской империи в XIX веке. Его практические достижения – инициирование создания Государственного совета, формирование Полного собрания и Свода законов – стали фундаментом российской государственности и правовой системы XIX века. Его теоретические воззрения намного опередили своё время и предвосхитили многие конституционные идеи. Наследие М. М. Сперанского является неотъемлемой частью отечественной правовой и политической культуры, обращение к которой позволяет лучше понять закономерности развития российского государства и права и наметить пути их дальнейшего совершенствования.

Литература

1. Томсинов В. А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского: Монография / В. А. Томсинов. – М.: Зерцало-М, 2013. – 476 с.

2. Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX веков: Монография / М. М. Сафонов. – Л.: Наука, 1988. – 247 с.

3. Глушкова С. И., Ислентьев С. О. Политико-правовое наследие М. М. Сперанского в прошлом и настоящем России: основные идеи и подходы / С. И. Глушкова, С. О. Ислентьев // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 107 – 119.

4. Сперанский М. М. Проекты и записки / М. М. Сперанский. – М.; Ленинград: Академия наук СССР, 1961. – 245 с.

5. Наумова Н. В., Кириллова Т. А. Михаил Михайлович Сперанский – звезда отечественной юриспруденции / Н. В. Наумова, Т. А. Кириллова // Актуальные проблемы права: Материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). – М.: Буки-Веди, 2017. – С. 9 – 12.

6. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX века: Монография / С. В. Мироненко. – М.: Наука, 1989. – 240 с.

7. Чибиряев С. А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского / С. А. Чибиряев. – М.: Воскресенье, 1993. – 238 с.

8. Сперанский М. М. Избранное / М. М. Сперанский. – М.: РОССПЭН, 2010. – 776 с.

9. Дмитриев О. Сперанский и его государственная деятельность (1772 – 1839 гг.) / О. Дмитриев // Юность. – 1996. – № 7. – С. 70 – 80.

10. Макеева Г. Д. Сперанский и другие: Роман о первой русской перестройке / Г. Д. Макеева. – М.: Моск. рабочий, 1990. – 206 с.

Kalnitskaya Natalia Dmitrievna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional law and Historical and Legal disciplines of the Law Institute,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lugansk State University named after Vladimir Dal»

e-mail: n.kalnitskaia2011@yandex.com

M. M. SPERANSKY'S POLITICAL AND LEGAL LEGACY IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE AND LAW

The article examines the multifaceted legacy of Mikhail Mikhailovich Speransky, an outstanding Russian statesman. It analyzes his main reform projects, including a plan for state transformation, the codification of legislation, and administrative and financial reforms. The article assesses the impact of Speransky's ideas on the

subsequent development of the legal system and public administration in Russia. The article concludes that his theoretical developments and practical achievements remain relevant today.

Keywords: Mikhail Mikhailovich Speransky, history of state and law, reforms, codification, separation of powers, legal state, Russian legislation.

Literatura

1. Tomsinov V.A. Svetilo rossijskoj byurokratii: Istoricheskij portret M.M. Speranskogo: Monografiya / V.A. Tomsinov. – M.: Zercalo-M, 2013. – 476 s.

2. Safonov M.M. Problema reform v pravitel'svennoj politike Rossii na rubezhe XVIII i XIX vekov: Monografiya / M.M. Safonov. – L.: Nauka, 1988. – 247 s.

3. Glushkova S.I., Islent'ev S.O. Politiko-pravovoe nasledie M.M. Speranskogo v proshlom i nastoyashchem Rossii: osnovnye idei i podhody / S.I. Glushkova, S.O. Islent'ev // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. – № 3. – S. 107 – 119.

4. Speranskij M.M. Proekty i zapiski / M.M. Speranskij. – M.; Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1961. – 245 s.

5. Naumova N.V., Kirillova T.A. Mihail Mihajlovich Speranskij – zvezda otechestvennoj yurisprudencii / N.V. Naumova, T.A. Kirillova // Aktual'nye problemy prava: Materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, dekabr' 2017 g.). – M.: Buki-Vedi, 2017. – S. 9 – 12.

6. Mironenko S.V. Samoderzhavie i reformy: Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX veka: Monografiya / S.V. Mironenko. – M.: Nauka, 1989. – 240 s.

7. Chibiryayev S.A. Velikij russkij reformator. Zhizn', deyatel'nost', politicheskije vzglyady M.M. Speranskogo / S.A. Chibiryayev. – M.: Voskresen'e, 1993. – 238 s.

8. Speranskij M.M. Izbrannoe / M.M. Speranskij. – M.: ROSSPEN, 2010. – 776 s.

9. Dmitriev O. Speranskij i ego gosudarstvennaya deyatel'nost' (1772 – 1839 gg.) / O. Dmitriev // Yunost'. – 1996. – № 7. – S. 70 – 80.

10. Makeeva G.D. Speranskij i drugie: Roman o pervoj russkoj perestrojke / G.D. Makeeva. – M.: Mosk. rabochij, 1990. – 206 s.

Статья подана 13.03.2026 г.

Кафанова Ольга Владимировна
доцент кафедры конституционного
права и историко-правовых дисциплин
Юридического института
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: marta.kaf@mail.ru

Иванова Анна
студентка группы Юиз-141
Юридического института
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
iat.annacroft@gmail.com

ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО СТАТУСА СУДЕЙ, ПРИСЯЖНЫХ И АРБИТРАЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

В статье проводится комплексный анализ правового статуса субъектов, осуществляющих правосудие в Российской Федерации: профессиональных судей, присяжных и арбитражных заседателей. Авторы рассматривают нормативно-правовые основы их деятельности, включая положения Конституции РФ, федеральных конституционных законов и Кодекса судейской этики. Особое внимание уделяется единству статуса судей, требованиям к их профессиональному поведению, ограничениям и запретам, связанным с судейской деятельностью, а также механизмам предотвращения конфликта интересов. В части, касающейся гражданского участия в правосудии, подробно описываются требования к кандидатам в присяжные и арбитражные заседатели, порядок их формирования и привлечения к процессам, а также государственные гарантии их независимости и материального обеспечения. Исследование подчеркивает специфику каждой категории участников и их роль в обеспечении объективности и беспристрастности судебного разбирательства.

Ключевые слова: правовой статус судей; судебная система РФ; судейская этика; присяжные заседатели; арбитражные заседатели; независимость судей; конфликт интересов; осуществление правосудия.

Актуальность темы исследования обусловлена особой ролью судебной власти в обеспечении верховенства права и конституционной защите интересов личности, общества и государства. Формирование независимой судебной системы невозможно без детальной регламентации правового статуса судей, который представляет собой сложную конструкцию из полномочий, жестких

этических ограничений и государственных гарантий неприкосновенности. Особую значимость в современных условиях приобретает совершенствование механизмов предотвращения конфликта интересов и соблюдения запретов, связанных с судейской деятельностью, что напрямую коррелирует с задачами антикоррупционной политики. Параллельно с этим расширяется институт гражданского участия в лице присяжных и положения как гаранта демократизации правосудия. Таким образом, комплексный анализ статуса всех субъектов, наделенных полномочиями по разрешению споров, необходим для укрепления авторитета судебной власти и повышения уровня общественного доверия к правовым институтам Российской Федерации.

Исследованием вопроса правового статуса судей, присяжных и арбитражных заседателей занимались такие ученые, как Анцупов А. Я., Клеандров М. И., Туманова Л. В., Корнакова, С. В., Ермошин Г. Т., Шамардин А. А. и другие. Несмотря на наличие солидного массива литературы, степень исследованности темы остается актуальной в связи с постоянными изменениями законодательства.

Правовой статус судей – это установленная законом совокупность прав, обязанностей и ответственности судей, а также гарантий их независимости при осуществлении правосудия.

Основы статуса судей установлены ст. 119–122 Конституции РФ, главой 2 Федерального конституционного закона «О судебной системе РФ» и Законом РФ «О статусе судей в РФ». Кроме того, VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. был утвержден Кодекс судейской этики, который в соответствии с Законом «О статусе судей в РФ» и в развитие его положений устанавливает правила поведения судьи в профессиональной и внеслужебной деятельности, обязательные для каждого судьи независимо от занимаемой должности.

Совокупность всех судей, как занимающихся судебной деятельностью, так и находящихся в отставке, обозначается термином «судейский корпус» [1, стр. 133-134].

Согласно ч. 1 и 2 ст. 11 Закона «О судебной системе РФ» судьями являются лица, наделенные в соответствии с Конституцией РФ и федеральным законом полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе.

Судья, имеющий стаж работы в качестве судьи не менее десяти лет и находящийся в отставке, считается почетным судьей [2, ст. 11, ч. 1, 2].

Согласно ст. 12 Закона «О судебной системе РФ» все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией. Особенности правового положения отдельных

категорий судей определяются федеральными законами, а в случаях, ими предусмотренных, - также и законами субъектов Российской Федерации [2, ст. 12].

Согласно ч. 2 ст. 2 Закона «О судебной системе РФ» судьям в зависимости от занимаемой должности, стажа работы в должности судьи и иных предусмотренных законом обстоятельств присваиваются квалификационные классы в порядке, предусмотренном настоящим Законом. Присвоение судье квалификационного класса не означает изменение его статуса относительно других судей в Российской Федерации [2, ст. 2, ч. 2].

Согласно п. 2 ст. 4 гл. 2 «Кодекса судейской этики» судья обязан неукоснительно соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы и федеральные законы. Мировой судья обязан также соблюдать конституцию (устав) субъекта Российской Федерации и законы субъекта Российской Федерации [3, гл.2, ст.4, п.2].

Согласно п.2 и 4 ст. 11 гл. 3 «Кодекса судейской этики» судья должен добросовестно, на высоком профессиональном уровне исполнять свои обязанности, принимать все меры для своевременного и квалифицированного рассмотрения дела, а также содействовать примирению сторон, мирному урегулированию спора, поддерживать свою квалификацию на высоком уровне расширять профессиональные знания, совершенствовать практический опыт и личные качества, необходимые для надлежащего исполнения своих обязанностей [3, гл.3, ст.11, п.2, 4].

Согласно п.2 и 3 ст. 8 гл. 3 «Кодекса судейской этики» судья при рассмотрении дела обязан придерживаться независимой и беспристрастной позиции в отношении всех участников процесса. Судья должен осуществлять судебские полномочия, исходя исключительно из оценки фактических и правовых обстоятельств дела, в соответствии с внутренним убеждением, уважая процессуальные права всех участвующих в деле лиц, независимо от какого-либо постороннего воздействия, давления, угроз или иного прямого или косвенного вмешательства в процесс рассмотрения дела.

Судья должен осуществлять профессиональную деятельность в строгом соответствии с законом, опираясь на внутреннее убеждение и не поддаваясь влиянию кого бы то ни было. Публичное обсуждение деятельности судьи, критические высказывания в его адрес не должны влиять на законность и обоснованность выносимого им решения [3, гл.3, ст.8, п.2, 3].

Согласно п.2 ст. 10 гл. 3 «Кодекса судейской этики» судья при исполнении своих обязанностей должен руководствоваться принципом равенства, поддерживать баланс между сторонами, обеспечивая каждой из них равные возможности, проявляя объективность и беспристрастность, с одинаковым вниманием относиться ко всем участникам судопроизводства вне зависимо-

сти от их пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств [3, гл.3, ст.10, п.2].

Согласно п.1, 2 ст. 9 гл. 3 «Кодекса судейской этики» объективность и беспристрастность судьи являются обязательными условиями надлежащего осуществления правосудия. Судья при исполнении своих полномочий и вне служебных отношений должен способствовать поддержанию уверенности общества и участников процесса в объективности и беспристрастности судьи и органов судебной власти. При исполнении своих профессиональных обязанностей в целях объективного рассмотрения дела судья должен быть свободен от каких-либо предпочтений, предубеждений или предвзятости и должен стремиться к исключению каких-либо сомнений в его беспристрастности [3, гл.3, ст.9, п. 1, 2].

Согласно п. 6, 7 ст. 11 гл. 3 «Кодекса судейской этики» судья не вправе разглашать информацию, полученную при исполнении своих обязанностей. Судья должен соблюдать высокую культуру поведения в процессе, поддерживать порядок в судебном заседании, вести себя достойно, терпеливо, вежливо в отношении участников процесса и других лиц, присутствующих в судебном заседании [3, гл.3, ст.11, п. 6, 7].

Согласно п. 3, 4, 5, 6 ст. 13 гл. 3 «Кодекса судейской этики» при освещении судебной деятельности в средствах массовой информации судья должен проявлять осмотрительность, не делать комментариев по существу дел, по которым не принято окончательных судебных актов. Однако это не исключает права судьи давать информацию о процессуальных стадиях рассмотрения дела. По рассмотренному делу судья вправе в устной или письменной форме разъяснить принятый судебный акт.

Судья должен проявлять сдержанность и корректность при комментировании решений своих коллег. Судья вправе давать пояснения либо комментариев к принятому им решению, высказывать мнение о сложившейся практике применения норм материального и/или процессуального права.

Если деятельность судьи освещается в средствах массовой информации таким образом, что о работе судов и судей складывается искаженное представление, то решение о форме реагирования на такие выступления средств массовой информации должно приниматься каждым судьей самостоятельно, на основе тех законных средств, которыми он обладает как гражданин.

Судья, отвечая на публичную критику, должен проявлять сдержанность и осмотрительность. В тех случаях, когда в результате необоснованной критики действий судьи в средствах массовой информации могут пострадать

авторитет и беспристрастность правосудия, предпочтительным является ответ на критику в виде публикации в средствах массовой информации комментария пресс-службы суда и/или органа Судебного департамента, а также органа судейского сообщества [3, гл.3, ст.13, п. 3, 4, 5, 6].

Согласно п. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» в случае возникновения конфликта интересов судья, участвующий в производстве по делу, обязан заявить самоотвод или поставить в известность участников процесса о сложившейся ситуации.

Под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) судьи влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью судьи и правами и законными интересами граждан, организаций, общества, муниципального образования, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации, способное привести к причинению вреда правам и законным интересам граждан, организаций, общества, муниципального образования, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации.

Под личной заинтересованностью судьи, которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей, понимается возможность получения судьей при исполнении должностных обязанностей доходов в виде материальной выгоды либо иного неправомерного преимущества непосредственно для судьи, членов его семьи или иных лиц и организаций, с которыми судья связан финансовыми или иными обязательствами [4, ст. 3, п. 2].

Согласно п. 3 ст. 3 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» судья не вправе:

- 1) замещать иные государственные должности, должности государственной службы, муниципальные должности, должности муниципальной службы, быть третейским судьей, арбитром;
- 2) принадлежать к политическим партиям, материально поддерживать указанные партии и принимать участие в их политических акциях и иной политической деятельности;
- 3) публично выражать свое отношение к политическим партиям и иным общественным объединениям;
- 4) заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, в том числе принимать участие в управлении хозяйствующим субъектом независимо от его организационно-правовой формы;
- 5) заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме педагогической, научной и иной творческой деятельности, занятие которой не должно препят-

ствовать исполнению обязанностей судьи и не может служить уважительной причиной отсутствия на заседании, если на то не дано согласия председателя соответствующего суда (для мировых судей - председателя соответствующего районного суда, для председателей судов - президиумов соответствующих судов, а в случае отсутствия таких президиумов - президиумов вышестоящих судов). При этом педагогическая, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации или договоренностями на взаимной основе Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации с соответствующими судами иностранных государств, международными и иностранными организациями;

5.1) открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. Супруг (супруга) и несовершеннолетние дети судьи также не вправе открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами;

5.2) иметь гражданство (подданство) иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства;

6) быть поверенным или представителем (кроме случаев законного представительства) по делам физических или юридических лиц;

7) допускать публичные высказывания по вопросу, который является предметом рассмотрения в суде, до вступления в законную силу судебного акта по этому вопросу;

8) использовать в целях, не связанных с осуществлением полномочий судьи, средства материально-технического, финансового и информационного обеспечения, предназначенные для служебной деятельности;

9) разглашать или использовать в целях, не связанных с осуществлением полномочий судьи, сведения, отнесенные в соответствии с федеральным законом к информации ограниченного доступа, или служебную информацию, ставшие ему известными в связи с осуществлением полномочий судьи;

10) получать в связи с осуществлением полномочий судьи не предусмотренные законодательством Российской Федерации вознаграждения (ссуды,

денежное и иное вознаграждение, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов) от физических и юридических лиц. Подарки, полученные судьей в связи с протокольными мероприятиями, со служебными командировками и с другими официальными мероприятиями, признаются федеральной собственностью или собственностью субъекта Российской Федерации и передаются судьей по акту в суд, в котором он занимает должность судьи, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Судья, сдавший подарок, полученный им в связи с протокольным мероприятием, со служебной командировкой и с другим официальным мероприятием, может его выкупить в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации;

11) принимать без разрешения соответствующей квалификационной коллегии судей почетные и специальные (за исключением научных и спортивных) звания, награды и иные знаки отличия иностранных государств, политических партий, иных общественных объединений и других организаций;

12) выезжать в служебные командировки за пределы территории Российской Федерации за счет средств физических и юридических лиц, за исключением служебных командировок, осуществляемых в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации или договоренностями на взаимной основе Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Совета судей Российской Федерации с соответствующими судами иностранных государств, международными и иностранными организациями;

13) входить в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов действующих на территории Российской Федерации иностранных некоммерческих неправительственных организаций и их структурных подразделений, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации или договоренностями на взаимной основе Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации с соответствующими судами иностранных государств, международными и иностранными организациями;

14) прекращать исполнение должностных обязанностей в целях урегулирования трудового спора [4, ст. 3, п. 3].

Из правила о запрете совмещения судейской должности с другими видами деятельности, Закон «О статусе судей в РФ» устанавливает некоторые изъятия. Согласно п. 4 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ» судья, пребывающий в отставке и имеющий стаж работы в должности судьи не менее 20 лет либо достигший возраста 55 лет (для женщин - 50 лет), вправе работать в органах

государственной власти, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, в профсоюзных и иных общественных объединениях, а также в качестве помощника сенатора Российской Федерации или депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации либо помощника депутата законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации, может быть назначен на должность уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, но не вправе занимать должности прокурора, следователя и дознавателя, заниматься адвокатской и нотариальной деятельностью.

В период осуществления деятельности, которой судья, пребывающий в отставке, вправе заниматься в соответствии с настоящим пунктом, на него не распространяются гарантии неприкосновенности, установленные статьей 16 Закона «О статусе судей в РФ», членство указанного судьи в судебном сообществе на этот период приостанавливается [4, ст. 3, п. 4].

Согласно п. 5 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ» судья, пребывающий в отставке, вправе быть медиатором, судебным примирителем без ограничения гарантий судебской неприкосновенности [4, ст. 3, п. 5].

Нарушение судьей указанных выше требований, невыполнение им своих обязанностей, совершение судьей должностного или иного проступка влечет ответственность в соответствии с действующим законодательством при соблюдении установленных гарантий его неприкосновенности [1, стр. 137].

2. Правовой статус присяжных заседателей

Участие граждан в отправлении правосудия является одним из его конституционных принципов (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ). Суд присяжных в настоящее время выступает в качестве единственной формы участия граждан в отправлении правосудия в судах общей юрисдикции. Причем его компетенция ограничена только уголовными делами, подсудными судам областного звена и районным судам. В гражданском и административном судопроизводстве после исключения из процессуального законодательства института народных заседателей указанный конституционный принцип фактически не действует.

Правовой статус присяжных заседателей и порядок их привлечения к отправлению правосудия регулируются нормами УПК РФ и Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в РФ» от 20 августа 2004 г. (далее – «Закон о присяжных заседателях»).

Право на заявление ходатайства о рассмотрении дела судом присяжных следователь должен разъяснить обвиняемому при ознакомлении с материалами уголовного дела [1, стр. 164].

Согласно ч. 1, 2 ст. 2 Закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» граждане Российской Федера-

ции имеют право участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей при рассмотрении судами первой инстанции подсудных им уголовных дел с участием присяжных заседателей. Ограничение данного права устанавливается только федеральным законом. Участие в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей граждан, включенных в списки кандидатов в присяжные заседатели, является их гражданским долгом [5, ст. 2, ч.1, 2].

Главным при характеристике правового статуса присяжных заседателей является то, что на них в период осуществления ими правосудия распространяются основные гарантии независимости и неприкосновенности судей, установленные Конституцией РФ и Законом «О судебной системе РФ», Законом «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», а также ряд положений Закона «О статусе судей в РФ», в частности гарантии неприкосновенности личности, жилища, транспортных средств, документов, багажа и иного имущества, тайны переписки и иной корреспонденции. Лица, препятствующие присяжному заседателю исполнять обязанности по осуществлению правосудия, несут ответственность в соответствии с законодательством РФ [1, стр. 164].

Согласно ч. 1, 2, 3 ст. 3 Закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» присяжными заседателями могут быть граждане, включенные в списки кандидатов в присяжные заседатели и призванные в установленном Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации порядке к участию в рассмотрении судом уголовного дела.

Присяжными заседателями и кандидатами в присяжные заседатели не могут быть лица:

- 1) не достигшие к моменту составления списков кандидатов в присяжные заседатели возраста 25 лет;
- 2) имеющие непогашенную или неснятую судимость;
- 3) признанные судом недееспособными или ограниченные судом в дееспособности;
- 4) состоящие на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств.

К участию в рассмотрении судом конкретного уголовного дела в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, в качестве присяжных заседателей не допускаются также лица:

- 1) подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений;
- 2) не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство;

3) имеющие физические или психические недостатки, препятствующие полноценному участию в рассмотрении судом уголовного дела [5, ст. 3, ч. 1, 2, 3].

Согласно ч. 1, 2, 3, 4 ст. 4 Закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» исполнительно-распорядительный орган муниципального образования каждые четыре года составляет список и запасной список кандидатов в присяжные заседатели муниципального образования, включая в указанные списки граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего муниципального образования.

Высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации каждые четыре года на основании списков и запасных списков кандидатов в присяжные заседатели муниципальных образований, представляемых главами муниципальных образований, составляет общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели субъекта Российской Федерации, включая в них необходимое для работы соответствующего суда число граждан, постоянно проживающих на территории субъекта Российской Федерации, а также списки и запасные списки кандидатов в присяжные заседатели округов, включая в них необходимое для работы соответствующих судов число граждан, постоянно проживающих на территориях муниципальных образований, входящих в округа.

Число граждан, подлежащих включению в общий список кандидатов в присяжные заседатели субъекта Российской Федерации от каждого муниципального образования, должно примерно соответствовать соотношению числа граждан, постоянно проживающих на территории муниципального образования, и числа граждан, постоянно проживающих на территории субъекта Российской Федерации.

Число граждан, подлежащих включению в запасной список кандидатов в присяжные заседатели муниципального образования, запасной список кандидатов в присяжные заседатели округа и запасной список кандидатов в присяжные заседатели субъекта Российской Федерации, составляет не более одной четвертой числа кандидатов в присяжные заседатели, подлежащих включению соответственно в список кандидатов в присяжные заседатели муниципального образования, список кандидатов в присяжные заседатели округа и общий список кандидатов в присяжные заседатели субъекта Российской Федерации [5, ст. 4, ч. 1, 2, 3, 4].

Согласно ч. 4 ст. 5 Закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» кандидаты в присяжные заседатели муниципального образования определяются путем случайной выборки с использованием Государственной автоматизированной системы Российской

Федерации «Выборы» на основе содержащихся в ее информационном ресурсе персональных данных об избирателях, участниках референдума. При этом из числа отобранных граждан исключаются лица, которые не могут быть присяжными заседателями в соответствии с настоящим Федеральным законом [5, ст. 5, ч. 4].

Согласно ст. 7 Закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» граждане, включенные в список и запасной список кандидатов в присяжные заседатели муниципального образования, исключаются из указанных списков исполнительно-распорядительным органом муниципального образования. Граждане, включенные в список и запасной список кандидатов в присяжные заседатели округа, общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели субъекта Российской Федерации, исключаются из указанных списков высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации в случаях:

1) выявления обстоятельств, указанных в части 2 статьи 3 настоящего Федерального закона (лица, которые не могут быть присяжными заседателями и кандидатами в присяжные заседатели);

2) подачи гражданином письменного заявления о наличии обстоятельств, препятствующих исполнению им обязанностей присяжного заседателя, если он является:

а) лицом, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство;

б) лицом, не способным исполнять обязанности присяжного заседателя по состоянию здоровья, подтвержденному медицинскими документами;

в) лицом, достигшим возраста 65 лет;

г) лицом, замещающим государственные должности или выборные должности в органах местного самоуправления;

д) военнослужащим;

д.1) гражданином, уволенным с военной службы по контракту из органов федеральной службы безопасности, органов государственной охраны или органов внешней разведки, - в течение пяти лет со дня увольнения;

е) судьей, прокурором, следователем, дознавателем, адвокатом, нотариусом, должностным лицом органов принудительного исполнения Российской Федерации или частным детективом - в период осуществления профессиональной деятельности и в течение пяти лет со дня ее прекращения;

е.1) имеющим специальное звание сотрудником органов внутренних дел, таможенных органов или органов и учреждений уголовно-исполнительной системы;

е.2) гражданином, уволенным со службы в органах и учреждениях, указанных в подпункте «е.1» настоящего пункта, - в течение пяти лет со дня увольнения;

ж) священнослужителем [5, ст. 7].

Дальнейший отбор присяжных заседателей производится непосредственно в суде согласно нормам УПК РФ.

После назначения судебного заседания по распоряжению председательствующего секретарь судебного заседания или помощник судьи производит отбор кандидатов в присяжные заседатели из находящихся в суде общего и запасного годовых списков путем случайной выборки. При этом одно и то же лицо не может участвовать в течение года в судебных заседаниях в качестве присяжного заседателя более одного раза.

По завершении отбора кандидатов в присяжные заседатели составляется предварительный список кандидатов. Включенным в предварительный список кандидатам в присяжные заседатели не позднее чем за 7 суток до начала судебного разбирательства вручаются извещения с указанием даты и времени прибытия в суд. В предварительный список кандидатов в присяжные не включаются лица, которые в силу установленных Законом о присяжных заседателях обстоятельств не могут участвовать в рассмотрении уголовного дела.

На основании ч. 7 ст. 326 УПК РФ от исполнения обязанностей присяжных заседателей по их устному или письменному заявлению председательствующим судьей могут быть освобождены лица старше 60 лет; женщины, имеющие ребенка в возрасте до трех лет; лица, которые в силу религиозных убеждений считают для себя невозможным участие в осуществлении правосудия; лица, отвлечение которых от исполнения служебных обязанностей может нанести существенный вред общественным или государственным интересам; иные лица, имеющие уважительные причины для неучастия в судебном заседании [1, стр. 179-180].

Согласно ч. 2, 3 ст. 327 УПК РФ после доклада о явке сторон и других участников уголовного судопроизводства секретарь судебного заседания или помощник судьи докладывает о явке кандидатов в присяжные заседатели.

Если в судебное заседание верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда явилось менее четырнадцати кандидатов в присяжные заседатели, а в судебное заседание районного суда, гарнизонного военного суда - менее двенадцати кандидатов в присяжные заседатели, председательствующий дает распоряжение о дополнительном вызове в суд кандидатов в присяжные заседатели [6, ст. 327, ч.2,3].

Согласно ч. 3, 4 ст. 328 УПК РФ председательствующий разъясняет кандидатам в присяжные заседатели их обязанность правдиво отвечать на задаваемые им вопросы, а также представить необходимую информацию о себе и об отношениях с другими участниками уголовного судопроизводства. После этого председательствующий опрашивает кандидатов в присяжные заседатели о наличии обстоятельств, препятствующих их участию в качестве присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела.

Каждый из кандидатов в присяжные заседатели, явившихся в судебное заседание, вправе указать на причины, препятствующие исполнению им обязанностей присяжного заседателя, а также заявить самоотвод [6, ст. 328, ч. 3, 4].

Согласно ч. 5 ст. 327 УПК РФ разъясняя права сторонам, председательствующий помимо прав, предусмотренных соответствующими статьями части первой настоящего Кодекса, должен разъяснить им:

- 1) право заявить мотивированный отвод присяжному заседателю;
- 2) право подсудимого или его защитника, государственного обвинителя на немотивированный отвод присяжного заседателя, который может быть заявлен каждым из участников [6, ст. 327, ч. 5].

Согласно ч. 1, 2, 3 ст. 330 УПК РФ до приведения присяжных заседателей к присяге стороны вправе заявить, что вследствие особенностей рассматриваемого уголовного дела образованная коллегия присяжных заседателей в целом может оказаться неспособной вынести объективный вердикт.

Выслушав мнение сторон, председательствующий разрешает данное заявление в совещательной комнате и выносит постановление.

Если заявление будет признано обоснованным, то председательствующий распускает коллегию присяжных заседателей [6, ст. 330, ч. 1, 2, 3].

По завершении формирования коллегии присяжных заседателей председательствующий предлагает присяжным заседателям занять отведенное им место на скамье присяжных, которая должна быть отделена от присутствующих в зале судебного заседания и расположена, как правило, напротив скамьи подсудимых. Запасные присяжные заседатели занимают на этой скамье специально отведенные для них председательствующим места. Если в ходе судебного разбирательства, но до удаления присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта выяснится, что кто-либо из присяжных заседателей не может продолжать участвовать в судебном заседании или отстраняется судьей от участия в судебном заседании, то он заменяется запасным присяжным заседателем.

Присяжные заседатели, входящие в состав коллегии, в совещательной комнате открытым голосованием избирают большинством голосов старшину, который руководит ходом совещания присяжных, по их поручению обращается

к председательствующему с вопросами и просьбами, оглашает поставленные судом вопросы, записывает ответы на них, подводит итоги голосования, оформляет вердикт и по указанию председательствующего провозглашает его в судебном заседании.

Граждане призываются к исполнению в суде обязанностей присяжных заседателей один раз в год на десять рабочих дней, а если рассмотрение уголовного дела, начатое с участием присяжных заседателей, не окончилось к моменту истечения указанного срока, - на все время рассмотрения этого дела.

За время исполнения присяжным заседателем обязанностей по осуществлению правосудия ему выплачивается за счет средств федерального бюджета компенсационное вознаграждение в размере одной второй части должностного оклада судьи соответствующего суда пропорционально числу дней участия присяжного заседателя в осуществлении правосудия, но не менее среднего заработка присяжного заседателя по месту его основной работы за такой период, а также возмещаются судом командировочные расходы, транспортные расходы на проезд к месту нахождения суда и обратно в порядке и размере, установленных для судей данного суда. За присяжным на время исполнения им обязанностей по осуществлению правосудия по основному месту работы сохраняются гарантии и компенсации, предусмотренные трудовым законодательством. В частности, увольнение присяжного заседателя или его перевод на другую работу по инициативе работодателя в этот период не допускаются. Время исполнения присяжным заседателем обязанностей по осуществлению правосудия учитывается при исчислении всех видов трудового стажа [1, стр. 180-181].

3. Правовой статус арбитражных заседателей

Организационно-правовой формой участия граждан в отправлении правосудия при рассмотрении дел арбитражными судами является институт арбитражных заседателей. Порядок привлечения граждан к участию в арбитражном судопроизводстве в качестве арбитражных заседателей регулируется Федеральным законом «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов РФ» от 30 мая 2001 г. и ст. 19 АПК РФ [1, стр. 181].

Согласно п.1 ст. 1 Закона «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» арбитражными заседателями арбитражных судов субъектов Российской Федерации являются граждане Российской Федерации, наделенные в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, полномочиями по осуществлению правосудия при рассмотрении арбитражными судами субъектов Российской Федерации в первой инстанции отнесенных к их компетенции дел, возникающих из гражданских правоотношений [7, ст. 1, п. 1].

Согласно ч. 2, 3 ст. 19 гл. 2 АПК РФ ходатайство о рассмотрении дела с участием арбитражных заседателей должно содержать обоснование особой сложности дела и (или) необходимости использования специальных знаний и может быть заявлено стороной не позднее чем за один месяц до начала судебного разбирательства, в том числе при каждом новом рассмотрении дела. В случае, если ходатайство о рассмотрении дела с участием арбитражных заседателей удовлетворено, кандидатуры арбитражных заседателей определяются из списка арбитражных заседателей, утвержденного в установленном федеральным законом порядке, с учетом их специализации, путем случайной выборки с использованием автоматизированной информационной системы или иным способом, применяемым в арбитражном суде для формирования состава суда [8, гл. 2, ст. 19, ч. 2, 3].

Согласно п. 1, 2, 4 ст. 3 Закона «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» списки арбитражных заседателей формируют арбитражные суды субъектов Российской Федерации на основе предложений о кандидатурах арбитражных заседателей, направленных в указанные суды торгово-промышленными палатами, ассоциациями и объединениями предпринимателей, иными общественными и профессиональными объединениями. Арбитражный суд субъекта Российской Федерации организует проверку достоверности сведений о кандидатурах арбитражных заседателей. Списки арбитражных заседателей представляются арбитражными судами субъектов Российской Федерации в Верховный Суд Российской Федерации и утверждаются Пленумом Верховного Суда Российской Федерации [7, ст. 3, п. 1, 2, 4].

Согласно п. 1, 2 ст. 2 Закона «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» арбитражными заседателями могут быть граждане, достигшие 25 лет, но не старше 70 лет, с безупречной репутацией, имеющие высшее образование и стаж работы в сфере экономической, финансовой, юридической, управленческой или предпринимательской деятельности не менее пяти лет.

Арбитражными заседателями не могут быть:

- 1) лица, имеющие не снятую или не погашенную в установленном законом порядке судимость;
- 2) лица, совершившие поступок, умаляющий авторитет судебной власти;
- 3) лица, признанные недееспособными или ограниченно дееспособными вступившим в законную силу решением суда;
- 4) лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности

государственной гражданской службы Российской Федерации, а также лица, замещающие муниципальные должности и должности муниципальной службы;

5) судьи, прокуроры, военнослужащие, следователи, адвокаты, нотариусы, лица, принадлежащие к руководящему и оперативному составу органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, органов федеральной службы безопасности, таможенных органов Российской Федерации, органов, исполняющих наказания, а также лица, осуществляющие частную детективную деятельность на основе специального разрешения (лицензии);

6) лица, состоящие на учете в наркологических или психоневрологических диспансерах;

7) супруг (супруга), родители, дети, родные братья и сестры, бабушки, дедушки, внуки, а также родители, дети, родные братья и сестры супруга (супруги) председателя или заместителя председателя того же арбитражного суда субъекта Российской Федерации [7, ст. 2, п. 1, 2].

Срок полномочий арбитражного заседателя составляет два года. По истечении срока полномочий арбитражный заседатель может быть повторно включен в списки арбитражных заседателей в общем порядке. Состав арбитражного суда для рассмотрения конкретного дела с участием арбитражных заседателей формируется в порядке, исключающем влияние на его формирование лиц, заинтересованных в исходе дела, и состоит из одного судьи и двух арбитражных заседателей. При этом судья является председательствующим в судебном заседании.

При рассмотрении дела арбитражные заседатели пользуются правами и несут обязанности судьи. При рассмотрении дела, разрешении всех вопросов, возникающих при рассмотрении и принятии судебных актов судья и арбитражный заседатель, пользуются равными процессуальными правами.

Участие граждан в осуществлении правосудия в качестве арбитражных заседателей является их гражданским долгом.

Арбитражному заседателю пропорционально количеству рабочих дней, в течение которых он участвовал в осуществлении правосудия, соответствующим арбитражным судом за счет средств федерального бюджета выплачивается компенсационное вознаграждение в размере одной четвертой части должностного оклада судьи данного арбитражного суда, но не менее пятикратного минимального размера оплаты труда. Кроме того, арбитражному заседателю возмещаются командировочные расходы в порядке и размере, которые установлены для судей при командировании в пределах РФ.

На арбитражного заседателя и членов его семьи в период осуществления им правосудия распространяются гарантии неприкосновенности судей и членов их семей, установленные Конституцией РФ, Федеральным консти-

туционным законом «О судебной системе РФ» и Законом «О статусе судей в РФ». За арбитражным заседателем в период осуществления им правосудия сохраняются средний заработок по основному месту работы, а также гарантии и льготы, предусмотренные законодательством. Время исполнения арбитражным заседателем полномочий по осуществлению правосудия учитывается при исчислении ему всех видов трудового стажа [1, стр. 183].

Законодательство РФ формирует систему правосудия, базирующуюся на принципах независимости и профессионализма. Субъекты правосудия четко делятся на две группы:

Профессиональные судьи - обладают единым статусом, жесткими ограничениями и этическими стандартами.

Представители общественности (присяжные и арбитражные заседатели) - привлекаются временно, но на этот период наделяются гарантиями судей.

Можно выделить основные моменты правового регулирования в данном вопросе:

1). Единство статуса и гарантии. Все судьи равны в статусе. Основа системы - гарантии независимости (неприкосновенность) и запрет на вмешательство в деятельность.

2). Строгие ограничения. Судьям запрещены политика, бизнес, иностранное гражданство и счета в иностранных банках. Кодекс судейской этики регулирует также внеслужебное поведение и взаимодействие со СМИ.

3). Дифференциация участия граждан. Требования к присяжным минимальны для обеспечения «народного» характера суда. Арбитражные заседатели, напротив, должны иметь профильное образование и стаж для компетентного рассмотрения экономических споров.

4). Защищенность. На заседателей в период исполнения обязанностей распространяются гарантии неприкосновенности и независимости судей, а также сохранение гарантий по основному месту работы.

Проблемы правового регулирования:

1). Сложность формирования состава суда. Широкий перечень оснований для отводов создает процедурные риски (например, роспуск коллегии присяжных) и требует постоянного контроля конфликта интересов.

2). Кадровые сложности. Жесткие ограничения прав и тотальный контроль создают давление на судей, усложняя подбор кандидатов с безупречной репутацией.

3). Оценочные категории. Понятия «безупречная репутация» или «умаление авторитета» субъективны, что затрудняет их применение на практике.

Перспективы развития законодательства:

1). Совершенствование механизмов предотвращения конфликта интересов. Дальнейшее уточнение понятий «личная заинтересованность» и расширение перечня ситуаций, требующих самоотвода, а также усиление контроля за доходами и расходами судей и членов их семей.

2). Автоматизации процессов для исключения человеческого фактора и повышения доверия к случайности выборки.

3). Дальнейшее реформирование института народных представителей - расширение компетенции суда присяжных, уточнение критериев специализации для арбитражных заседателей, чтобы их участие было максимально эффективным в условиях усложнения экономических споров.

4). Развитие этических норм. Кодекс судейской этики может дополняться нормами, регулирующими поведение судей в цифровом пространстве и социальных сетях, так как требование «осмотрительности» и «сдержанности» становится все более актуальным в информационном обществе.

Литература

1. Шамардин А. А. Правоохранительные органы (Судоустройство): учебник для вузов / А. А. Шамардин. – ООО ИПК «Университет», 2021. – 275 с.

2. Закон «О судебной системе РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ – КонсультантПлюс. Официальный сайт.

3. «Кодекс судейской этики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/kodeks-sudeiskoi-etiki-utv-viii-vserossiiskim-sezdom/> – Судебные и нормативные акты РФ. Официальный сайт.

4. Закон «О статусе судей Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ – КонсультантПлюс. Официальный сайт.

5. Закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48943/ – КонсультантПлюс. Официальный сайт.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ – КонсультантПлюс. Официальный сайт.

7. Закон «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31856/ – КонсультантПлюс. Официальный сайт.

8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ – КонсультантПлюс. Официальный сайт.

Kafanova Olga Vladimirovna
*associate professor of the department
of constitutional law and historical
and legal disciplines Law Institute,
Luhansk State University of Vladimir Dahl
e-mail: marta.kaf@mail.ru*

Anna Ivanova
*Student, Group Yuiz-141
Law Institute
Vladimir Dahl Luhansk State University
iam.annacroft@gmail.com*

CONCEPT AND GENERAL CHARACTERISTICS OF THE LEGAL STATUS OF JUDGES. REQUIREMENTS FOR JUDGES

The article provides a comprehensive analysis of the legal status of entities administering justice in the Russian Federation: professional judges, jurors, and arbitration assessors. The author examines the legal and regulatory foundations of their activities, including provisions of the Constitution of the Russian Federation, federal constitutional laws, and the Code of Judicial Ethics. Special attention is given to the unified status of judges, the requirements for their professional conduct, restrictions and prohibitions related to judicial activities, as well as mechanisms for preventing conflicts of interest. Regarding civilian participation in justice, the article details the requirements for candidates for jurors and arbitration assessors, the procedures for their selection and involvement in proceedings, as well as state guarantees of their independence and material support. The study emphasizes the specifics of each category of participants and their role in ensuring the objectivity and impartiality of judicial proceedings.

Key words: legal status of judges; judicial system of the Russian Federation; judicial ethics; jurors; arbitration assessors; judicial independence; conflict of interest; administration of justice.

Literature:

1. Shamardin A.A. Pravoohranitel'nye organy (Sudoustrojstvo): uchebnik dlya vuzov / A.A. Shamardin. – OOO IPK «UniversiteT», 2021. – 275 s.
2. Zakon «O sudebnoj sisteme RF» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ – Konsul'tanTPljus. Oficial'nyj sajt.

3. «Кodeks sudejskoj ehtiki» [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/law/kodeks-sudeiskoi-etiki-utv-viii-vserossiiskim-sezdom/> – Sudebnye i normativnye akty RF. Oficial’nyj sajt.

4. Zakon «O statute sudej Rossijskoj Federacii» [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ – Konsul’tanTPlyus. Oficial’nyj sajt.

5. Zakon «O prisyazhnykh zasedatelyakh federal’nykh sudov obshchej yurisdicii v Rossijskoj Federacii» [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48943/ – Konsul’tanTPlyus. Oficial’nyj sajt.

6. Ugolovno-processual’nyj kodeks Rossijskoj Federacii [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ – Konsul’tanTPlyus. Oficial’nyj sajt.

7. Zakon «Ob arbitrazhnykh zasedatelyakh arbitrazhnykh sudov sub’ektov Rossijskoj Federacii» [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31856/ – Konsul’tanTPlyus. Oficial’nyj sajt.

8. Arbitrazhnyj processual’nyj kodeks Rossijskoj Federacii [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ – Konsul’tanTPlyus. Oficial’nyj sajt.

Комаров Владимир Анатольевич

*доцент, заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин Юридического института
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
vlankom@yandex.ru*

Алипова Дарья Александровна.

*студентка группы ЮИЗ-1у41м
Юридического института
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»*

ОТРАЖЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье излагаются взгляд на уголовное законодательство Российской Федерации наличие в нем заимствований из международного права юридических конструкций, которые влияют на качество уголовно-правового регулирования общественных отношений. Исследуется взаимовлияние международных норм и норм российского уголовного права, предлагается авторское понимание места и значения имплементации в уголовной политике Российской Федерации.

Ключевые слова: преступление, уголовное право, международное право, имплементация, правовое регулирование, уголовные детерминанты, конституционно - правовые гарантии, уголовная политика, гражданское общество, общественное мнение.

Можно вести речь о непосредственном копировании норм международного права путем заимствования и перенесения на почву национального права в полном объеме. Можно использовать в национальном законодательстве часть нормативного материала международного уголовного законодательства. Есть путь переноса на национальную правовую почву идеи, тенденций или «духа» международного права. К какому бы способу мы не прибегли, все это происходит в рамках имплементации, в самом общем виде - процесс воплощения норм международного права (в нашем случае) в законотворческой и правоприменительной деятельности в России. Следует отметить, что в России, до сегодняшнего дня, научный мир не выработал единого унифицированного подхода к пониманию сущности не только способов имплементации, но и понимания самого термина «имплементация». Поэтому мы вправе сами выбрать наиболее приемлемый нашему пониманию термина «имплементация».

Нам представляется наиболее точным отражением содержания упомянутого термина в смысле действия международно-правовых норм в национальном законодательстве[1, с. 142] через уголовное право России (хотя не только уголовное но и другие отрасли права). То есть это значит, что нормы международного права, через отраслевые нормативные веления, управляют процессом регулирования российскими внутригосударственными отношениями (в нашем случае - уголовно-правовыми). Возникающая, при этом, взаимосвязь правовых систем, отлично вписывается в межпредметное взаимодействие, как непосредственное, взаимообусловленное пересечение национального и международного права для качественного обеспечения достижения поставленных целей в период правового регулирования общественных отношений. В правотворчестве и правоприменении положения международного права служат своеобразным маяком, определяющим направления правового воздействия на общественные отношения, но реализовать их в национальном законодательстве можно только после соответствующей правотворческой деятельности[2, с. 127-133]. То есть, строго говоря, «имплементация» это приведение нормы национального законодательства в соответствие с международно-правовой нормой путем законотворческой деятельности. Что касается уголовного права, то среди способов имплементации ученые выделяют, в основном: трансформации, инкорпорации, отсылки[3, с.43]. В связи с тем, что в Российской системе права, норма международного акта, как правило, не имеет прямого действия, для ее легитимации в правовом поле России, применяется норма допускающая или прямо указывающая на ссылку к международному правовому акту. Например, Российский Уголовный кодекс содержит положение: «Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права»[4, ч.2 ст.1]. Или: «Иностранцы граждане и лица без гражданства, совершившие преступления вне пределов Российской Федерации и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Российской Федерации»[4, ч.2, ст.13]. При таком подходе, можем отнести международный акт к источникам уголовного права Российской Федерации[5, с. 92-99].

В процессе применения норм установленных российским законодательством и международными актами неизбежно возникнет вопрос о их приоритетности. Идеальный вариант это сочетаемость и взаимодополняемость имплементированных международных норм и норм российского уголовного законодательства. Такая согласованность возможна только при учете присутствия в имплементационном механизме как нормативной так и организаци-

онной составляющих [6, с. 136], особенностей российской уголовно-правовой системы.

Особняком стоит практика применения международных договорных обязательств относительно уголовно наказуемых деяний. Их особенность в том, что при применении правоприменитель, суд не могут ссылаться на эти положения, тем более принимать на их основе юридически значимые решения. Положения этих международных актов должны быть вплетены в конструкцию правовой нормы российского нормативно - правового акта, каким в уголовном праве является Уголовный кодекс, ибо решения, тем более, приговоры принимаются (выносятся) - именем Российской Федерации. О каких международных актах идет речь, прежде всего: Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г., Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г. и другие [7]. Имплементируя положения международных актов важно помнить, что международный акт устанавливающий уголовную ответственность на территории России, непосредственно применен быть не может [8, с.50]. Российский законодатель может признавать наказуемыми и такие преступные деяния, которые не названы в нем, либо существенно расширить круг признаков, образующих состав преступного деяния [9, с. 30-34].

При разработке действующей редакции уголовного кодекса у многих разработчиков велик был соблазн максимально насытить его готовыми зарубежными конструкциями из различных конвенций идя в фарватере мировых глобализационных процессов, создавая единую правовую культуру. Желание, возможно правильное, но практически не реализуемое. Транснациональные нормы наполнены противоречиями, следовательно отсутствует необходимая в этом случае универсальность, из - за излишней жесткости правовых требований их трудно, не то что объединить, но даже включить в различные национальные уголовно-правовые системы. Универсального уголовно-правового стандарта не существует и, наверное, не может быть в силу различий экономических, политических, социальных, культурных, ментальных и правовой культуры в целом, прежде всего участников уголовного процесса. С этих позиций правоприменители ставят под сомнение примат международного права над национальным [10, ст. 15]. Вместе с тем, например Раздел XXII уголовного кодекса РФ состоит из полностью имплементированных составов и правовых конструкций международных правовых актов. Существует опасность не критичного отношения к заимствованиям, особенно в части назначения и применения наказаний, что может привести к рассогласованности системы наказаний. Например, чрезмерное увлечение санкциями в виде штрафа, или, напротив, ареста (содержание под стражей), как результат заимствований

из зарубежного уголовного права, функционирующего на иной почве, требует тщательного критического отношения в части применения как меры наказания. Для таких случаев существует поговорка: семь раз отмерь, а один - отрежь.

Общественные отношения эволюционируют привнося новые особенности их развития и существования. Реакция государства на эволюционные, а иногда, революционные изменения, осуществляется по мере их возникновения. Правовая система, как способ воздействия на общественные отношения возникает не одномоментно, а в процессе длительного периода формирования институтов, что предопределяет изменения социальной среды. Эта система закономерностей находящаяся под влиянием различных научных школ, придает национальный колорит, характеризующийся местом занимаемым в общественной жизни. Это влияет на содержание национального права в целом и уголовного, в частности. Например, признаваемая, если не всеми, то большинством ученых, схожесть правовых систем стран СНГ, все же обнаруживает отличия и в такой, казалось бы консервативной уголовно-правовой категории элемента состава преступления как субъективная сторона [11, с. 17-19]. Однако, нельзя допускать имплементацию на неподготовленную основу, так сказать из необходимости следования «модным тенденциям» или необходимости «соответствовать статусу», потому, что правовое регулирование должно быть эффективным, избегать декларативности и соответствовать уровню развития государства и существующей правовой системе.

Взаимовлияние международного уголовного права и национального проявляется и в появлении в правовом обороте терминологических форм. Иногда это приводит к изменению смысловой трактовки общепринятых терминов, вводит новое понимание, существовавших терминологических понятий. В этом контексте, происходит межотраслевое взаимодействие уголовного права с иными отраслями права, путем заимствования терминов используемых другими юридическими, порой даже не юридическими, дисциплинами. Все это имеет производный характер, но используя термины иной отраслевой принадлежности, уголовное право должно учитывать изменения происходящее в иных, возможно, неюридических отраслях. Иностранная терминология, в процессе перенесения на русскоязычную почву, может претерпевать «русификацию» и приобретать иные смысловые характеристики. Например в УК РФ встречаются: плагиат ст. 146, лицензия ст. 169, педофилия ст. 97, антидемпинговые пошлины ст. 194, картель ст 178, и другие. Все они не употребляются самостоятельно, а только с термином пояснением русскоязычного происхождения. Так, в действующем Уголовном кодексе имеется глава «Преступления в сфере экономической деятельности» полностью построена на терминологии свойственной экономическим наукам, ибо предмет правовой охраны уголовного

законодательства определяется регулятивными функциями наук из сферы экономики и с ней связанными. Сегодня, часто употребляется термин «иноагент»[12, с.22], пришедший в наше законодательство из правового поля США (Foreign Agents Registration Act, FARA), и в самих Соединенных Штатах Америки неоднократно изменявший смысл, а в нашем правовом поле используется в статье 330.1 УК РФ. Не менее актуальна проблема правового регулирования в сфере предотвращения экологической и компьютерной преступности, а также противодействия терроризму. В этой сфере уголовно-правового регулирования российский законодатель отстает от зарубежного, т.к. представляет сложности в определении сферы нуждающейся в уголовно-правовой защите, и самом инструментарии защиты, хотя международные стандарты существуют. Международное право достаточно много внимания уделяет противодействию коррупционным преступлениям. Существует термин «международные антикоррупционные стандарты» подразумевающий императивные предписания которые рекомендуется выполнять на национальном уровне[13, с. 234]. Эти стандарты дают общее понимание юрисдикции, криминализации и пенализации, определения иных понятий характеризующих ситуацию с коррупцией. Уголовное законодательство Российской Федерации включает практически все международные антикоррупционные стандарты. Законодательный орган принял основополагающий закон «О борьбе с коррупцией», кроме того существует достаточно иных нормативно - правовых документов различного уровня направленных на борьбу с этим криминогенным явлением (Указы Президента РФ; Постановления Правительства РФ, субъектов федерации, межведомственные комплексные планы, акты судебных органов ППВС РФ и другие).

Универсальный характер имеют преступления против мира и человечности. Женевские конвенции, Уставы судов *ad hoc*, Римский статут предусматривают понятие военного преступления иные серьезные нарушения законов или обычаев, применимых в вооруженных конфликтах как международного, так и внутригосударственного характера. Перечни военных преступлений могут дополняться различными источниками, более того, они могут устанавливаться национальным правом, но при этом не все они будут считаться международными. Россия не идет по пути полной криминализации возможных составов правонарушений предусмотренных международным правом[14, с.132-143]. Расхождение в подходах к определению оконченного преступления российского законодателя и законодателей многих зарубежных стран в том, что по общему правилу наказуемо не только покушение, но и приготовление к тяжкому либо особо тяжкому преступлению, с чем согласны далеко не все зарубежные коллеги не усматривающие в принципе возможности уголовно-правовой наказуемости[15, с. 28-39]. Это определяет особенность приме-

нения правовых положений международных актов в Российской Федерации и других государствах мира.

Исследованная проблема имплементации международных уголовно-правовых норм в национальное законодательство Российской Федерации не является простой в ее реализации. Происходящие события в мире накладывают отпечаток, а зачастую прямо влияют на возникновение непреодолимых проблем на пути взаимодействия стран мира в совместном противостоянии преступности на международном уровне. В международных отношениях распространяется юридическая аномия, не позволяющая сформулировать общее отношение к ценностям, т.к. их охрана настолько важна и актуальна, что не должна осуществляться усмотрением только одного государства. Примером может послужить положение сложившееся вокруг решений Международного уголовного суда, в части необязательности его исполнения рядом стран. Это принижает значимость международных органов в странах которые следуют международному праву. Такая ситуация наглядно говорит о том, что возникновение отношений по взаимопроникновению национального и международного уголовного права носит объективно обусловленный характер и любые попытки навязывать свою волю по искусственному сближению норм российского уголовного законодательства с международным окажутся нереализуемыми.

Литература

1. Черниченко С.В. Международное право: современные теоретические проблемы. М. : Международные отношения, 1993. -295 с.
2. Авдеев Р.В. Имплементация норм международного права в уголовное право России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 7 (135). - С. 127–133.
3. Кузнецова Н. Ф. О законодательной технике в уголовном праве // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2004. № 4. - С. 41-53.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС Консультант Плюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.11.2025)
5. Сунцов А.Е., Трунцевский Ю.В. Теоретические проблемы имплементации норм международного уголовного права в России // Московский журнал международного права. 1997. № 2. - С. 92–99.
6. Субботина Е.Н. Имплементация норм международного уголовного права в уголовное законодательство зарубежных стран и России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2013. - 248 с.
7. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Феде-

рации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003 г. № 12, декабрь.

8. Капинус О. С. Актуальные проблемы уголовного права. М. : Проспект, 2017. - 488 с.

9. Мельниченко А. Б. Вопросы имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство // Философия права. 2008. № 3 (28). - С. 30–34.

10. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.10.2022) [Электронный ресурс] // Законодательство. - Режим доступа: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/>

11. Демин И. Н. Сравнительный анализ уголовно-правовой конструкции «субъективная сторона» в странах СНГ // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2017. № 10-1. - С. 17–19.

12. Зубов Н. Откуда взялись «иностранные агенты» // Коммерсантъ Власть. 2012. № 27.

13. Правовые основы противодействия коррупции: международные и национальные стандарты и инициативы : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1 / под ред. Т. Я. Хабриевой, Р. А. Курбанова. М. : Инфра-М, 2021. - 522 с.

14. Степанов П. П. К вопросу о понятии военных преступлений в международном уголовном праве и национальном законодательстве // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2016. № 6. -С. 132-143.

15. Григорьев О. В. Артикул воинский и «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» как основа отправления правосудия в русской армии в XVIII в. // Историческая и социально - образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 1. - С. 28-39.

Komarov Vladimir Anatolievich
associate professor, zaveduyushhij kafedroj
ugolovno-pravovy Fgbou VO Luganskij
gosudarstvenny j universitet imeni Vladimir Daly
lankom @yandex.ru

REPRESENTATION OF INTERNATIONAL LAW NORMS IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article presents a view on the criminal legislation of the Russian Federation, the presence of legal constructs borrowed from international law in it, which affect the quality of criminal law regulation of social relations. The article explores the mutual influence of international norms and norms of Russian criminal law, and

offers an author's understanding of the place and significance of implementation in the criminal policy of the Russian Federation.

Keywords: crime, criminal law, international law, implementation, legal regulation, criminal determinants, constitutional and legal guarantees, criminal policy, civil society, and public opinion.

Literatura

1. Chernichenko S.V. *Mezhdunarodnoe pravo: sovremennyye teoreticheskie problemy*. M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1993. -295 s.

2. Avdeev R.V. Implementatsiya norm mezhdunarodnogo prava v ugovolnoe pravo Rossii // *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2014. № 7 (135). - S. 127–133.

3. Kuznecova N.F. O zakonodatel'noj tekhnike v ugovolnom prave // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 11, Pravo. 2004. № 4. - S. 41-53.

4. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii // SPS Konsul'tant Plyus: ofic. sajt. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya: 25.11.2025)

5. Suncov A.E., Truncevskij Yu.V. Teoreticheskie problemy implementacii norm mezhdunarodnogo ugovolnogo prava v Rossii // *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 1997. № 2. - S. 92–99.

6. Subbotina E.N. Implementatsiya norm mezhdunarodnogo ugovolnogo prava v ugovolnoe zakonodatel'stvo zarubezhnykh stran i Rossii : dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.08. M., 2013. - 248 s.

7. O primenenii sudami obshchej yurisdikcii obshchepriznannykh principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh dogovorov Rossijskoj Federacii : postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 10 oktyabrya 2003 g. № 5 // *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii*. 2003 g. № 12, dekabr'.

8. Kapinus O.S. *Aktual'nye problemy ugovolnogo prava*. M. : Prospekt, 2017. - 488 s.

9. Mel'nichenko A. B. Voprosy implementacii norm mezhdunarodnogo ugovolnogo prava v nacional'noe zakonodatel'stvo // *Filosofiya prava*. 2008. № 3 (28). - S. 30–34.

10. Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12.12.1993 (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 04.10.2022) [Elektronnyj resurs] // *Zakonodatel'stvo*. - Rezhim dostupa: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/>

11. Demin I.N. Sravnitel'nyj analiz ugovolno-pravovoj konstrukcii «sub"ektivnaya storona» v stranakh SNG // *Vestnik obrazovatel'nogo konsorciuma Srednerusskij universitet*. Seriya: Yurisprudenciya. 2017. № 10-1. - S. 17–19.

12. Zubov N. Otkuda vzyalis' «inostrannye agenty» // *Kommersant* & "Vlast". 2012. № 27.

13. Pravovye osnovy protivodejstviya korrupcii: mezhdunarodnye i nacional'nye standarty i iniciativy : ucheb. posobie : v 2 t. T. 1 / pod red. T. Ya. Khabrievoj, R. A. Kurbanova. M. : Infra-M, 2021. - 522 c.

14. Stepanov P. P. K voprosu o ponyatii voennykh prestuplenij v mezhdunarodnom ugolovnom prave i nacional'nom zakonodatel'stve // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. 2016. № 6. -S. 132-143.

15. Grigor'ev O. V. Artikel voinskij i «Kratkoe izobrazhenie processov i sudebnykh tyazheB» kak osnova otpravleniya pravosudiya v russoj armii v XVIII v. // Istoricheskaya i social'no - obrazovatel'naya mysl'. 2018. T. 10, № 1. - S. 28-39.

Кравцов Антон Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой административного и интеллектуального права

Юридического института
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: kravtsov-anton@rambler.ru

Стрекалов Андрей Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института

ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: strekalov.andrey1@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ОБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНО- ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

В научной статье рассматриваются теоретико-правовые вопросы административно-правовой защиты информационных прав и свобод человека. На основе анализа научной литературы и положений отечественного законодательства рассматриваются вопросы понятия прав и свобод человека и гражданина, их охраны и защиты, анализируются формы защиты прав и свобод граждан на основе положений отечественного законодательства, делается вывод об актуальности совершенствования механизмов административно-правовой защиты прав человека и гражданина на современном этапе цифровизации. Акцентируется, что в настоящее время есть все основания рассматривать информационные права человека и гражданина как особую группу прав личности. Особое внимание уделяется развитию административно-правовых механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях информационного общества.

Делается вывод, что необходимо активизировать процесс разработки законодательства, регулирующего административно-правовую защиту информационных прав человека, а также усилить техническую составляющую, независимый надзор и судебную защиту в случаях их нарушения.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, информационное общество, цифровизация, информационные права и свободы человека и гражданина, охрана и защита прав и свобод человека и гражданина, административно-правовая защита прав и свобод человека и гражданина.

Обращение к проблеме защиты информационных прав и свобод человека вызвано естественным стремлением к пониманию последних как фундаментальных прав, гарантирующих гражданину реальное участие в жизни государства и общества. Именно информационные права и свободы обеспечивают оптимальные формы и способы отношений между человеком и государством, являясь неизбежным и неотъемлемым спутником демократии. Эти отношения объективируются в создании и функционировании административно-правового механизма защиты информационных прав и свобод человека и гражданина, что подтверждает особую значимость изучения данной проблемы.

Преобразование общества в гражданское с приоритетом прав и свобод человека приводит к тому, что сегодня мы все больше внимания уделяем именно человеку. И не случайно в ст. 2 Конституции Российской Федерации (далее – РФ) 1993 года указано, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Кроме этого, в ст. 29 Конституции Российской Федерации указано, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом [1].

Напомним, что проблемы защиты прав и свобод человека и гражданина имеют очень давнюю историю, а их решение всегда находилось в центре внимания властных структур независимо от формы государственного устройства. При этом ученые подчеркивают, что права человека являются одной из высших культурных ценностей, поскольку они ставят личность в центр всех процессов общественного развития, определяют его свободу и равноправие. В идее прав человека осуществилась кристаллизация исторического богатства гуманитарного мышления – политического, правового, нравственного, религиозного, социокультурного [2]. В процессе развития государств, признания необходимости закрепления и охраны существующих общественных отношений с помощью права, возникла еще одна возможность оценивания состояния защиты прав человека на основании анализа законодательства этих государств.

На современном этапе происходит активное закрепление в положениях действующего законодательства правовых механизмов, направленных на охрану и защиту прав человека и гражданина. Существенный вклад в дело обеспечения надлежащей защиты прав человека вносят ученые в различных областях знаний.

Первоочередного внимания заслуживают взгляды современных ученых на содержание понятия «права и свободы человека и гражданина», в том числе на «правах» и «свободах» как объекте административно-правовой защиты. Как отмечают исследователи, и право, и свобода – гарантированная законом мера возможного поведения лица или группы лиц. Разница только в том, что права предполагают регламентацию свободы и порядка их существования, а свободы

предполагают, что человек сам выбирает пути, способы и средства ее реализации. При этом порядок и объем реализации прав в большинстве случаев регламентируются, а свобода же чаще всего рассматривается как область человеческого поведения, в которую государство не вмешивается. В общесоциальном смысле свобода – состояние человека, характеризующееся его возможностью действовать по собственному усмотрению. В этом значении – это право в естественном состоянии, не ограниченное и не стесненное формально-юридическими условиями, т.е. не выраженное в тексте юридического документа (не переведенное на язык права) [3, с. 298].

Раскрывая содержание понятия «административно-правовая защита», ученые предлагают учитывать соотношение терминов «защита» и «охрана». Несмотря на то, что они часто используются одновременно либо в качестве синонимов, их содержание различно. Приведем две распространенные точки зрения по поводу различий между указанными категориями, а именно:

– «защита права» отличается от «охраны права» спецификой субъекта, ее осуществляющего, так как защита выступает основной функцией государства;

– «охрана» имеет место при правомерном поведении и не связана с вмешательством социальных институтов, в то время как «защита» связана с вмешательством социальных институтов, ведь при нарушении права должно иметь место восстановление нарушенного права.

Поэтому, в юридической науке получила достаточную поддержку позиция, согласно которой «охрана» есть установление общего правового режима, а «защита» осуществляется лишь в случаях нарушения права. Отсюда, под «правовой охраной прав» возможно понимать закрепление в нормативных правовых актах положений, охраняющих права граждан, а под «правовой защитой прав» – правозащитную деятельность, направленную на восстановление нарушенного права и предотвращение угрозы его дальнейшего нарушения [4, с. 9-10]. В данном контексте следует также подчеркнуть важный признак понятия «защита», заключающийся в активном характере защиты, обязательности совершения определенных правозащитных действий.

В целом, по мнению современных ученых, для реального обеспечения прав человека необходим государственно-правовой механизм их защиты, представляющий собой систему правовых норм, структуру государственных органов, разнообразные политические, социальные, экономические и другие факторы, формы и методы, способы осуществления правовых норм [5].

Одним из важных прав, которое является и гарантией обеспечения реализации других прав и свобод граждан, является право на информацию. Оно достаточно широкое по содержанию и весьма важное по значению.

Право на информацию представляет собой предусмотренную законом возможность лица искать, получать, передавать, производить и распространять определенные сведения, которые представляют для нее интерес. Эти сведения могут иметь различный характер и быть, например: информацией о правах, свободах и обязанностях граждан, механизме их реализации; информацией о различных положениях действующего законодательства; информацией о состоянии окружающей среды; информацией о деятельности органов исполнительной власти и другие.

Содержание права на информацию, как правило, раскрывается через совокупность следующих элементов: а) право на доступ к документам, информационным ресурсам, информационным системам; б) право запрашивать информацию; в) право получать информацию; г) право фиксировать информацию с помощью технических средств; д) право воспроизводить информацию; е) право на доведение информации до определенных субъектов через ее опубликование, а также передачи ее по сети данных, средств массовой информации в режиме регулярных сообщений; ж) право получать консультационную помощь по вопросам доступа к информации и тому подобное [6, с. 104-105].

Убеждены, что право на информацию имеет основополагающий характер, поскольку оно, во-первых, является важнейшим условием функционирования правового государства и, во-вторых, выступает связующим звеном всей системы фундаментальных прав и свобод, ведь образует атмосферу фактической реализации личных, политических, социальных, экономических прав.

Вышеуказанная мысль является абсолютно справедливой и подтверждается признанием значимости права на информацию в важнейших международно-правовых документах, устанавливающих общепризнанные стандарты, нормы и принципы. В частности, во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. провозглашено основное информационное право человека – право свободно искать, получать и распространять информацию любыми средствами и независимо от государственных границ (ст. 19). Статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. напоминает, что процесс реализации права на информацию должен быть ответственным, то есть основанным на уважении прав других лиц и интересов общества и государства. Данное положение развивается и в статье 10 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г. В то же время, в Рекомендации Совета Европы «О защите данных и свободе информации» (Recommendation 1037) закреплено, что информационные права, закрепленные в Конвенции должны трактоваться предельно широко, учитывая свободу поиска информации и обязанность власти обеспечивать доступность информации общественного значения (с учетом соответствующих ограничений) [7].

Таким образом, право граждан на информацию стало универсальным ориентиром и отправной точкой для разработки национальных нормативно-правовых актов в области прав человека. Последние решения международных организаций подчеркнули обязанность государства создавать надлежащие условия для полной реализации этого права. Поэтому в зарубежных странах уже приняты необходимые нормативные правовые акты, обеспечивающие свободный доступ к официальным документам и информации, создаваемых государственными органами в различных сферах и на всех властных уровнях [8].

Важным для понимания содержания и природы права на информацию служат прецеденты международных судов, среди наиболее значимых можно отметить следующие важные решения:

- *Handyside v. UK*: защита распространяется и на информацию, «оскорбляющую, шокирующую или тревожащую»;

- *Sunday Times v. UK*, *Lingens v. Austria*: приоритет свободы политической дискуссии, высокий стандарт защиты критики в отношении публичных деятелей;

- *Magyar Helsinki Bizottsag v. Hungary* (GC, 2016): в определенных ситуациях из ст. 10 вытекает «право доступа к информации» у публичных органов, особенно для «публичных надзирателей» (НКО, журналистов);

- *Delfi AS v. Estonia* (GC, 2015): ограниченная ответственность площадок за пользовательские комментарии возможна при соблюдении гарантий и с учетом контекста;

- *Ahmet Yaldaram v. Turkey*: блокировка целых платформ несоразмерна, если не ориентирована на конкретный контент;

- *CJEU, Google Spain* (2014): «право на делистинг» в поиске как инструмент защиты персональных данных (баланс с интересом общества в доступе к информации) [9].

На отраслевом уровне права и свободы человека и гражданина на информацию регулируются следующими нормативными правовыми актами:

- Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: легальные дефиниции информации, статусы обладателя информации и оператора, режимы общей доступности и ограниченного доступа; механизмы ограничения доступа к противоправной информации; обязанности владельцев площадок и хостинг-провайдеров; нормы об удалении или ограничении доступа к информации по решениям суда и уполномоченных органов;

- Федеральным законом от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»: гарантии активной (проактивной) публикации и предоставления

информации по запросам, перечни размещаемых сведений, сроки и основания отказа; механизмы судебной защиты;

- Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»: принципы обработки (законность, минимизация, целеполагание, точность), правовой режим согласия, права субъектов (доступ, исправление, блокирование, удаление), обязанности операторов, трансграничная передача данных, роль уполномоченного органа;

- Законом РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»: свобода массовой информации, недопустимость цензуры, ответственность за злоупотребление свободой, защита источников информации; специальные гарантии для журналистов;

- Законом РФ от 21.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»: охрана ограниченного круга сведений в целях безопасности; процедурные требования к засекречиванию и рассекречиванию и др.

Содержание субъективного права на информацию:

1. Правомочия индивида: искать и получать информацию (включая доступ к информации публичных органов и к среде коммуникаций); хранить и использовать (fair use, цитирование, исследовательские цели, если иное не запрещено); распространять (включая цифровые платформы); защищать личные данные (контроль и информированное согласие); обжаловать ограничения и отказы; участвовать в управлении информационной инфраструктурой (публичные консультации, аудит алгоритмов).

2. Позитивные обязанности государства: обеспечивать правовую и технологическую инфраструктуру доступа (интернет связь, универсальные сервисы, доступность для лиц с инвалидностью); развивать институт открытых данных и архивов; обучать цифровой грамотности и медиа-грамотности; обеспечивать независимость регуляторов и судов; создавать эффективные, быстрые и независимые процедуры обжалования блокировок/удалений контента; соблюдать принцип технологической нейтральности и прозрачности при регулировании платформ [10].

С учетом изложенных теоретико-правовых материалов перейдем к рассмотрению положений отечественного законодательства, направленных на формирование механизмов административно-правовой защиты информационных прав и свобод человека и гражданина.

Представляется правильным начать данный анализ с рассмотрения положений Основного Закона. Так, согласно Конституции, РФ есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, а человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Поэтому призна-

ние, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Таким образом, по сути, речь идет о закреплении в законодательстве принципа приоритета прав и свобод человека. Ведь внутренняя и внешняя деятельность современного государства всегда неразрывно связана с правами человека. Они являются приоритетом, согласно которому должны осуществляться все политические преобразования, программы и акции. Право и его важнейшая составляющая – права человека и гражданина – призваны определять границы свободы индивида в обществе и государстве.

Принцип приоритета прав человека по отношению к государству, ограничения всевластия государства правами человека – общечеловеческая ценность, которая сформировалась в процессе борьбы за свободу и характерна для всех цивилизованных государств. Кроме того, приоритет прав человека над государством, политической властью – важный принцип современной правовой культуры [11, с. 79].

Однако, Основной закон РФ не содержит в своем тексте терминов «информационное общество», «информационная сфера», «Интернет», «электронное (открытое) Правительство» и т.д. Кроме того, Конституцию РФ в перспективе следует дополнить нормой о том, что каждому гарантируется доступ к сети Интернет. Это целесообразно в связи с тем, что уже в настоящий момент указанная сеть представляет собой огромное хранилище самой разнообразной информации, в том числе о результатах самых разнообразных научных исследований.

Безусловно, решение основных задач по обеспечению надлежащей защиты прав и свобод человека возложено на исполнительные органы государственной власти. Это подтверждают и положения федерального законодательства РФ. Например, обратимся к нормам Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» [12]. Так, Правительство РФ:

- является постоянно действующим высшим исполнительным органом государственной власти ЛНР, осуществляет исполнительную власть в ЛНР, возглавляет единую систему исполнительной власти в ЛНР

- обеспечивает проведение в РФ единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды (ст. 1);

- в своей деятельности руководствуется принципами верховенства Конституции РФ, федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также принципами народовластия, ответственности, гласности, обеспечения

прав и свобод человека и гражданина, единства системы публичной власти (ст. 3);

- участвует в выработке и реализации государственной политики в области обеспечения безопасности личности, общества и государства; осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод человека и гражданина, по охране собственности и общественного порядка, по борьбе с преступностью и другими общественно опасными явлениями; осуществляет меры по обеспечению безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных и др. (ст. 23).

Одним из наиболее активных субъектов административно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина являются органы внутренних дел, и, в первую очередь, полиция. Это подтверждают и положения законодательства. Так, в соответствии с Федеральным законом «О полиции» [13], полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности (ст. 1).

Первым из основных направлений деятельности полиции названа защита личности, общества, государства от противоправных посягательств (ст. 2). Кроме того, в число принципов, на которых основывается деятельность полиции, включен принцип соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина.

Так, деятельность полиции, ограничивающая права и свободы граждан, немедленно прекращается, если достигнута законная цель или выяснилось, что эта цель не может или не должна достигаться путем ограничения прав и свобод граждан. Сотруднику полиции запрещается прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Полученные в результате деятельности полиции сведения о частной жизни гражданина не могут предоставляться кому бы то ни было без добровольного согласия гражданина, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом. Полиция обеспечивает каждому гражданину возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не установлено федеральным законом (ст. 5).

Эффективным нормативным правовым актом РФ, положения которого являются важной составляющей механизма административно-правовой защиты прав человека и гражданина, следует признать Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [14]. Так, задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпи-

демонологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений (ст. 1.2). Кроме этого, в Особенную часть КоАП РФ (раздел II) включена глава 5 «Административные правонарушения, посягающие на права граждан», содержащая 71 статью.

Одновременно отметим, что в деле защиты прав и свобод человека важную роль играют нормы, закрепляющие правовые механизмы гарантий и реализации этих прав и свобод. На наш взгляд, учитывая тесную взаимосвязь прав человека с законностью деятельности исполнительных органов государственной власти, в указанных вопросах следует говорить об основных способах обеспечения законности – контроле, надзоре, обращениях граждан.

Так, по мнению современных ученых, в качестве одного из механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина следует признать контроль, осуществляемый вышестоящими органами исполнительной власти в отношении нижестоящих или же вышестоящим должностным лицом в отношении подчиненных ему должностных лиц или государственных служащих. Этот контроль носит, как правило, текущий характер и проводится путем систематических, периодических либо разовых проверок, а правозащитную направленность этой контрольной деятельности придают законодательно закрепленные принцип и обязанность государственных служащих обеспечивать реализацию прав и свобод человека и гражданина, о которых мы говорили выше. Основными приемами и средствами такого контроля являются: а) проверка, т.е. установление фактических данных, характеризующих выполнение требований правовых норм, целесообразность административных актов и действий, правомерность или этичность поведения государственных служащих; б) получение отчетов и информации; в) разрешение конфликтов между нижестоящими органами и должностными лицами [15].

В настоящее время важное значение имеет надзор органов прокуратуры за обеспечением защиты прав и свобод человека и гражданина. Поэтому следует отметить значимость Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [16], общими положениями которого закреплено, что прокуратура РФ – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции.

Так, в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура РФ осуществляет, например, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций.

Глава 2 рассматриваемого Федерального закона закрепляет положения, устанавливающие надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Так, при осуществлении возложенных на него функций прокурор: рассматривает и проверяет заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина; разъясняет пострадавшим порядок защиты их прав и свобод; принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба и др.

В случаях, когда нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер административного правонарушения, прокурор возбуждает производство об административном правонарушении или незамедлительно передает сообщение о правонарушении и материалы проверки в орган или должностному лицу, которые полномочны рассматривать дела об административных правонарушениях.

В случае нарушения прав и свобод человека и гражданина, защищаемых в порядке гражданского и административного судопроизводства, когда пострадавший по состоянию здоровья, возрасту или иным причинам не может лично отстаивать в суде или арбитражном суде свои права и свободы или когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение, прокурор предъявляет и поддерживает в суде или арбитражном суде иск в интересах пострадавших (ст. 27).

Прокурор или его заместитель приносит протест на акт, нарушающий права человека и гражданина, в орган или должностному лицу, которые издали этот акт, либо обращается в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством РФ. Представление об устранении нарушений прав и свобод человека и гражданина вносится прокурором или его заместителем в орган или

должностному лицу, которые полномочны устранить допущенное нарушение (ст. 28).

В деле административно-правовой защиты прав человека имеет широкую практику такая форма защиты как обжалование незаконных решений и действий органов публичной власти и их должностных лиц. При этом реализация прав граждан на обжалование может осуществляться как в судебном, так и в административном порядке.

Законодательные основы административного порядка обжалования незаконных действий представителей власти устанавливают положения Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [17]. Закон закрепил три вида обращений граждан – предложение, заявление и жалоба. При этом предусмотрено направление обращений в письменной форме или в форме электронного документа, однако разрешено и устное обращение гражданина в орган власти. Важно отметить, что каждый вид обращения в той или иной мере связан с обеспечением прав и свобод граждан. Например, предложение может иметь целью совершенствование законов, деятельности органов публичной власти; заявление – содержать просьбу гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод, информацию о нарушении законов органами власти (должностными лицами); жалоба – заключается в просьбе гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов.

Следует сказать, что законодатель предусмотрел гарантии безопасности гражданина в связи с его обращением. Так, согласно ч. 1 ст. 6 закона запрещается преследование гражданина в связи с его обращением в государственный орган, орган местного самоуправления или к должностному лицу с критикой деятельности указанных органов или должностного лица либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц.

Значительная часть прав и свобод человека и гражданина в сфере публичного управления реализуется путем предоставления гражданам административных услуг, в том числе, с помощью информационных технологий. Так, в соответствии с Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [18], государственная услуга – деятельность по реализации функций соответственно федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа субъекта РФ, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов РФ, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми

актами РФ и нормативными правовыми актами субъектов РФ полномочий органов, предоставляющих государственные услуги.

Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг – организация, созданная в организационно-правовой форме государственного или муниципального учреждения (в том числе являющаяся автономным учреждением), отвечающая требованиям, установленным Федеральным законом, и уполномоченная на организацию предоставления государственных и муниципальных услуг, в том числе в электронной форме, по принципу «одного окна».

Предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме – предоставление государственных и муниципальных услуг с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая использование единого портала государственных и муниципальных услуг и (или) региональных порталов государственных и муниципальных услуг, в том числе осуществление в рамках такого предоставления электронного взаимодействия между государственными органами, органами местного самоуправления, организациями и заявителями.

Портал государственных и муниципальных услуг – государственная информационная система, обеспечивающая предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме, а также доступ заявителей к сведениям о государственных и муниципальных услугах, предназначенным для распространения с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и размещенным в государственных и муниципальных информационных системах, обеспечивающих ведение реестров государственных и муниципальных услуг.

Одной из перспективных форм административно-правовой защиты прав и свобод граждан является судебный порядок обжалования незаконных действий органов публичной власти, который получил свою детальную регламентацию благодаря принятию в 2015 году Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [19]. При этом выделение судебного порядка обжалования (с формальной точки зрения) не отрицает административно-правовой природы данного обжалования. Об этом свидетельствует предмет регулирования данного нормативного правового акта. Так, в ч. 1 ст. 1 этого акта закреплено, что Кодекс регулирует порядок осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении Верховным Судом РФ, судами общей юрисдикции, мировыми судьями административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений

и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий.

Задачами административного судопроизводства являются: обеспечение доступности правосудия в сфере административных и иных публичных правоотношений; защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений; правильное и своевременное рассмотрение и разрешение административных дел; укрепление законности и предупреждение нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений. мирное урегулирование споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений.

Резюмируя, можно сделать такие выводы:

- права и свободы человека и гражданина входят в число главных объектов административно-правовой защиты со стороны государства;

- в РФ проводится активная нормотворческая работа по созданию правовых основ для использования различных механизмов административно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина;

- информационные права являются неотъемлемой частью фундаментальных прав человека и гарантируют реальное участие граждан в жизни государства и общества. Они создают оптимальные формы отношений между гражданами и государством, служат связующим звеном для всех других прав и свобод;

- административно-правовая защита информационных прав и свобод человека и гражданина в России представляется многогранной задачей, требующей синергии конституционных принципов, международных стандартов и современных законодательных инструментов. Эффективное их обеспечение зависит от активного участия государственных органов, развития цифровой инфраструктуры и постоянного мониторинга соблюдения прав граждан;

- научно-исследовательская работа должна продолжаться в направлении оценки практического применения административно-правовых механизмов защиты информационных прав и разработки рекомендаций по их совершенствованию.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 27.03.2025).

2. Права человека: учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 512 с. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1818483> (дата обращения: 27.03.2025).

3. Ковалев А. А. Международная защита прав человека: учебное пособие / А. А. Ковалев. – М.: Статут, 2013. – 591 с.

4. Афанасьев К. К. Права и свободы граждан ЛНР как объект административно-правовой защиты / К. К. Афанасьев // Проблемы права: теория и практика: Сборник научных трудов № 53. – Луганск: ЛГУ им. В. Даля, 2021. – С. 8-19.

5. Рукавишникова Т. А. Права человека: современные аспекты содержания / Т. А. Рукавишникова // Правопорядок: история, теория, практика. – № 2 (5). – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-sovremennyye-aspekty-soderzhaniya> (дата обращения: 28.03.2025).

6. Киреева Е. Ю. Реализация права на доступ к информации с учетом особенностей режима информации в РФ / Е. Ю. Киреева, А. А. Величина // Молодой ученый. – 2017. – №45. – С. 104-107.

7. Международные акты о правах человека: сборник документов / Комиссия по правам человека при Президенте РФ, Ин-т государства и права РАН / Сост. и авт. вступ. ст. В. А. Карташкин и Е. А. Лукашева. – М.: Норма-ИНФРА, 2008. – 753 с.

8. Кравцов А. С. Административно-правовое обеспечение информационных прав человека и гражданина / А. С. Кравцов // Образование и право: научно-правовой журнал. – № 4. – 2018. – С. 93-98.

9. Информационно-правовая система Европейского Суда (European Court of Human Rights). – URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 27.08.2025).

10. Шепель В. В. Понятие, содержание и сущность прав и свобод человека и гражданина на информацию / В. В. Шепель // Государственная служба и кадры. – 2025. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-soderzhanie-i-suschnost-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-na-informatsiyu> (дата обращения: 20.12.2025).

11. Административное право: Общая часть: учебник / К. К. Афанасьев, А. С. Кравцов и др.; ГОУ ВПО ЛНР «ЛНУ им. В. Даля». – Луганск: Изд-во ГОУ ВПО ЛНР «ЛНУ им. В. Даля», 2020. – 516 с.

12. О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 г. № 4-ФКЗ (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950 (дата обращения: 20.12.2025).

13. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения: 20.12.2025).

15. Доронина О.Н. Административно-правовые механизмы обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в России и государствах Центральной и Восточной Европы / О.Н. Доронина // Социология власти. – № 5. – 2011. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-mehanizmy-obespecheniya-i-zaschity-prav-i-svobod-cheloveka-v-rossii> (дата обращения: 20.12.2025).

16. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262 (дата обращения: 20.12.2025).

17. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

18. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ (последняя редакция). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023 (дата обращения: 20.12.2025).

19. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

Kravtsov Anton Sergeevich

*candidate of legal sciences, associate professor,
head of the department administrative and intellectual law*

*Law Institute FSBEI HE «Lugansk State
Vladimir Dahl University»*

e-mail: kravtsov-anton@rambler.ru

Strekalov Andrey Evgenievich

*candidate of legal sciences, associate professor,
associate professor of the department of criminal law disciplines*

*Law Institute FSBEI HE «Lugansk State
Vladimir Dahl University»*

e-mail: strekalov.andrey1@mail.ru

INFORMATION RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMANS AND CITIZENSHIP AS AN OBJECT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION

This scientific article examines the theoretical and legal aspects of administrative and legal protection of human information rights and freedoms. Based on an analysis of scientific literature and provisions of domestic legislation, the article examines the concept of human and civil rights and freedoms, their protection, and examines the forms of protection of citizens' rights and freedoms based on provisions of domestic legislation. It concludes that it is crucial to improve the mechanisms for administrative and legal protection of human and civil rights in the current stage of digitalization. It emphasizes that there is currently every reason to consider human and civil information rights as a distinct group of individual rights. Particular attention is paid to the development of administrative and legal mechanisms for protecting human and civil rights and freedoms in the information society.

It is concluded that it is necessary to intensify the development of legislation regulating administrative and legal protection of human information rights, as well as strengthen technical support, independent oversight, and judicial protection in cases of their violation.

Key words: human and civil rights and freedoms, information society, digitalization, information rights and freedoms of man and citizen, protection and defense of human and civil rights and freedoms, administrative and legal protection of human and civil rights and freedoms.

Literatura

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g.). – URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (data obrashcheniya: 27.03.2025).

2. Prava cheloveka: uchebnik / otv. red. Ye.A. Lukasheva. – 3-ye izd., pererab. – M.: Norma: INFRA-M, 2022. – 512 s. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1818483> (data obrashcheniya: 27.03.2025).

3. Kovalev A.A. Mezhdunarodnaya zashchita prav cheloveka: uchebnoye posobiye / A.A. Kovalev. – M.: Statut, 2013. – 591 s.

4. Afanas'yev K.K. Prava i svobody grazhdan LNR kak ob'yekt administrativno-pravovoy zashchity / K. K. Afanas'yev // Problemy prava: teoriya i praktika: Sbornik nauchnykh trudov № 53. – Lugansk: LGU im. V. Dalya, 2021. – S. 8-19.

5. Rukavishnikova T.A. Prava cheloveka: sovremennyye aspekty sodержaniya / T.A. Rukavishnikova // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – № 2 (5). – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-sovremennyye-aspekty-soderzhaniya> (data obrashcheniya: 28.03.2025).

6. Kireyeva Ye. Yu. Realizatsiya prava na dostup k informatsii s uchetom osobennostey rezhima informatsii v RF / Ye. Yu. Kireyeva, A.A. Velichkina // Molodoy uchenyy. – 2017. – №45. – S. 104-107.

7. Mezhdunarodnyye akty o pravakh cheloveka: sbornik dokumentov / Komissiya po pravam cheloveka pri Prezidente RF, In-t gosudarstva i prava RAN / Sost. i avt. vstup. st. V.A. Kartashkin i Ye.A. Lukasheva. – M.: Norma-IFRA, 2008. – 753 s.

8. Kravtsov A.S. Administrativno-pravovoye obespecheniye informatsionnykh prav cheloveka i grazhdanina / A.S. Kravtsov // Obrazovaniye i pravo: nauchno-pravovoy zhurnal. – № 4. – 2018. – S. 93-98.

9. Informatsionno-pravovaya sistema Yevropeyskogo Suda (European Court of Human Rights). – URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (data obrashcheniya: 27.08.2025).

10. Shepel' V.V. Ponyatiye, sodержaniye i sushchnost' prav i svobod cheloveka i grazhdanina na informatsiyu / V.V. Shepel' // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2025. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-soderzhanie-i-suschnost-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-na-informatsiyu> (data obrashcheniya: 20.12.2025).

11. Administrativnoye pravo: Obshchaya chast': uchebnik / K. K. Afanas'yev, A. S. Kravtsov i dr.; GOU VPO LNR «LNU im. V. Dalya». – Lugansk: Izd-vo GOU VPO LNR «LNU im. V. Dalya», 2020. – 516 s.

12. O Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 06.11.2020 g. № 4-FKZ (poslednyaya redaktsiya). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950 (data obrashcheniya: 20.12.2025).

13. O politсии: Federal'nyy zakon ot 07.02.2011 g. № 3-FZ (poslednyaya redaktsiya) // Sobraniye zakonodatel'stva RF. – 2011. – № 7. – St. 900.

14. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyaх ot 30.12.2001 g. № 195-FZ (poslednyaya redaktsiya). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (data obrashcheniya: 20.12.2025).

15. Doronina O.N. Administrativno-pravovyye mekhanizmy obespecheniya i zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii i gosudarstvakh Tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy / O.N. Doronina // Sotsiologiya vlasti. – № 5. – 2011. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovyye-mekhanizmy-obespecheniya-i-zashchity-prav-i-svobod-cheloveka-v-rossii> (data obrashcheniya: 20.12.2025).

16. O prokureture Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 17.01.1992 g. № 2202-1 (poslednyaya redaktsiya). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262 (data obrashcheniya: 20.12.2025).

17. O poryadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 02.05.2006 g. № 59-FZ (poslednyaya redaktsiya) // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. – 2006. – № 19. – St. 2060.

18. Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug: Federal'nyy zakon ot 27.07.2010 g. № 210-FZ (poslednyaya redaktsiya). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023 (data obrashcheniya: 20.12.2025).

19. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii ot 08.03.2015 g. № 21-FZ (poslednyaya redaktsiya) // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. – 2015. – № 10. – St. 1391

Левченко Александр Иванович
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин
Луганского филиала Воронежского института МВД России

Васильева Мария Николаевна
студент 2 курса магистратуры
Луганского филиала Воронежского института МВД России

РАННЯЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Несовершеннолетние составляют особую социальную категорию, имеющую свои ценности и идеалы. Однако они не всегда соответствуют правилам поведения, принятыми в нашем обществе, в связи с чем появляются отклонения и девиации.

В такой ситуации особую значимость имеет ранняя профилактика противоправного поведения несовершеннолетних.

В статье рассмотрены основные факторы, влияющие на формирование противоправного поведения несовершеннолетних, акцентировано внимание на необходимости ранней профилактики подростковой преступности. Определены проблемы и сложности, возникающие в ходе профилактической работы и выработаны предложения по ее совершенствованию.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность, ранняя профилактика правонарушений, дезадаптивное поведение, морально-воспитательная работа.

Ранняя профилактика преступлений несовершеннолетних – одна из стадий профилактической работы, максимально удаленная от правонарушения и минимально от источников, порождающих эту форму отклоняющегося поведения молодежи. Термин «ранняя профилактика преступности несовершеннолетних» впервые ввел в научный оборот в середине 60-х гг. XX в. Г.М. Миньковский [4]. Стало считаться, что ранняя профилактика должна охватывать не только несовершеннолетних с преступной или отрицательной направленностью личности, но и с устойчивой положительной мотивацией.

Под ранней профилактикой следует понимать деятельность государственных органов и общественных организаций по устранению обстоятельств, способствующих возникновению дезадаптивного и преступного поведения, перестройки и коррекции поведения личности и ее ориентации с целью предотвращения прогнозируемой возможности возникновения криминогенных

элементов мотивации либо их коррекции. Однако меры коррекции допустимы лишь исходя из имевших уже место и достоверно установленных фактов ее противоправного поведения подростка.

В Российской Федерации профилактика преступлений среди несовершеннолетних регулируется на законодательном уровне (Конституция РФ, нормы международного права, Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями от 8 августа 2024 г.).

Ранняя профилактика преступлений несовершеннолетних в значительной степени представляет собой целенаправленную воспитательную работу. Она осуществляется как специализированными органами (комиссиями и инспекциями по делам несовершеннолетних, органами опеки и попечительствами, специальными воспитательными учреждениями), так и организациями, осуществляющими профилактическую работу в процессе своей основной деятельности (школами, гимназиями, колледжами, производственными коллективами).

В раннепрофилактической работе важное место занимает деятельность подразделений, ответственных за морально-воспитательную работу, правовое воспитание, формирующих представление о социальных нормах, правилах поведения в обществе в целом, в том числе и семье [2].

Однако, в процессе профилактики правонарушений не полностью используются методы государственного и общественного воздействия на несовершеннолетних, коррекции их поведения, соответствующего нормам права. В этой работе очень часто не хватает целеустремленности, комплексного подхода и единства действий государственных и общественных организаций.

При этом недостаточное внимание обращено на необходимость совершенствования работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, в первую очередь, в учебных заведениях и трудовых коллективах. Работа, направленная на обеспечение законности и правопорядка, не является еще достаточно эффективной и не в полной мере отвечает требованиям времени, современного этапа развития нашего общества, задачам и целям СВО. В частности, в связи с участившимися случаями привлечения молодых людей украинскими спецслужбами для совершения террористических актов на территории Российской Федерации.

Наиболее существенной причиной преступного поведения несовершеннолетних является недостаточное воспитание в школах, вузах, дома. Следовательно, ранняя профилактика такого антиобщественного поведения, прежде всего, связана с процессом различных форм противоправного воздействия на подростка, в том числе социального и информационного необеспечения обществом нормальных условий его жизни и воспитания.

Как показывают результаты социологических и правовых исследований, у подростков с общей положительной направленностью личности, преступления, как правило, имеют ситуативный характер, их психологические характеристики во многом типичны, как и ситуации совершения преступлений. Проведенный анализ поведения несовершеннолетних преступников показывает прежде всего их пониженную способность к адаптации в социальной среде.

В процессе адаптации подросток вырабатывает необходимые для жизнедеятельности положительные социальные стереотипы, качества и свойства. И напротив, нарушение механизма адаптации ведет к его социально-психологической изоляции, усугубляет те особенности в поведении и характере подростка, которые препятствуют правильным взаимоотношениям со сверстниками, порождают межличностные конфликты. Оказавшись в изоляции, лишенный возможности и самоутверждения, подросток пытается утвердить свою личность самими различными, доступными ему (иногда асоциальными) способами. Следовательно, изучение закономерностей, причин возникновения дезадаптивного поведения и разработка методов его исправления – задача ранней профилактики преступлений несовершеннолетних [3].

Причины дезадаптации различны: неадекватная самооценка, плохая успеваемость, неправильное отношение к окружающим, родителям, педагогам, отсутствие взаимопонимания между сверстниками и т.д. Дезадаптации несовершеннолетних способствует наличие у них физических и психических недостатков. Такие подростки, как правило, остро переживают свое отставание от одноклассников (однокурсников) в учебе и, стремясь компенсировать это различными способами, в том числе и противоправными, попадают в разряд «трудных».

В последние годы не только представители науки, но и практические работники (юристы, педагоги) отмечают отклонения в психическом здоровье значительной части подростков, их возбудимость, вспыльчивость, ранимость и т.д. Сказывается ритм современной жизни, влияние негативных последствий происходящих в последнее время событий. Нельзя не учитывать особенности и детей, которые в результате родовой травмы, перенесенных в детстве болезней, алкоголизма родителей и т.п. отстают в своем развитии от сверстников и не могут наравне с ними овладеть учебными программами. Однако независимо от причин отклонений воспитательно-профилактическая работа с такими подростками обязана проводиться еще более тщательно, систематически и целеустремленно, несмотря на то, что имеет свою специфику, предполагает привлечение к ней специалистов-психологов и психиатров.

К сожалению, в осуществлении воспитательно-профилактической работы с этими детьми по-прежнему имеются серьезные недостатки и нерешенные

вопросы. Прежде всего это отсутствие надлежащей их психоневрологической диспансеризации. Нередко она несвоевременна (оказывает) или носит формальный характер вследствие того, что в некоторых поликлиниках нет специалистов нужного профиля, особенно в сельской местности, малых городах и поселках. К тому же, по-прежнему, существует острая необходимость в разработке единых критериев оценки нервно-психического здоровья подростков, которые бы позволили исключить смешение болезненных и неболезненных нервных проявлений у молодых людей. Отсутствие этих критериев является причиной получения в результате проведенного исследования по данному вопросу противоречивых данных.

Отклонения в психике несовершеннолетних ведут не только к дезадаптации, в сочетании с неблагоприятным воздействием социальной среды и конкретной ситуации они могут влиять на принятые решения, ослаблять контрольные механизмы поведения у подростков.

Как известно, социальные свойства личности обусловлены многими факторами социального положения, а, следовательно, и поведения индивидов. Человек становится личностью в результате длительного и сложного процесса обучения и воспитания. Поэтому влияние социальных и биологических факторов, обуславливающих поведение подростка, может меняться в зависимости от уровня его развития, от особенностей его физического и психического состояния, степени негативного воздействия на него социума (среды) и возможности, умением и готовности противостоять таким явлениям.

Литература

1. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями от 8 августа 2024 г.) // [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=503085>.
2. Аржайл-олл А.А. Профилактика правонарушений, совершаемых несовершеннолетними / А. А. Аржайл-олл, А.В. Годованный // Молодой ученый. – 2020. – № 45(335). – С. 55–57.
3. Бреева Е. Б. Дезадаптация детей и национальная безопасность России / Е. Б. Бреева. – 2-е изд. – М.: «Дашков и Ко», 2005. – 212 с.
4. Миньковский Г.М. Понятие и система мер предупреждения преступлений в среде молодежи / Г.М. Миньковский // Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. – М., 1971. – 22 с.

Levchenkov Alexander Ivanovich

*Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines
of the Lugansk branch of the Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

Vasilyeva Maria Nikolaevna

*2nd year graduate student
of the Lugansk branch of the Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

EARLY PREVENTION OF CRIMES AMONG MINORS: FEATURES AND PROSPECTS

Minors constitute a distinct social category with their own values and ideals. However, they do not always conform to the rules of conduct accepted in our society, resulting in deviations and aberrations.

In this situation, early prevention of juvenile delinquency is particularly important.

This article examines the main factors influencing the development of juvenile delinquency, emphasizing the need for early prevention of juvenile delinquency. The problems and challenges that arise in preventive work are identified, and proposals for its improvement are developed.

Keywords: minors, crime, early delinquency prevention, maladaptive behavior, moral education.

Literatura

1. Federal'nyj zakon ot 24 iyunya 1999 g. № 120 «Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletniKH» (s izmeneniyami i dopolneniyami ot 8 avgusta 2024 g.) // [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=503085>.

2. Arzhajl-oll A.A. Profilaktika pravonarushenij, sovershaemykh nesovershennoletnimi / A.A. Arzhajl-oll, A.V. Godovannyj // Molodoj uchenyj. – 2020. – № 45(335). – S. 55–57.

3. Breeva E.B. Dezadaptaciya detej i nacional'naya bezopasnost' Rossii / E.B. Breeva. – 2 e izd. – M.: «Dashkov i KO», 2005. – 212 s.

4. Min'kovskij G.M. Ponyatie i sistema mer preduprezhdeniya prestuplenij v srede molodezhi / G.M. Min'kovskij // Vsesoyuz. in-t po izucheniyu prichin i razrab. mer preduprezhdeniya prestupnosti. – M., 1971. – 22 s.

Лефтер Кристина Вячеславовна

Старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института

ФГБОУ ВО «ЛГУ им. В. Даля»

e-mail: kristinalefter@mail.ru

НАРУШЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА: ФОРМЫ И СПОСОБЫ НЕДОПУЩЕНИЯ

Современная международная картина военного-политического конфликта между Россией, Украиной и ее пособниками, складывается в первую очередь из явных нарушений действующих международных актов по защите гражданского мирного населения, а также из глобальных участвовавших случаев гибели и страданий невооруженных мирных граждан. В данной статье рассматриваются отдельные актуальные на сегодняшний день реалистичные примеры уклонения европейских государств от норм международного и международного гуманитарного права. Отдельные случаи участвовавших преступлений против мирных жителей на территории Луганской Народной Республики являются так или иначе доказательственной базой нарушения действующих международных документов государством Украиной и ее пособниками. В упомянутом контексте проанализированы работы ученых Салогуб Я. Л., Зиминой В. В., Лешина С. И., Тюркиной М. Л. и Меньшиной Н. Н. и предложены варианты по дополнению действующего международного законодательства.

Показаны реальные случаи убийств мирных жителей Донбасса за последний год и необходимость привлечения к ответственности государств за нарушение норм международного и международного гуманитарного права, в частности, агрессию и геноцид государства Украины по отношению к жителям Донбасса, террористические действия и поставка боевой техники и оружия государствами союзниками на территорию Украины.

В результате проведенного исследования выявлены перспективы изменения международной Женевской Конвенцией от 12 августа 1949 года «О защите гражданского населения во время войны», а также обоснована важность детальной разработки концепции международной ответственности государств.

Ключевые слова: международное право, международное гуманитарное право, государство, агрессия и геноцид, террористические действия, уголовная ответственность.

Женевская конвенция от 12 августа 1949 года «О защите гражданского населения во время войны» требует от стран-участниц вооруженного конфликта соблюдения ее положений. Это прямо указано в статье 1 документа, где

страны-участницы обозначены как «Высокие Договаривающиеся Стороны» [1, ст. 1].

Конвенция действует, даже если одна из стран не признает состояние войны, при оккупации территорий или если одна из сторон не является ее участником. Это означает, что нормы Конвенции распространяются на любое государство в зоне конфликта и на всех его жителей [1, ст.1].

Е. А. Орловский, в своем научном исследовании «международное право и национальное законодательство: проблемы соотношения и взаимодействия систем» указывает, что в одном из решений Международного суда ООН в 1970 году, наряду с обязательствами, связывающими конкретные стороны, существуют и обязательства, соблюдение которых в силу их природы является предметом интереса всех государств. Принимая во внимание важность соответствующих этим обязанностям прав можно утверждать, что абсолютно все государства юридически заинтересованы в их защите. Таким образом, можно сделать вывод, что международное право является в каком-то смысле основой права национального, отражая фундаментальные ценности, выстраданные порой в вооруженных столкновениях ценой человеческой жизни [2].

Ученые В. В. Гошуляк, А. Г. Пархоменко, в своем научном исследовании «Российская Федерация – правопреемник СССР» указали, что поправками в Конституцию РФ была добавлена статья 67, которая закрепила положение о том, что Российская Федерация является правопреемником СССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) СССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов СССР за пределами территории РФ. Этим было положено начало конституционного правопреемства современной России от СССР [3]. Поскольку СССР ратифицировал Женевские конвенции в 1954 году, Россия унаследовала эти обязательства.

Таким образом, несмотря на некоторые ограничения, установленными другими государствами по отношению к государству Россия в виде санкций, Россия обязана соблюдать вышеуказанную Конвенцию. Она также требует уважения к своему мирному населению и гражданским объектам. Никакие ограничения или давление со стороны других государств не освобождают от выполнения ее положений [4].

Упомянутая выше Конвенция обязывает все действующие государства, в том числе и их правительство, проявлять уважение и толерантное отношение к мирному населению и гражданским объектам друг друга и не содержит норм, правомочных ограничить права на исполнение вышеуказанного документа или

дающих возможность влиять иным государствам на государства, находящиеся под санкциями.

Однако, как показывают последние события, в настоящее время ярко выраженная тенденция к увеличению количества нарушений прав человека в военных конфликтах конца XX-начала XXI века демонстрирует отсутствие реально действующих механизмов международно-правового регулирования данной области международных отношений и подтверждает актуальность исследований. Так, приведем несколько примеров кризисных ситуаций, происшедших с российскими гражданами: исполнительный директор Союза добровольцев Донбасса Андрей Пинчук сообщил, что теракты организуются при помощи агентуры внутри России [5]. С начала 2023 года украинские спецслужбы и агенты совершили серию терактов на территории России. Под ударом оказались приграничные регионы, такие как Брянская область и Крым, а также регионы в российском тылу [5]. 23 января ФСБ предотвратила теракт в одном из регионов Северного Кавказа. У задержанного были найдены средства для совершения преступления [5]. 2 марта 2025 группа диверсантов, называвших себя «Русским добровольческим корпусом», проникла на территорию Брянской области с Украины. В селе Любечане они обстреляли гражданский автомобиль, в котором находились дети. Погиб водитель, а 11-летний мальчик Федор был ранен [5].

Таким образом я считаю, что в военном конфликте между Украиной и Российской Федерацией со стороны первой наблюдаются нарушение прав человека, уважение достоинства личности, что противоречит всем современным международным и национальным нормам. Вопросу о нарушении норм в отношении гражданского населения в настоящее время множество. На многочисленных дискуссионных площадках обсуждаются и сейчас вопросы международного гуманитарного права. Одним из наиболее ранних и всем известных произведений, регулирующих поведение сторон во время военных действий являются труды Гуго Гроция «О праве войны и мира» [6].

Произведение Гуго Гроция «О праве войны и мира» (лат. «De jure belli ac pacis»), изданное в 1625 году, является фундаментальным трудом, заложившим основы современного международного права. Главная идея книги в том, что даже во время войны действуют законы. Гроций стремился ограничить насилие и жестокость войн, создав свод правил, основанных не на божественном праве, а на естественном праве и разуме. Он утверждал, что: война может быть справедливой (например, в целях самообороны или восстановления нарушенного права) и несправедливой, даже ведя справедливую войну, стороны должны соблюдать определенные правовые нормы. По сути, Гроций отделил понятие «война» от понятия «произвол и беспредел», введя

войну в правовое поле. Гроций систематизировал и обосновал множество запретов и ограничений, которые позже легли в основу Гаагских и Женевских конвенций. Вот ключевые из них: Запрет на бесцельную жестокость; запрет на убийство безоружных и сдающихся в плен; запрет на причинение вреда гражданскому населению; запрет на вероломство (нарушение данных клятв и обещаний); запрет на бессмысленное разрушение; ограничения в обращении с пленными; уважение к правам собственности. Гроций впервые собрал воедино разрозненные обычаи и правила ведения войны, создав целостную правовую систему, вывел международное право из-под исключительной власти религии, основав его на разуме и естественном праве. Его идеи стали моральным и правовым фундаментом для всего последующего развития международного гуманитарного права.

Таким образом, Гроций не столько «запрещал» войну как явление, сколько наполнял ее гуманным содержанием, стремясь ограничить страдания, которые она приносит. Его труд — это попытка привнести порядок и справедливость в хаос вооруженного конфликта [6].

Реалистичные примеры агрессии украинского государства и ее пособников по отношению к мирному гражданскому населению, не принимающим участия в военных действиях, является явным признаком правонарушений. Приведем еще несколько примеров. Так, В Крыму в начале 2023 года пресекли несколько попыток терактов на инфраструктурных объектах [5]. 26 апреля 2023 года ФСБ задержала россиянина, готовившего взрыв в Военно-морском клиническом госпитале Минобороны в Симферополе. У него нашли самодельное взрывное устройство [5]. 3 мая 2023 года два беспилотника попытались атаковать Кремль [5].

Население Донбасса также неоднократно подвергалось противоправным действиям со стороны украинских спецслужб, тому свидетельствует несколько примеров: 2 октября 2025 года украинский дрон атаковал автомобиль в курском Беловском районе. 28-летняя девушка получила осколочные ранения руки. Об этом сообщил губернатор Курской области Александр Хинштейн и 23 октября 2025 года, в результате которого пострадали мирные жители [7]. 17.11.2025 года пострадали гражданские лица в результате расстрела ВСУ, о чем сообщил пленный [8]. Следует акцентировать внимание на том факте, что данный перечень примеров не является исчерпывающим.

Эти события свидетельствуют о том, что Украина активно совершает теракты против гражданских объектов и мирных жителей России на протяжении длительного периода времени нарушая тем самым международное гуманитарное право. Однако анализируя действующее международное законодательство, а именно, Раздел I Общие положения Женевской Конвенции от 12 августа 1949

года «О защите гражданского населения во время войны», мы видим достаточное количество вопросов, подлежащих обсуждению и возможной доработке.

Так, анализируя действующее международное законодательство, а именно статью 3 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны, мы приходим к выводу о безусловной необходимости соблюдения принципов гуманного обращения без какой-либо дискриминации. В случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера, и возникающего на территории одной из «Высоких Договаривающихся Сторон», каждая из сторон конфликта обязана соблюдать нормы, изложенные в данной статье [1, ст.3].

В соответствии с положениями статьи 3, запрещены любые посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, включая убийство, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания. Также недопустимо взятие заложников, посягательства на человеческое достоинство, выражающиеся в оскорбительном и унижающем обращении, а также осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом с соблюдением всех судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями [1, ст.3].

К сожалению, приведённые выше примеры и другие многочисленные факты несоблюдения норм Женевской конвенции свидетельствуют о серьезных нарушениях международного гуманитарного права стороной Украины и ее пособниками.

Статья 4 Женевской конвенции расширяет сферу ее применения, распространяя защиту на лиц, находящихся во власти стороны конфликта или оккупирующего государства, независимо от их гражданства [1, ст.4]. Однако положение данной статьи, а именно «...граждане какого-либо государства, не связанного настоящей Конвенцией, не состоят под ее защитой» противоречит статье 2, вышеуказанной Конвенции. Так, статья 2 устанавливает, что Конвенция применяется и в случаях оккупации территории «Высокой Договаривающейся Стороны», даже при отсутствии вооруженного сопротивления, и что государства-участники обязаны соблюдать ее положения даже в отношении сторон, не являющихся участниками Конвенции, если последние принимают и применяют эти нормы [1, ст.2].

Для устранения коллизий и обеспечения полного применения норм Конвенции предлагается внести изменения в статью 4, изложив ее часть в следующей редакции: «...Граждане любого государства, не связанного настоящей Конвенцией, также находятся под ее защитой» [1, ст.4]. Это позволит распространить действие Конвенции на все государства, участвующие в вооруженном конфликте, независимо от их статуса в качестве участников Конвенции.

Статья 5 вышеуказанной Конвенции также, по моему мнению, нуждается в корректировке и ином изложении, поскольку, нормы ее частей противоречат друг другу. Так, в первом абзаце статьи 5 вышеуказанной Конвенции говорится «...Если находящаяся в конфликте сторона имеет серьезные основания полагать, что на ее территории какое-либо отдельное лицо, находящееся под покровительством Конвенции, подозревается на законном основании в деятельности, враждебной для безопасности этого государства, такое лицо не будет иметь права претендовать на права и преимущества, предоставляемые настоящей Конвенцией...», второй абзац указанной Конвенции содержит норму о том, что «...Если на оккупированной территории отдельное лицо, находящееся под покровительством Конвенции, задержано в качестве шпиона или диверсанта или в качестве подозреваемого на законном основании в деятельности, угрожающей безопасности оккупирующей державы...данное лицо может быть лишено прав на связь, предоставляемых данной Конвенцией», а абзац 3 указывает на противоположные нормы: «В каждом из этих случаев лица, предусмотренные в предыдущих абзацах, будут пользоваться гуманным обращением и в случае судебного преследования не будут лишаться своих прав на справедливый и нормальный суд, предусмотренный настоящей Конвенцией.... Им будут также полностью предоставлены права и преимущества, предоставляемые покровительствуемому лицу в соответствии с настоящей Конвенцией» [1, ст.5].

Поскольку, информация указанная в абзаце 1 статьи 5 противоречит статье 3 Конвенции, в которой говорится, что лица, не принимающие участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, и перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев, но установить причастность лица к содеянному и ограничивать его права возможно только по решению суда [9], считаю необходимым изменить и изложить статью 5 Конвенции в следующей редакции: «В случае законного установления по решению суда находящейся в конфликте стороны, что на ее территории какое-либо отдельное лицо, находящееся под покровительством Конвенции, подозревается ил обвиняется в деятельности, угрожающей безопасности этого государства (например, шпионаж), такое лицо будет иметь права военнопленного настоящей Конвенции, однако будет лишено права на связь».

Статья 6 Конвенции устанавливает сроки, в течение которых она распространяется на государства, находящиеся в военном конфликте. Данный срок

составляет год после общего окончания военных действий. Однако в данной статье имеется норма о том, что «покровительствуемые лица, освобождение, репатриация или устройство которых будут иметь место по истечении данного срока, будут оставаться под защитой настоящей Конвенции». Однако не указан срок, в течение которого нормы Конвенции будут распространяться на этих лиц. К тому же Конвенция не содержит определения, кого она относит к «покровительствуемым лицам», что также заслуживает пересмотра и доработке [1, ст.6].

Особого внимания заслуживает статья 7 Конвенции, поскольку имеет массу противоречий и недоработок. Так, статья 7 содержит нормы, которые устанавливают тот факт, что государства, находящиеся в вооруженном конфликте, имеют право на заключение «других специальных соглашений». Так, статья 7 изложена в следующей редакции: «Покровительствуемые лица продолжают пользоваться преимуществами этих соглашений в течение всего времени, пока к ним будет применима Конвенция, кроме случаев специального включения противоположных условий в вышеупомянутые или позднейшие соглашения и, равным образом, кроме случаев применения к ним той или другой находящейся в конфликте стороной более благоприятных мероприятий». Исходя из анализа данной нормы следует понимать, что «...кроме случаев специального включения противоположных условий в вышеупомянутые или позднейшие соглашения...» означает тот факт, что стороны конфликта могут заключать между собой специальные соглашения (например, о создании санитарных зон, эвакуации раненых, детей и т.д.). То есть, если в таком соглашении есть условие, которое улучшает положение «покровительствуемых лиц», оно имеет силу [1,ст.7].

Однако, если бы в такое соглашение попала норма, ухудшающая их положение (противоположное условие), она была бы недействительной. То есть, стороны не могут договориться между собой отменить или снизить уровень защиты, предусмотренный Конвенцией. Также отдельного анализа и более корректного изложения заслуживает следующая часть статьи «...и, равным образом, кроме случаев применения к ним той или другой находящейся в конфликте стороной более благоприятных мероприятий» то есть, если одна из сторон конфликта в одностороннем порядке принимает внутренние законы, приказы или меры, которые предоставляют покровительствуемым лицам большие права и льготы, чем сама Конвенция, это приветствуется и допускается. Например, страна может предоставить интернированным лицам более высокий уровень продовольственного довольствия, чем установлено Конвенцией. Таким образом, считаю необходимым изложить статью 7 в следующей редакции: «Покровительствуемые лица продолжают пользоваться преимуществами этих согла-

шений в течение всего времени, пока к ним будет применима Конвенция, кроме случаев специального включения условий противоположной стороны, если они улучшают положение «покровительствуемых лиц» в вышеупомянутые или позднейшие соглашения и, равным образом, кроме случаев применения к ним той или другой находящейся в конфликте стороной более благоприятных мероприятий» [1, ст. 7].

Статья 9 Конвенции не дает определения кто такие державы покровительницы и перечня ее функций? Согласно научного исследования Л. Н. Боголюбова, Т. Е. Абовой, А. И. Матвеева «В военное время воюющие стороны обязаны назначить державу-покровительницу, которой одна из воюющих сторон поручает (с согласия другой стороны) защищать ее интересы в гуманитарной сфере во время конфликта. Такой державой-покровительницей может быть только нейтральное государство. Держава-покровительница выполняет следующие функции: посещает лагеря для военнопленных и интернированных, посещает все места, где могут находиться лица, находящиеся под защитой» [10]. Следовательно, считаю необходимым дополнить положения статьи 9 и закрепить в ней определение «державы покровительницы» и функций, которые возлагаются на нее.

Таким образом, анализируя действующее международное законодательство, а именно статью 3 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны, мы приходим к выводу о безусловной необходимости доработки действующего международного документа и устранения противоречий.

Анализ научных трудов подтверждает актуальность проблемы нарушения норм МГП по отношению к гражданскому населению и необходимость ее скорейшего разрешения.

Так, ученые, такие как Салогуб Я. Л., Зимин В. В., в своем исследовании «Нарушение норм международного гуманитарного права как показатель кризисных явлений в международном праве» отмечают, что неправомерные военные конфликты, включая ситуацию на Донбассе, свидетельствуют о серьезных проблемах в системе международного права [11].

Лешин С. И. и Тюркин М. Л. в своей работе подчеркивают, что международное гуманитарное право представляет собой совокупность принципов и норм, обеспечивающих уважение человеческой личности и устанавливающих взаимные права и обязанности государств в отношении применения средств и методов ведения вооруженной борьбы [12].

Меньшенин Н. Н. определяет субъекты международного права как носителей международных прав и обязанностей, возникающих в соответствии с общими нормами международного права. Он выделяет две категории субъ-

ектов: первичные (суверенные) и производные (несуверенные), к которым относятся государства, народы и нации [13,с.20].

Проведённый выше анализ точек зрения исследователей позволяет сделать вывод о необходимости обеспечения государствами, как субъектами международного права, уважения к человеческой личности и ее развитию. Примечательно, что в данном контексте не делается акцент на участие государств в конкретных международных соглашениях, таких как вышеупомянутая конвенция. Итоги локальных войн в современном мире демонстрируют отсутствие реально действующих правовых механизмов обеспечения прав человека в условиях военных конфликтов, предусмотренных нормами МГП. Также в научной статье обоснована важность детальной разработки концепции международной ответственности государств за нарушение норм МГП и МП.

Литература:

1. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными [Электронный ресурс] // Конвенции и Соглашения. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_3.shtml – веб сайт ООН

2. Е. А. Орловский. Международное право и национальное законодательство: проблемы соотношения и взаимодействия систем. - Режим доступа: <https://www.lihachev.ru/chten/2025/sec4/Orlowsky.pdf>

3. Гошуляк В. В., Пархоменко А. Г. Российская Федерация – правопреемник СССР / Пархоменко А. Г., Гошуляк В. В. // Публично-правовые (государственно-правовые) науки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-federatsiya-pravopreemnik-sssr/viewer>

4. «ЕС продлил на год антироссийские санкции». ЕС продлил на год санкции в отношении 47 физлиц и 15 юрлиц из России [Электронный ресурс] // РИА новости. - Режим доступа: <https://ria.ru/20251003/sanktsii-2046187143.html>

5. «Теракты Украины на территории РФ с начала 2023 года: предотвращенные и совершенные. Справка» Электронный ресурс] // Дзен. РУ. - Режим доступа: https://dzen.ru/a/ZFJ4oak4bW9Sqf_0

6. Г. Гроций. О праве войны и мира. Книга первая / Г.Гроций // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn1.pdf

7. «В Курской области при атаке дрона на автомобиль пострадала девушка». Девушка получила осколочные ранения при атаке БПЛА в Курской области [Электронный ресурс] // РИА новости. - Режим доступа: <https://ria.ru/20251002/kursk-2045790866.html>

8. «В Красноармейске ВСУ приказали расстреливать гражданских, заявил пленный» Командование ВСУ приказывало убивать гражданских в Красно-

армейске [Электронный ресурс] // РИА новости. - Режим доступа: <https://ria.ru/20251117/vsu-2055470542.html>

9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] // РИА новости. - Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203000250&page=1&rdk=0&link_id=56#10

10. Л. Н. Боголюбов. Право. Поурочные разработки. 11 класс: учебное пособие для общеобразовательных организаций: углубленный уровень / Л. Н. Боголюбов. - М.: Просвещение, 2021.-234с. - Режим доступа: https://husain-off.ru/bibl/pravo11/pravo11_01.html

11. Салогуб Я.Л., Зимин В.В. Нарушение норм международного гуманитарного права как показатель кризисных явлений в международном праве / Зимин В.В., Салогуб Я.Л. // Международное и конституционное право. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/narusheniya-norm-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava-kak-pokazatel-krizisnyh-yavleniy-v-mezhdunarodnom-prave/viewer>

12. Леншин С.И., Тюркин М.Л.: Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право. Монография. Серия «Право в Вооруженных Силах - консультант». Вып: 94 / Тюркин М.Л., Леншин С.И. – вып.94, За право военнослужащих. – Москва: 2009. – 240с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lawlibrary.ru/izdanie2079273.html>

13. Меньшенина, Н. Н. Международное право : учеб. пособие / Н. Н. Меньшенина ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 100 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/42381/1/978-5-7996-1805-6_2016.pdf

Kristina Vyacheslavovna Lefter

*Senior Lecturer, Department of Criminal Law,
Law Institute, Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education,
V. Dahl Leningrad State University
e-mail: kristinalefter@mail.ru*

VIOLATION OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW: FORMS AND WAYS OF PREVENTION

The current international picture of the military-political conflict between Russia, Ukraine, and its accomplices is primarily characterized by clear violations of existing international instruments for the protection of civilians, as well as by the increasing global incidence of death and suffering among unarmed civilians. This article examines specific, relevant, and realistic examples of European states' deviation from

international and humanitarian law. Individual cases of increasing crimes against civilians in the Luhansk People's Republic provide, in one way or another, evidence of violations of existing international instruments by Ukraine and its accomplices. In this context, the works of scholars Ya. L. Salogub, V. V. Zimin, S. I. Leshin, M. L. Tyurkin, and N. N. Menshin are analyzed, and options for amending current international legislation are proposed. The article highlights actual cases of killings of civilians in Donbas over the past year and the need to hold states accountable for violating international and humanitarian law, in particular, the aggression and genocide of the Ukrainian state against the residents of Donbas, terrorist acts, and the supply of military equipment and weapons by allied states to Ukrainian territory. The study identifies prospects for amending the International Geneva Convention of 12 August 1949 «Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War,» and substantiates the importance of thoroughly developing the concept of international state responsibility.

Keywords: international law, international humanitarian law, state, aggression and genocide, terrorist acts, criminal liability.

Literatura:

1. Zhenevskaya konventsiya ot 12 avgusta 1949 goda ob obrashchenii s voyennoplennymi [Elektronnyy resurs] // Konventsii i Soglasheniya. – Rezhim dostupa: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_3.shtml – veb sayt OON

2. Ye. A. Orlovskiy. Mezhdunarodnoye pravo i natsional'noye zakonodatel'stvo: problemy sootnosheniya i vzaimodeystviya sistem. - Rezhim dostupa: <https://www.lihachev.ru/chten/2025/sec4/Orlovsky.pdf>

3. Goshulyak V. V., Parkhomenko A. G. Rossiyskaya Federatsiya – pravopreyemnik SSSR / Parkhomenko A. G., Goshulyak V. V. // Publichno-pravovyye (gosudarstvenno-pravovyye) nauki. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-federatsiya-pravopreemnik-sssr/viewer>

4. «YES prodлил na god antirossiyskiye sanktsii». YES prodлил na god sanktsii v otnoshenii 47 fizlits i 15 yurlits iz Rossii [Elektronnyy resurs] // RIA novosti. - Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20251003/sanktsii-2046187143.html>

5. «Terakty Ukrainy na territorii RF s nachala 2023 goda: predotvrashchennyye i sovershennyye. Spravka» [Elektronnyy resurs] // Dzen. RU. - Rezhim dostupa: https://dzen.ru/a/ZFJ4oak4bW9Sqf_0

6. G. Grotsiy. O prave voyny i mira. Kniga pervaya / G. Grotsiy // [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn1.pdf

7. «V Kurskoy oblasti pri atake drona na avtomobil' postradala devushka». Devushka poluchila oskolochnyye raneniya pri atake BPLA v Kurskoy oblasti

[Elektronnyy resurs] // RIA novosti. - Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20251002/kursk-2045790866.html>

8. «V Krasnoarmeyske VSU prikazali rasstreliivat' grazhdanskikh, zayavil plenny» Komandovaniye VSU prikazyvalo ubivat' grazhdanskikh v Krasnoarmeyske [Elektronnyy resurs] // RIA novosti. - Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20251117/vsu-2055470542.html>

9. Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod [Elektronnyy resurs] // RIA novosti. - Rezhim dostupa: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203000250&page=1&rdk=0&link_id=56#I0

10. L. N. Bogolyubov. Pravo. Pourochnyye razrabotki. 11 klass: uchebnoye posobiye dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy: uglublennyy uroven' / L. N. Bogolyubov. - M.: Prosveshcheniye, 2021. - 234s. - Rezhim dostupa: https://husain-off.ru/bibl/pravo11/pravo11_01.html

11. Salogub Ya.L., Zimin V.V. Narusheniye norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava kak pokazatel' krizisnykh yavleniy v mezhdunarodnom prave / Zimin V.V., Salogub Ya.L. // Mezhdunarodnoye i konstitutsionnoye pravo. [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/narusheniya-norm-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava-kak-pokazatel-krizisnyh-yavleniy-v-mezhdunarodnom-prave/viewer>

12. Lenshin S. I., Tyurkin M. L.: Pravovoy rezhim vooruzhennykh konfliktov i mezhdunarodnoye gumanitarnoye pravo. Monografiya. Seriya «Pravo v Vooruzhennykh Silakh - konsul'tant». Vyp: 94 / Tyurkin M. L., Lenshin S. I. - vyp.94, Za pravo voyennosluzhashchikh. - Moskva: 2009. - 240s. [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: <https://lawlibrary.ru/izdanie2079273.html>

13. Men'shenina, N. N. Mezhdunarodnoye pravo : ucheb. posobiye / N. N. Men'shenina ; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii, Ural. feder. un-t. - Yekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2016. - 100 s. [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/42381/1/978-5-7996-1805-6_2016.pdf

*Любинецкий Владимир Владимирович
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Юридического института
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: lyubinetskiy001@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕДУРЫ ДАРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые особенности договора дарения в гражданском законодательстве Российской Федерации, а также проблемы налогообложения имущества, передаваемого по договору дарения. Анализируется понятие «близкие родственники» и особенности его закрепления в различных нормативно-правовых актах, включая Конституцию Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Подчеркивается отсутствие единообразного подхода законодателя к определению круга близких родственников, что создает трудности правоприменительной практики. Особое внимание уделяется вопросам освобождения от налогообложения доходов, полученных в порядке дарения, и проблеме невозможности применения данной льготы в отношении родителей супругов. В статье обосновывается необходимость совершенствования налогового законодательства путем расширения круга лиц, между которыми дарение может осуществляться без уплаты налога на доходы физических лиц.

Ключевые слова: договор дарения, гражданское право, близкие родственники, члены семьи, налогообложение, налог на доходы физических лиц, Налоговый кодекс Российской Федерации, семейное право, правоприменительная практика, совершенствование законодательства.

В соответствии со ст. 572 Гражданского кодекса Российской Федерации, договор дарения представляет собой сделку, по которой «одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом» [1, ст. 572]. Согласно Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «Обзор практики применения арбитражными

судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 октября 2007 года № 120, безвозмездность подразумевает «отсутствие вознаграждения в договорных обязательствах» [2].

Договоры дарения имеют место в гражданско-правовом обороте не так часто, как договоры купли-продажи, однако все же достаточно распространены. Чаще всего подобные договоры заключаются между родственниками. Например, пожилые люди часто производят дарение принадлежащего им имущества членам своей семьи, чтобы не обременять их процедурой наследования.

Дарение является по своей природе односторонней сделкой, так как в рамках этого договора права и обязанности создаются только для одной из сторон – дарителя. Но это не означает, что одаряемый не несет вовсе никаких обязательств в рамках данной сделки. В соответствии с пунктом 1 статьи 210 Налогового кодекса Российской Федерации «при определении налоговой базы по налогу на доходы физических лиц учитываются все доходы налогоплательщика, полученные им как в денежной, так и в натуральной форме, или право на распоряжение которыми у него возникло, а также доходы в виде материальной выгоды, определяемой в соответствии со статьей 212 НК РФ» [3, п. 1 ст. 210]. Согласно пункта 18.1 статьи 217 НК РФ: «не подлежат налогообложению налогом на доходы физических лиц доходы налогоплательщика в денежной и натуральной формах, получаемые от физических лиц в порядке дарения, за исключением случаев дарения недвижимого имущества, транспортных средств, акций, цифровых финансовых активов, цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, долей, паев» [3, п. 18.1 ст. 217].

Таким образом, лицо, принявшее в дар недвижимое имущество или транспортные средства (то есть имущество, которым зачастую владеют граждане) обязан уплатить налог на доходы физических лиц. От этой обязанности освобождаются только лица, принявшие в дар облагаемое налогом имущество от близких родственников [3, абз. 2 п. 18.1 ст. 217].

«Близкий родственник» - это не только член семьи, но и правовой статус, порождающий для лица ряд обязанностей семейно-правового, гражданско-правового, уголовно-правового и административно-правового характера. Наиболее значимое из таких прав закреплено в ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников» [4, ч. 1 ст. 51]. Примечательно, что супруга законодатель явно не относит к числу близких родственников, упоминая отдельно от них. При этом конституционная норма оставляет открытым вопрос о том, кто входит в круг близких родственников, указывая лишь на то, что такой круг «определяется законом».

Основным источником права по данному вопросу, и первоисточником термина «близкий родственник» является Семейный кодекс Российской Федерации, как нормативно-правовой акт, регулирующий сферу родственных правоотношений. В статье 14 Кодекса указано, что в круг близких родственников входят родители и дети, дедушки, бабушки и внуки, а также полнородные и неполнородные братья и сестры [5, ст. 14]. Этот закон, как и Конституция, не относит к числу близких родственников супругов. С одной стороны, это объясняется тем, что сам перечень содержится в статье «Обстоятельства, препятствующие заключению брака», а значит, супруги изначально не могут быть близкими родственниками, поскольку это не даст им заключить брак. С другой стороны, это объясняется глубинной разницей между отношениями родства и супружества. Кровная связь между людьми нерушима и не может исчезнуть даже по их взаимной воле, в отличие от брачной связи, которая может быть разорвана по воле сторон. В этом смысле с духом и буквой закона сложно поспорить.

Однако термин «близкие родственники» содержится не только в Семейном, но и в Гражданском процессуальном, Уголовно-процессуальном кодексах, а также Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. В каждом из этих нормативно-правовых актов определение разное. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации относит к числу близких родственников только родителей, детей, братьев и сестер [6, ч. 2 ст. 279]. Перечень близких родственников, установленный Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации является наиболее широким. В него входят: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, прадедушка, прабабушка, внуки, правнуки [7, п. 4 ст. 5]. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях под близкими родственниками понимаются родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки [8, ст. 25.6]. Как справедливо отмечает в своей статье Д. М. Бердова, системный подход законодателя к данному вопросу совершенно отсутствует [9, с. 20].

Объяснить такое различие в определении близких родственников можно особенностями правоприменительной практики в каждой из отраслей права. Так, в гражданском и семейном праве законодатель делает акцент на кровной связи лиц, поэтому к числу близких родственников не относятся супруги, усыновители и усыновленные, хотя все они имеют те же права, что и кровные родственники. В свою очередь уголовное и административное право исходит не из кровнородственного, а из юридического принципа, приравнивая к близким родственникам лица всех, кто по закону входит в состав семьи (хотя Ко-

декс РФ об административных правонарушениях не включает в круг близких родственников супругов, выделяя их отдельно, как в семейном праве).

Два принципиально отличных подхода создают ситуацию, при которой неоднозначно отнести к числу близких родственников можно исключительно родителей, детей, братьев и сестер, поскольку только эти члены семьи указаны во всех четырех определениях. Правовой статус остальных лиц из перечней остается неопределенным и зависит от того, какой закон применяется в конкретной ситуации. Такое положение вещей приводит к трудностям правоприменения и к тому, что сотрудники судебных и правоохранительных органов зачастую испытывают трудности с определением круга близких родственников.

Одна из сложностей правоприменения проявляется в рамках процедуры дарения. Согласно Информационного письма Министерства финансов Российской Федерации от 07 июля 2025 года № 03-04-05/65944: «любые доходы, полученные в порядке дарения, освобождаются от налогообложения в случае, если даритель и одаряемый являются членами семьи и (или) близкими родственниками в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации (супругами, родителями и детьми, в том числе усыновителями и усыновленными, дедушкой, бабушкой и внуками, полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами)» [10].

Примечательно, что в данном перечне не указаны родители супругов. Исходя из указанной правовой нормы, свекровь не может произвести дарение невестке без обложения налогом, равно как теща не может подарить недвижимость или автомобиль зятю. Очевидно, что рассмотренные ранее правовые нормы были установлены законодателем для того, чтобы граждане и юридические лица, за исключением близких родственников, не могли уклоняться от налогообложения при отчуждении имущества с помощью договора дарения.

Однако несовершенство указанного подхода видится в том, что законодатель не предусмотрел возможность дарения между лицами, которые состоят друг с другом в агнатическом (законном), а не когнатическом (кровном) родстве. Если в рамках процедуры наследования подобное ограничение в целом логично, то невозможность дарения без уплаты НДФЛ создает сложности. При буквальном толковании данной правовой нормы выходит, что, например, пожилые родители, желающие подарить своему ребенку и его супругу (супруге) в равных долях поставят их в условия, при которых их собственный ребенок будет освобожден от налогообложения, а его супруг – нет.

Представляется, что подобное положение дел не соответствует не только основным началам гражданского законодательства, но и принципу равенства прав и обязанностей супругов. Для того, чтобы исправить вышеуказанную

проблему, представляется необходимым изложить абзац второй статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации следующим образом:

«Доходы, полученные в порядке дарения, освобождаются от налогообложения в случае, если даритель и одаряемый являются членами семьи (родителями супругов) и (или) близкими родственниками в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации (супругами, родителями и детьми, в том числе усыновителями и усыновленными, дедушкой, бабушкой и внуками, полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами)».

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года (с изменениями и дополнениями на 25.11.2025) // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 12.02.2026).

2. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 октября 2007 года № 120 // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74034/ (дата обращения: 12.02.2026).

3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года (с изменениями и дополнениями на 28.11.2025 г.) // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 12.02.2026).

4. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с изменениями и дополнениями на 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.02.2026).

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года (с изменениями и дополнениями на 23.11.2024) // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 12.02.2026).

6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 декабря 2002 года (с изменениями и дополнениями на 22.12.2025 г.) // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 12.02.2026).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года (с изменениями и дополнениями на 29.12.2025) // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.02.2026).

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года (с изменениями и дополнениями на 29.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс» офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 12.02.2026).

9. Бердова, Д. М. Являются ли супруги близкими родственниками (об отношениях родства и супружества в уголовном процессе: терминологические проблемы) / Д. М. Бердова // Пробелы в российском законодательстве. – М.: ЮР-ВАК. – 2017 – № 3. – С. 19-22.

10. Информационное письмо Министерства финансов Российской Федерации от 07 июля 2025 года № 03-04-05/65944 // СПС «КонсультантПлюс» офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_233412/ (дата обращения: 12.02.2026).

Lyubinetsky Vladimir Vladimirovich
senior lecturer departments of public law
disciplines Law Institute,
Luhansk State University of Vladimir Dahl
e-mail: lyubinetskiy001@mail.ru

PROBLEMS OF THE PROCEDURE OF GIFTS IN MODERN CIVIL LAW AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Abstract. The article examines the legal features of the gift contract in the civil legislation of the Russian Federation, as well as the problems of taxation of property transferred under a gift contract. The article analyzes the concept of “close relatives” and the specifics of its regulation in various legal acts, including the Constitution of the Russian Federation, the Family Code of the Russian Federation, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The article emphasizes the lack of a unified approach by the legislator to defining the circle of close relatives, which creates difficulties in the application of the law.

Keywords: gift contract, civil law, close relatives, family members, taxation, personal income tax, Tax Code of the Russian Federation, family law, law enforcement practice, improvement of legislation.

Literature:

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30 noyabrya 1994 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami na 25.11.2025) // SPS Konsul'tantPlyus: ofits. sayt. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (data obrashcheniya: 12.02.2026).

2. Informatsionnoe pis'mo Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii «Obzor praktiki primeneniya arbitrazhnymi sudami polozheniy

glavy 24 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» ot 30 oktyabrya 2007 goda № 120 // SPS Konsul'tantPlyus: ofits. sayt. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74034/ (data obrashcheniya: 12.02.2026).

3. Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 31 iyulya 1998 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami na 28.11.2025) // SPS Konsul'tantPlyus: ofits. sayt. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (data obrashcheniya: 12.02.2026).

4. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii ot 12 dekabrya 1993 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami na 01.07.2020) // SPS Konsul'tantPlyus: ofits. sayt. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya: 12.02.2026).

5. Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29 dekabrya 1995 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami na 23.11.2024) // SPS Konsul'tantPlyus: ofits. sayt. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (data obrashcheniya: 12.02.2026).

6. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14 dekabrya 2002 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami na 22.12.2025) // SPS Konsul'tantPlyus: ofits. sayt. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (data obrashcheniya: 12.02.2026).

7. Uголовно-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2001 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami na 29.12.2025) // SPS Konsul'tantPlyus: ofits. sayt. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (data obrashcheniya: 12.02.2026).

8. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30 dekabrya 2001 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami na 29.12.2025) // SPS Konsul'tantPlyus: ofits. sayt. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (data obrashcheniya: 12.02.2026).

9. Berdova, D.M. Yavlyayutsya li suprugy blizkimi rodstvennikami (ob ot-nosheniyakh rodstva i supruzhestva v uголовnom protsesse: terminologicheskie problemy) / D.M. Berdova // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – M.: YUR-VAK. – 2017. – № 3. – S. 19–22.

10. Informatsionnoe pis'mo Ministerstva finansov Rossiyskoy Federatsii ot 07 iyulya 2025 goda № 03-04-05/65944 // SPS Konsul'tantPlyus: ofits. sayt. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_233412/ (data obrashcheniya: 12.02.2026).

Стрекалов Андрей Евгеньевич

кандидат юридических наук,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Юридического института

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный

университет имени Владимира Даля»

e-mail: strekalov.andrey1@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Рассмотрены актуальные аспекты объективных признаков преступлений против общественного порядка в уголовном праве. Определено юридическое понятие видового объекта преступлений против общественного порядка, а также его роль, содержание и специфика. Рассмотрены различные точки зрения ученых относительно объективных признаков преступлений против общественного порядка. Исследован вопрос об окончательности хулиганства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, хулиганство, вандализм, уголовный закон.

В теории уголовного права важным вопросом является квалификация криминальных правонарушений, которая начинается с определения признаков (объективных) совершенного правонарушения.

Поэтому в нашем исследовании начнем с определения объекта правонарушений, направленных против социальной стабильности.

Правонарушения против публичного порядка охватываются разделом, в котором сгруппированы правонарушения в сфере публичной безопасности и социальной стабильности.

Как правило, в уголовном законе все названия разделов соответствуют родовому объекту, совершаемых правонарушений.

Следуя данному правилу, видим, что в нашем случае родовым объектом будет являться отношения в обществе в области социальной стабильности и благополучия.

Юристы с давнего времени, а именно - с середины прошлого столетия ведут оживленные споры и дискуссии о том, что следует понимать и считать родовым объектом хулиганских деяний.

Некоторые были сторонниками теории многообъектности данного злодеяния. Другие категорически требовали признания за хулиганством одного родового объекта, указанного в самом названии раздела, в котором оно (хулиганство) находится.

Изложим свою точку зрения на данный спор. Она заключается в том, что у хулиганства имеются два объекта:

- социальная стабильность и
- порядок общественной жизни.

По нашему мнению, правильной будет позиция, исходя из которой хулиганство имеет самостоятельные объекты. Такие как социальная стабильность и порядок общественной жизни.

Теперь рассмотрим видовой объект рассматриваемой категории преступлений на примере хулиганства и вандализма.

В уголовном законе данные правонарушения находятся в главе 24 [1]. И видовым объектом их является социальная стабильность.

Но так ли это. Фактически указанные деяния не причиняют вред отношениям в сфере социальной безопасности.

Как известно видовой объект всегда существует в одной парадигме с непосредственным.

Тем не менее, в нашем случае, это название главы двадцать четыре, то есть видовой объект находится не в сфере родового объекта хулиганства.

Как нам кажется, в этом случае законодатель поступил опрометчиво. Он соединил два таких разноречивых понятия как порядок общественной жизни и социальную безопасность и, исходя из названия главы, признал их в качестве составляющих родового объекта.

Исходя из этого, видим, что не было значимых обстоятельств делать этого. Поскольку составы преступных деяний, помещенные в рассматриваемую главу серьезно, разнятся.

На основании изложенного данные преступления должны быть помещены в самостоятельную главу криминального закона.

Теперь рассмотрим непосредственный объект указанных деяний. В уголовно-правовой науке сложилось такое мнение, что непосредственный объект связывается с конкретным общественным отношением, которому причиняется вред общественно опасным деянием.

Что касается мнения ученых по данному поводу, то некоторые из них даже предлагали считать, что хулиганство не имеет своего собственного непосредственного объекта.

Так, И.И. Косарев, исходя из этого, утверждал, что хулиганство необходимо исключить из числа уголовно-наказуемых деяний [2, с. 15].

Считаем, что это в корне не верно, поскольку уголовный закон прямо указывает, что при хулиганстве в первую очередь ущерб причиняется общественному порядку.

Таким образом, концепция многообъектности хулиганства в доктрине криминального права влечет целый ряд вопросов, особенно связанных с квалификацией.

Одним из главных вопросов в этом контексте стоит дополнительный объект хулиганства в статье 213 действующего криминального закона.

Рассмотрим его содержание. На сегодняшний день таковым является здоровье, честь, достоинство человека. В экстремистском хулиганстве таковыми являются отношения в области конституционных прав и свобод. То есть, имеется ввиду конституционный запрет на разжигание ненависти (политической, идеологической, расовой, религиозной и социальной).

Что касается дополнительного объекта такого квалифицирующего признака как сопротивление представителю власти или другому лицу, которое исполняет обязанности по охране общественного благополучия или пресекает его, то здесь им будет выступать нормальная деятельность перечисленных лиц.

Относительно следующегоотягчающего обстоятельства - с применением оружия, предметов которые могут использоваться в качестве таковых. Здесь дополнительным объектом может выступать здоровье граждан.

Переходим к рассмотрению следующего общественно опасного деяния, входящего в группу правонарушений против общественного благополучия. Это предумышленные действия, направленные на уничтожение или повреждение государственной или частной собственности. Его непосредственный объект состоит в общественном порядке. Существует и иные точки зрения на этот счет, но они незначительны.

Главной особенностью предумышленные действия, направленные на уничтожение или повреждение государственной или частной собственности является то, что правонарушение причиняет ущерб системе взаимосвязей в обществе и помимо этого причиняет ущерб нормальному обращению с общественным имуществом на транспорте, в зданиях, сооружениях и т.д. [3].

Рассматривая диспозицию статьи криминального закона, видим, что здесь дополнительными объектами могут быть следующие:

- отношения собственности;
- отношения в сфере общественной нравственности;
- отношения в сфере конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Здесь правонарушение воздействует на такой основной непосредственный объект в виде общественного благополучия опосредованно через один из дополнительных объектов или нескольких.

Как видим, в целом предумышленные действия, направленные на уничтожение или повреждение государственной или частной собственности пред-

ставляют из себя преступные действия, которые затрагивают нравственную сторону жизни общества.

Другая сторона предумышленных действий по уничтожению (повреждению) государственной или частной собственности состоит именно в осмысленности этих действий, которые основаны на аморальности, беспринципности и вообще отсутствии каких-либо нравственных принципов, игнорировании постороннего труда, вложенного в разрушаемое имущество.

Эта сторона предумышленных действий, направленных на уничтожение или повреждение государственной или частной собственности значительно преобладает над общественным порядком. А, как известно публичный порядок является основным объектом предумышленных действий, направленных на уничтожение или повреждение государственной или частной собственности, которому причиняется основной ущерб в ходе предумышленных действий по уничтожению (повреждению) государственной или частной собственности. Что же касается нравственного аспекта, то он зачастую не проявляется очень ярко и носит дополнительный характер.

Что же касается предмета этого правонарушения, то в качестве его могут выступать:

- здания, сооружения (жилые, спортивные, медицинские, учебные и т.д.);
- имущество в общественном транспорте;
- имущество в общественных местах.

Также в качестве предмета правонарушения могут быть разнообразные постройки, которые используются в общественных целях – мосты, заборы и другие сооружения.

Что же касается общественного транспорта, то в нем в качестве имущества выступают двери, окна, сиденья и т.д.

Осквернительным действиям могут подвергнуться любое имущество, находящееся как на транспорте, так и в любом общественном месте.

Под общественным транспортом понимается как пассажирский, так и муниципальный, а также любой другой транспорт, которым пользуются масса людей.

Характеризуя объективную сторону хулиганских действий, следует заметить, что ее содержание составляет:

- а) действия, нарушающие публичный порядок и
- б) свидетельствующие о явном неуважении к обществу.

Различают простое хулиганство – часть 1 статьи 213 криминального закона и экстремистское хулиганство – пункт б части 1 статьи 213.

Интересно мнение по этому поводу В. И. Зарубина, который сформулировал понятие общественного благополучия. Под ним он понимал общественно

опасное правонарушение, причиняющее значительный вред порядку в обществе. Правонарушение может выражаться в действиях, нарушающих нормальную деятельность различных организаций (предприятий, учреждений), а также посягающие на мораль и нравственность, и права и свободы граждан. Что же касается явного неуважения к обществу в контексте хулиганских действий, то здесь надо иметь ввиду, что это всегда не скрытые действия (открытые), которые осознаются как самим хулиганом, так и окружающими в целом [4, с. 25].

Нарушение общественного благополучия по своему трактует А. В. Рагулин.

Так, он грубое нарушение общественного благополучия связывает с отклонением от принятых в обществе правил поведения. В результате этого, нарушаются общественные отношения, закрепленные в действующей криминальной юстиции, содержащие запрет на нарушение спокойствия граждан и нормальную деятельность организаций и предприятий [5, с. 112].

Мы поддерживаем точку зрения В. И. Зарубина и А. В. Рагулина.

Однако, мы не соглашались с позицией В. В. Фомина. Он утверждает, что грубое нарушение общественного благополучия всегда связано с насилием (угрозой применения насилия) в процессе хулиганства (хулиганских действий) и уничтожением (повреждением) чужого имущества [6, с. 23].

По нашему мнению, признавать грубым нарушением общественного благополучия необходимо по факту его совершения. То есть необходимо учитывать следующие факторы:

- способ совершения;
- время;
- место.

Помимо этого хулиганские действия будут зависеть от их интенсивности, продолжительности и т.д.

Хулиганские действия могут быть совершены как в отношении конкретного человека, так и в отношении множества лиц.

Характеризуя явное неуважение к обществу, заметим, что оно как признак хулиганства заключается в следующем:

- нарушении норм и правил поведения в обществе;
- противопоставлению себя обществу;
- демонстрации пренебрежительного отношения к обществу;
- проявления буйства, силы и т.д.

Продолжая характеристику явного неуважения к обществу, напрашивается вопрос, что следует понимать под местом совершения хулиганских действий и что понимать под публичностью действий.

Следует заметить, что законодатель не закрепил в уголовном законе их в качестве обязательных.

Остановимся подробнее на месте совершения хулиганства. Теорией и практической деятельностью выработано правило, что местом совершения хулиганства могут быть как людные, так и безлюдные места. Людными местами могут быть кинотеатры, рестораны, кафе, площади, улицы, парки и тому подобное.

К безлюдным или малопосещаемым местам относятся:

- лес;
- свалка;
- пустырь;
- поселковая дорога;
- лужайка и т.д.

Здесь важно иметь ввиду, чтобы побуждение у виновного было хулиганским или ненавистным к какой - либо группе населения.

Теперь рассмотрим некоторые аспекты квалификации хулиганства. Представляет интерес хулиганские действия с применением оружия или предметов, приспособленных под оружие (угрозой применения). Здесь насилие имеет место в форме физического или психического и создается угроза (реальная) жизни и здоровью человека. В случае не приготовления оружия в боевое состояние – пригодное к стрельбе. То, тогда нет ни каких оснований вести речь о его применении. Поскольку под применением оружия всегда понимается использование его на поражение.

Используя для угрозы оружие или предметы под оружие виновный стремится взять на испуг потерпевшего, покуражиться над ним и тем самым унижить его.

Такие действия сопровождаются:

- в приведении затвора в боевое состояние и
- направлении оружия на жертву.

Такая угроза более устрашающая и приносит больший вред, нежели угроза без применения оружия. Это понятно.

В связи с этим полагаем, что в таких случаях угроза применения оружия, предметов под оружие, их демонстрация, манипуляция должны признаваться соответствующим признаком хулиганских действий (простого хулиганства) вне зависимости какие последствия наступят в результате этого.

Также считаем необходимым согласиться с мнением и считать способом совершения хулиганства незаконное использование пиротехнических средств при следующих обстоятельствах:

- в ночное время;
- в местах где могут находиться значительное число людей [6, с. 21].

Необходимо заметить, что по поводу причинения вреда потерпевшим в ходе хулиганских действий сопряженных с оружием или предметов под него, в среде ученых мнения разделились.

Так, В. В. Мальцев считает нерешенным вопрос о нормативном закреплении причинение различного вреда здоровью граждан в случае угрозы оружием или приспособленных под него предметов.

Он считает, что в случаях, связанных с применением оружия или предметов приспособленных под него, необходимо дополнительно вменять нормы уголовного закона соответственно это причинение тяжкого вреда здоровью или убийство. Они (посягательства) являются более опасными и не охватываются статьей о хулиганстве. Даже то обстоятельство, что в этих нормах указывается на хулиганский мотив в соответствующих квалифицирующих признаках не позволяет в должной мере регламентировать совершенного хулиганства при таких обстоятельствах [7, с. 67].

Простое хулиганство, закреплённое в уголовном законе предусматривает причинение вреда здоровью граждан в виде побоев и легкого вреда.

Как известно, предумышленное уничтожение чужого имущества, совершенного и из хулиганских побуждений квалифицируется по норме об уничтожении чужого имущества соответственно по ст. 167 ч. 2 уголовного закона. Когда же помимо уничтожения чужого имущества, виновный совершает хулиганские действия с оружием или предметами, приспособленными под него, то в таких случаях, имеет место совокупность правонарушений соответственно статьи 167 и 213 уголовного кодекса.

Объективной стороной хулиганских действий с оружием или предметами принято считать только совершенные действия. Бездействия в этом случае быть не может. Также хулиганские действия, выражающие неуважительное отношение к обществу, должны обязательно совершаться с оружием или предметами под него. Поскольку в противном случае налицо будет иметь место 2 общественно опасных действия.

Первое (хулиганские действия) будет оцениваться как мелкое хулиганство, а второе – оружие или предметы под оружие будет влечь криминальную ответственность за его хранение, ношение и т. д. по соответствующей статье уголовно-правового кодекса.

Теперь рассмотрим вопрос об оконченности хулиганства.

В теории уголовного права считается, что хулиганство считается оконченным в момент совершения следующих действий:

- которые сопряжены с нарушением (грубым) общественного благополучия и выражающим явное неуважение к обществу;

- которые совершены с применением оружия или предметов, приспособленных в качестве него;
- которые совершены по мотивам ненависти к различным группам населения.

Теперь рассмотрим состав преднамеренные действия, направленные на уничтожение или повреждение государственной или частной собственности. Объективной стороной данного правонарушения является 2 таких действия:

- осквернение зданий и сооружений и
- порча имущества.

Осквернение зданий, сооружений заключается:

- в изменении внешнего вида зданий или
- сооружений.

Тем самым причиняется вред этическим и эстетическим отношениям в обществе.

Порча имущества заключается в причинении вреда отношениям, связанным с нормальным оборотом имущества.

Под осквернением понимается выполнение:

- надписей различного толка;
- разнообразных рисунков;
- безнравственных надписей и т.д., на стенах зданий и сооружений.

Возникает вопрос, какие рисунки или надписи являются осквернением, а какие нет. Оценка производится по следующим критериям:

- а) по содержанию и смыслу действий.
- б) по доступности к зданиям и сооружениям, на которых размещены эти надписи и
- в) по возможности устранить материальные последствия осквернительных действий.

Надписи и рисунки на стенах зданий и сооружений могут быть вполне приемлемыми и даже носить патриотический характер. Как быть в таких случаях.

Состава уголовно наказуемого правонарушения не будет в следующих случаях:

- если они не нарушают действующих правил в обществе и
- соответствуют морали граждан.

Второй случай, когда осквернения не будет – это когда непристойные надписи и рисунки нанесены на:

- развалины какого – либо строения;
- ветхие домостроения (заброшенные общественные туалеты, разваливающиеся здания и т.п.)

Одно из неперемных условий для признания осквернения уголовно- наказуемым является посещаемость.

То есть осквернение будет иметь место в местах массового скопления людей, зданиях и сооружениях, в которых проводятся массовые мероприятия и других общественных местах.

Теперь рассмотрим действия, которые рассматриваются под порчей имущества. Это:

- а) частичное разрушение имущества;
- б) приведение в негодность имущества в городском, муниципальном транспорте или
- в) ухудшение качественных характеристик имущества в городском, муниципальном транспорте

Указанные действия создают реальную угрозу дальнейшей эксплуатации имущества без выполнения восстановительных работ.

При квалификации вандальных действий сталкиваемся с еще одной проблемой. Что следует понимать под общественным местом в предумышленных действиях, направленных на уничтожение или повреждение государственной или частной собственности.

Хулиганские и вандальные действия имеют разные трактовки общественного места.

При совершении вандальных действий это:

- а) городские здания, сооружения и прочие помещения;
- б) здания и сооружения, расположенные вне городской застройки.

В обоих случаях эти помещения должны быть предназначены для удовлетворения законных потребностей граждан.

Основные признаки общественного места:

- а) форма собственности (муниципальная);
- б) свободный доступ (граждан);
- в) функциональность, то есть удовлетворять потребности граждан.

Преступные вандальные действия могут причинить тяжкий вред, охраняемым законом зданиям и сооружениям. Он заключается:

- в крупном или
- значительном размере ущерба.

В таких случаях квалификация проводится по совокупности с умышленным уничтожением (повреждением) имущества.

Если же при вандализме помимо крупного (значительного) ущерба, присутствует корыстный мотив у виновного, то в таком случае квалификация производится по совокупности с такими корыстными деяниями.

Если виновный выполнил все действия, охватываемые вандализмом, причинил ущерб зданиям, сооружениям, но не в общественном месте, тогда это не будет уголовно наказуемым правонарушением.

Если же при таких обстоятельствах – не в общественном месте вандальные действия еще причинили крупный ущерб имуществу, тогда все содеянное должно квалифицироваться как умышленное уничтожение (повреждение) имущества.

Размер ущерба от вандальных действий высчитывается всегда в денежном выражении.

Предумышленные действия, направленные на уничтожение или повреждение государственной или частной собственности в отношении скульптуры или памятника также имеет стоимостное выражение, поскольку такие действия подпадают под криминальную ответственность за предумышленные действия, направленные на уничтожение или повреждение государственной или частной собственности.

Предумышленные действия, направленные на уничтожение или повреждение государственной или частной собственности рассчитаны на большой круг людей и при этом носят демонстративный характер, и рассчитаны на большой резонанс в обществе.

На степень общественной опасности предумышленные действия, направленные на уничтожение или повреждение государственной или частной собственности влияет предназначение здания, сооружения.

Чем значимее здание, сооружение в контексте социального назначения, тем выше общественная опасность данного правонарушения. При этом не играет важной роли, находятся ли эти объекты в городской черте или нет.

Следует отметить такую особенность, что в уголовном законе не указывается точного перечня объектов, которые могут быть подвергнуты вандальным или хулиганским действиям.

Правонарушения против общественного благополучия, в частности, предусматривающие криминальную ответственность за вандальные и хулиганские действия, не могут совершаться путем бездействия. Они всегда совершаются активными действиями.

В законодательном описании хулиганства нет указаний относительно предумышленных действий по уничтожению (повреждению) государственной или частной собственности – осквернения или порчи имущества, поэтому такие действия всегда должны квалифицироваться по соответствующей норме Особенной части УК, предусматривающей криминальную ответственность за предумышленные действия, направленные на уничтожение или повреждение государственной или частной собственности.

Следует отметить, что в отличие от преднамеренных действий, направленных на уничтожение или повреждение государственной или частной собственности, хулиганские действия всегда носят открытый характер. То есть, нарушающие порядок в обществе и при этом выражают явное неуважение к общественному порядку.

Разница с вандальными действиями у хулиганства состоит именно:

- в грубом нарушении порядка;
- игнорировании морали и
- игнорировании общепринятых правил.

Также преднамеренные действия, направленные на уничтожение или повреждение государственной или частной собственности от хулиганства, отличается тем, что при совершении преднамеренных действий по уничтожению (повреждению) государственной или частной собственности отсутствует практически всегда большое количество людей, т.е. нет публичности.

Из сказанного, можно сделать промежуточный вывод о том, что главным критерием разграничения преднамеренных действий по уничтожению (повреждению) государственной или частной собственности от хулиганских действий, является неочевидность совершения общественно опасного деяния.

На основании ранее изложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Порядок общественной жизни, являясь родовым объектом хулиганских действий, не соотносится с названием 24-й главы уголовного закона - безопасностью в обществе.

Поэтому считаем, что нахождение в рамках одной главы разноплановых по своему содержанию законопреступлений противоречащим традициям уголовного права.

2. Предлагаем на законодательном уровне решить вопрос о создании новой главы уголовного закона, которая бы содержала нормы об ответственности за деяния, которые причиняют вред общественному порядку.

3. Считаем у хулиганских и осквернительных действий имеются несколько объектов. А именно: один общий непосредственный в виде стабильности и благополучия в обществе.

Дополнительными же следует считать:

- в хулиганстве – отношения в сфере здоровья граждан;
- в вандальных деяниях – отношения собственности.

4. Предлагаем считать демонстрацию оружия (угрозу) при хулиганских действиях, с учетом всех возможных обстоятельств его применения в будущем, таким квалифицирующим признаком как хулиганство, совершенное с применением оружия.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. - № 25. - ст. 2954.
2. Косарев, И. И. Субъект хулиганства /И. И. Косарев // Вестник Московского университета МВД России. - 2012. - № 1. - С. 15 - 18.
3. Макаренко, М. М. Уголовная ответственность за вандализм: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Макаренко Михаил Михайлович. - М., 2016. - 219 с.
4. Зарубин, В. И. Уголовная ответственность за хулиганство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Зарубин Владимир Иванович. - М., 2011. - 28 с.
5. Рагулин, А. В. Хулиганство: уголовно-правовые аспекты: уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Рагулин Александр Владимирович. - Челябинск, 2015. - 212 с.
6. Фомин, В. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с хулиганством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Фомин Владимир Владимирович. - М., 2016. - 29 с.
7. Мальцев, В. Ответственность за хулиганство /В. Мальцев // Законность. - 2010. - № 7. - С. 67.

Strekalov Andrey Evgenievich

candidate of legal sciences,

Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines

Law Institute

GOU VO LPR "Lugansk State Vladimir Dahl University

e-mail: strekalov.andrey1@mail.ru

**CURRENT ASPECTS OF OBJECTIVE CHARACTERISTICS
OF CRIMES AGAINST PUBLIC ORDER**

This article examines current aspects of objective characteristics of crimes against public order in criminal law. The legal concept of the specific object of crimes against public order, as well as its role, content, and specific features, is defined. Various scholarly perspectives on the objective characteristics of crimes against public order are considered. The question of the finality of hooliganism is explored.

Keywords: criminal liability, crime, hooliganism, vandalism, criminal law.

Literature

1. Ugolovneey kodeks Rossiyskoy Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ //Sobranie zakonodatelystva Rossiyskoy Federacii. 17.06.1996. - № 25. - st. 2954.
2. Kosarev, I. I. Subekt huliganstva / I. I. Kosarev //Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. - 2012. - № 1. - S. 15 - 18.
3. Makarenko, M. M. Ugolovnaya otvetstvennosty za vandalizm: dis. ...kand. urid. nauk: 12.00.08 / Makarenko Mihail Mihaylovich. - М., 2016. - 219 s.

4. Zarubin, V.I. Ugolovnaya otvetstvennosty za huliganstvo: avtoref. dis. ... kand. urid. nauk: 12.00.08 / Zarubin Vladimir Ivanovich. - M., 2011. - 28 s.
5. Ragulin, A. V. Huliganstvo: ugovovno-pravoveye aspektee: dis. ... kand. urid. nauk: 12.00.08 / Ragulin Aleksandr Vladimirovich. – Chelyabinsk, - 212 s.
6. Fomin, V. V. Ugovovno-pravoveye I kriminologicheskije aspektee borybee s huliganstvom: avtoref. dis. ... kand. urid. nauk: 12.00.08 / Fomin Vladimir Vladimirovich. - M., 2016. - 29 s.
7. Malycev, V. Otvetstvennosty za huliganstvo / V. Malycev // Zakonnosty. - 2010. - № 7. - S. 67.

Толочко Денис Евгеньевич

студент 4 курса группы ЮИз-122

Юридического института

ФГБОУ ВО «Луганский государственный

университет имени Владимира Даля»

e-mail: tolochko.denis@bk.ru

Кафанова Ольга Владимировна

доцент кафедры конституционного

права и историко-правовых дисциплин

Юридического института

ФГБОУ ВО «Луганский государственный

университет имени Владимира Даля»

e-mail: marta.kaf@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье исследуется трансформация института уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод человека под влиянием процессов цифровизации. Анализируются современные вызовы, связанные с появлением новых объектов преступных посягательств (цифровые активы, данные, алгоритмы), изменением общественной опасности деяний, а также проблемы квалификации преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Особое внимание уделяется конституционным пределам цифровизации уголовного судопроизводства, проблеме допустимости электронных доказательств и обеспечению прав потерпевших в цифровой среде. На основе анализа научных доктрин, материалов правоприменительной практики и положений Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с помощью ИКТ, формулируются предложения по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, направленные на баланс между эффективностью борьбы с киберпреступностью и незыблемостью конституционных прав граждан.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, уголовно-правовая охрана, цифровизация, киберпреступность, цифровые права, электронные доказательства.

Начало XXI века ознаменовалось глубинной трансформацией всех сфер общественной жизни под воздействием цифровых технологий. Информа-

ционно-телекоммуникационная сеть «Интернет», системы искусственного интеллекта, технологии распределенного реестра (блокчейн) и цифровые финансовые активы стали, неотъемлемой частью реальности, породив как новые возможности для реализации прав и свобод, так и беспрецедентные угрозы. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина. Государство, будучи гарантом прав и свобод, обязано обеспечивать их защиту от преступных посягательств, в том числе совершаемых с использованием современных технологий. Как справедливо отмечает Э. Л. Сидоренко, «классическая модель, где уголовное право наказывало за свершившийся вред, уходит в прошлое. Сегодня мы формируем превентивную парадигму, направленную не на наказание за цифровое преступление, а на его предупреждение» [1, с. 45].

Цифровизация создает сложный комплекс вызовов для уголовного права. Во-первых, трансформируется объект преступного посягательства, наряду с традиционными благами (жизнь, здоровье, собственность) появляются новые ценности, требующие охраны — цифровая идентичность, виртуальные активы, персональные данные, нематериальные блага, существующие в цифровой форме.

Во-вторых, меняется характер общественной опасности деяний, преступления в цифровой среде отличаются высокой латентностью, трансграничностью, возможностью анонимизации и массовости потерпевших.

В-третьих, возникают сложности с квалификацией содеянного, установлением субъекта преступления и его вины, особенно в случаях использования автономных алгоритмов [2, с. 112-115].

Ответом на эти вызовы стало утверждение Правительством РФ Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с помощью информационно-коммуникационных технологий (распоряжение от 30 декабря 2024 г. № 4154-р). Целью системы является защита государства, общества и граждан от противоправных деяний, а в числе основных задач — повышение результативности расследования, обеспечение защищенности общества, в том числе безопасности персональных данных, и содействие восстановлению прав граждан [3].

Однако, как показывает практика, правовое регулирование не всегда успевает за технологическим развитием, что порождает риски нарушения конституционных прав как лиц, потерпевших от преступлений, так и лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

Цель настоящего исследования — комплексный анализ современных вызовов уголовно-правовой охране конституционных прав и свобод человека в условиях цифровизации, выявление проблем правоприменения и обоснование

предложений по совершенствованию законодательства. Методологическую основу составляют диалектический метод познания, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы анализа.

Конституция РФ, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), закрепляет широкий спектр прав и свобод, многие из которых реализуются сегодня в цифровой среде. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23), право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29), право на охрану здоровья (ст. 41) — все эти конституционные ценности требуют адекватной уголовно-правовой защиты в новых условиях [4].

Цифровая среда порождает новые предметы преступных посягательств, которые не всегда вписываются в традиционные конструкции уголовного закона. В науке обоснованно ставится вопрос о понимании общественной опасности в современном контексте. Как подчеркивает Э.Л. Сидоренко, «новое уголовное право защищает контроль над инфраструктурами: данными, платформами, токенами, алгоритмами. Общественная опасность сегодня — это не столько физический вред, сколько подрыв доверия к режимам доступа и распределения ресурсов» [1, с. 48].

Глава 19 Уголовного кодекса РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» содержит составы, призванные охранять наиболее значимые личные и политические права. Однако анализ диспозиций статей 137, 138, 140, 144.1 УК РФ показывает, что они были сформулированы в период, когда масштабы цифровизации были значительно скромнее [5].

Так, статья 137 УК РФ (Нарушение неприкосновенности частной жизни) предусматривает ответственность за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица. В условиях цифровизации собирание таких сведений может осуществляться автоматизированно, с использованием программ-шпионов, ботов, технологий сбора данных (парсинга) из открытых и закрытых источников, а также с помощью систем искусственного интеллекта, анализирующих поведение пользователя в сети [6, с. 33]. Возникает вопрос: охватывается ли действующей нормой автоматизированный сбор данных алгоритмом без непосредственного участия человека? Правоприменительная практика пока не дает однозначного ответа.

Особую сложность представляет уголовно-правовая охрана цифровых прав и цифровых активов. В соответствии со ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные

и иные права, содержанием и условиями, осуществления которых управляет информационная система.

Хищение криптовалюты, цифровых финансовых активов, токенов, не-взаимозаменяемых токенов (NFT) квалифицируется правоприменителями по-разному: как кража (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ) или неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). Такая неопределенность создает риск нарушения конституционного права частной собственности (ст. 35 Конституции РФ), поскольку потерпевший не всегда может получить адекватную судебную защиту своего нарушенного права [7, с. 217].

Необходимо либо внесение изменений в примечание к ст. 158 УК РФ с включением в предмет хищения цифровых активов, либо создание специальных составов преступлений в сфере оборота цифровых прав, как это предлагается рядом авторов [8, с. 58-60].

Еще одним вызовом является защита права на тайну переписки и иных сообщений (ст. 23 Конституции РФ) в мессенджерах и социальных сетях. Хотя ст. 138 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан, технически обеспечить доказывание такого нарушения крайне сложно. Кроме того, распространение практики использования сквозного шифрования (end-to-end encryption) создает ситуацию, когда даже владелец сервиса технически не имеет доступа к содержанию сообщений, что затрудняет расследование преступлений, но одновременно служит гарантией реализации конституционного права граждан [9, с. 91].

Цифровизация уголовного судопроизводства — объективный процесс, направленный на повышение оперативности и качества расследования, оптимизацию судебной нагрузки. Внедрение электронного документооборота, систем видео-конференц-связи (ВКС), электронных доказательств, автоматизированных систем распределения дел, а в перспективе — использование искусственного интеллекта для анализа доказательств, ставят вопрос о конституционных пределах таких нововведений.

Ключевой проблемой остается обеспечение права на справедливое судебное разбирательство (ст. 46 Конституции РФ) и права на защиту (ст. 48 Конституции РФ) в условиях цифровизации. Использование ВКС при допросе свидетелей или даже подсудимых, безусловно, ускоряет процесс и экономит ресурсы, однако может ограничивать возможность непосредственного восприятия судом поведения участника процесса, что важно для оценки достоверности показаний. Как отмечает Т. В. Сахнова, «непосредственность судебного разбирательства — это не просто формальный принцип, а фундаментальная

гарантия установления истины по делу» [10, с. 144]. Поэтому любое расширение практики дистанционного участия должно сопровождаться техническими и процессуальными гарантиями, обеспечивающими полноценную реализацию прав участников.

Отдельного внимания заслуживает проблема допустимости электронных доказательств. В условиях, когда все больше информации существует исключительно в цифровой форме (переписка в мессенджерах, файлы, размещенные в облачных хранилищах, логи действий в информационных системах), перед следствием и судом встает вопрос о надлежащем порядке их собирания, проверки и оценки. Нарушение порядка получения электронной информации, неправильное оформление протокола осмотра, отсутствие понятых или некорректное применение технических средств может повлечь признание доказательства недопустимым в силу ст. 75 УПК РФ, что, в свою очередь, может привести к нарушению прав потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда.

Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ в УПК РФ была введена ст. 164.1, регламентирующая особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий. Законодатель установил приоритет копирования информации перед изъятием носителя, если это не препятствует расследованию. Это важная гарантия прав законных владельцев информации. Однако на практике возникают споры о том, что именно считать электронным носителем, каков порядок приобщения к делу информации, полученной от операторов связи или владельцев информационных систем, а также как обеспечить аутентичность (подлинность) электронных доказательств при их многократном копировании [11, с. 25-27].

Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве порождает комплекс конституционно-правовых рисков. Во-первых, это проблема — невозможности полностью проверить алгоритм, на основе которого ИИ пришел к тому или иному выводу.

Во-вторых, риск предвзятости (bias) алгоритмов, обученных на исторических данных, которые могут содержать дискриминационные паттерны.

В-третьих, вопрос о том, кто несет ответственность за ошибку, допущенную системой ИИ. Внедрение любых автоматизированных систем в уголовный процесс должно осуществляться исключительно как вспомогательный инструмент для человека (следователя, судьи), не подменяющий его процессуальную самостоятельность и внутреннее убеждение, основанное на совокупности доказательств. Любое решение, затрагивающее конституционные права человека (например, об избрании меры пресечения или о признании виновным), должно приниматься исключительно человеком и быть им мотивировано.

Киберпреступность причиняет вред не только имущественным интересам, но и личным неимущественным правам граждан. Речь идет о распространении заведомо ложной информации (клевета) в цифровой среде (ст. 128.1 УК РФ), нарушении авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ), доведении до самоубийства через социальные сети (ст. 110 УК РФ), склонении к потреблению наркотиков (ст. 230 УК РФ) и иных преступлениях, совершаемых с использованием интернета. Во всех этих случаях лицо признается потерпевшим (ст. 42 УПК РФ) и наделяется соответствующими правами [12].

Однако реализация прав потерпевшего по уголовному делу о киберпреступлении сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, это высокая латентность таких преступлений и сложность установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Использование анонимайзеров, VPN-сервисов, криптовалют, даркнета затрудняет идентификацию преступника. Во-вторых, это трансграничный характер многих деяний, когда преступник, потерпевший, серверы и деньги находятся в разных юрисдикциях.

Это требует сложных процедур международного сотрудничества, запросов о правовой помощи, которые могут длиться годами. В-третьих, это проблема возмещения вреда. Даже если преступник установлен, похищенные средства могут быть легализованы, переведены в криптовалюту и выведены за рубеж, что делает фактическое взыскание крайне затруднительным.

В этой связи особую значимость приобретает задача обеспечения компенсации потерпевшим. Концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с помощью ИКТ, прямо указывает на необходимость содействия восстановлению прав граждан [6]. Однако механизм такой компенсации пока не разработан. Целесообразно рассмотреть возможность создания специализированного компенсационного фонда для жертв киберпреступлений, средства которого формировались бы, в том числе, за счет конфискованных доходов от киберпреступной деятельности.

Также важным направлением является совершенствование института гражданского иска в уголовном процессе, включая возможность наложения ареста на цифровые активы подозреваемого на ранних этапах расследования.

Кроме того, потерпевшие по делам о киберпреступлениях часто нуждаются не только в материальной компенсации, но и в защите чести, достоинства, деловой репутации, удалении порочащей информации из сети. Действующий УПК РФ не содержит эффективных механизмов оперативного восстановления таких прав в ходе предварительного расследования. Потерпевший вынужден обращаться с иском в порядке гражданского судопроизводства, что затягивает защиту его прав. Представляется, что суд в рамках уголовного дела мог бы быть наделен правом вынесения решения об обязанности владельца сайта или

информационного ресурса удалить соответствующую информацию, признанную судом порочащей или запрещенной, как это уже практикуется по делам о защите авторских прав.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что процессы цифровизации оказывают существенное влияние на состояние уголовно-правовой охраны конституционных прав и свобод человека, порождая как новые возможности, так и серьезные риски.

Традиционные подходы, закрепленные в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, не всегда адекватны современным реалиям, что требует их адаптации с учетом технологического развития, но при неуклонном соблюдении конституционных гарантий.

Целесообразность предложенных мер обусловлена необходимостью обеспечения реальной, а не декларативной защиты прав граждан в цифровую эпоху. Внесение изменений в уголовное законодательство в части уточнения предмета преступлений против собственности и конституционных прав с включением цифровых активов и цифровых прав, а также разработка специальных составов преступлений в сфере оборота цифровых прав позволит устранить неопределенность квалификации и обеспечить принцип неотвратимости ответственности.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в части регламентации порядка получения, проверки и оценки электронных доказательств, создания механизмов оперативного удаления порочащей информации из сети, а также формирования компенсационных механизмов для жертв киберпреступлений будет способствовать реализации конституционного права на судебную защиту и доступ к правосудию.

Крайне важным представляется сохранение баланса между расширением полномочий правоохранительных органов в цифровой среде, необходимым для эффективной борьбы с преступностью, и гарантиями прав личности на неприкосновенность частной жизни, тайну сообщений и справедливое правосудие. Любые законодательные новации в этой сфере должны проходить тщательную конституционно-правовую экспертизу и широкое общественное обсуждение.

Перспективными направлениями дальнейших научных исследований являются вопросы уголовной ответственности за деяния, совершенные с использованием технологий искусственного интеллекта, проблемы юрисдикции в метавселенных, а также международно-правовое сотрудничество в противодействии транснациональной киберпреступности в контексте защиты прав человека.

Литература

1. Сидоренко Э.Л. Цифровое уголовное право: тенденции и перспективы развития / Э.Л. Сидоренко // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2022. – № 5 (52). – С. 44-52.
2. Батурин Ю.М. Право и киберпространство: теоретические проблемы / Ю.М. Батурин // Государство и право. – 2020. – № 7. – С. 110-119.
3. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с помощью информационно-коммуникационных технологий» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 2. – Ст. 451.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2022 года [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 01.03.2026).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
6. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике / В.В. Архипов, В.Б. Наумов // Труды Института государства и права РАН. – 2017. – Т. 12. – № 5. – С. 30-45.
7. Трунцевский Ю.В. Защита цифровых прав граждан в уголовном судопроизводстве / Ю.В. Трунцевский // Журнал российского права. – 2023. – № 4. – С. 215-228.
8. Карпов К.Н. Цифровые права как предмет хищения: проблемы квалификации / К.Н. Карпов // Российская юстиция. – 2023. – № 2. – С. 56-63.
9. Рассолов И.М. Право и киберпространство / И.М. Рассолов. – М.: Норма, 2021. – 320 с.
10. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. – М.: Статут, 2021. – 760 с.
11. Шестак В.А. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы допустимости / В.А. Шестак // Уголовный процесс. – 2024. – № 3. – С. 22-29.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

Tolochko Denis Evgenievich

4th year student, group YUIz-122

Law Institute

Vladimir Dahl Lugansk State University

e-mail: tolochko.denis@bk.ru

Kafanova Olga Vladimirovna

Associate Professor of the Department of Constitutional Law and Historical and

Legal Disciplines

Law Institute

Vladimir Dahl Lugansk State University

e-mail: marta.kaf@mail.ru

CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF CONSTITUTIONAL HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS: MODERN CHALLENGES AND TRENDS OF DIGITALIZATION

The article examines the transformation of the institution of criminal legal protection of constitutional human rights and freedoms under the influence of digitalization processes. It analyzes modern challenges associated with the emergence of new objects of criminal encroachment (digital assets, data, algorithms), changes in the public danger of acts, as well as problems of qualifying crimes committed using information and communication technologies.

Special attention is paid to the constitutional limits of digitalization of criminal proceedings, the problem of the admissibility of electronic evidence, and ensuring the rights of victims in the digital environment. Based on the analysis of scientific doctrines, materials of law enforcement practice, and provisions of the Concept of the State System for Countering Illegal Acts Committed with the Help of Information and Communication Technologies, proposals are formulated for improving criminal and criminal procedure legislation, aimed at balancing the effectiveness of combating cybercrime and the inviolability of constitutional rights of citizens.

Key words: constitutional rights and freedoms, criminal legal protection, digitalization, cybercrime, digital rights, electronic evidence.

Literatura

1. Sidorenko Eh.L. Cifrovoye ugovnoye pravo: tendentsii i perspektivy razvitiya / Eh. L. Sidorenko // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. – 2022. – № 5 (52). – S. 44-52.

2. Baturin Yu.M. Pravo i kiberprostranstvo: teoreticheskie problemy / Yu. M. Baturin // Gosudarstvo i pravo. – 2020. – № 7. – S. 110-119.

3. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 30.12.2024 № 4154-r «Ob utverzhdenii Konceptcii gosudarstvennoj sistemy protivodejstviya protivopravnym deyaniyam,

sovershaemym s pomoshch'yu informacionno-kommunikacionnykh tekhnologiJ» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2025. – № 2. – St. 451.

4. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossijskogo golosovaniya 1 iyulya 2022 goda [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (data obrashcheniya: 01.03.2026).

5. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 29.12.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – № 25. – St. 2954.

6. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Iskusstvennyj intellekt i avtonomnye ustrojstva v kontekste prava: o razrabotke pervogo v Rossii zakona o robototekhnike / V.V. Arkhipov, V.B. Naumov // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. – 2017. – T. 12. – № 5. – S. 30-45.

7. Truncevskij Yu.V. Zashchita cifrovykh prav grazhdan v ugovnom sudoproizvodstve / Yu.V. Truncevskij // Zhurnal rossijskogo prava. – 2023. – № 4. – S. 215-228.

8. Karpov K.N. Cifrovye prava kak predmet khishcheniya: problemy kvalifikacii / K.N. Karpov // Rossijskaya yusticiya. – 2023. – № 2. – S. 56-63.

9. Rassolov I.M. Pravo i kiberprostranstvo / I.M. Rassolov. – M.: Norma, 2021. – 320 s.

10. Sakhnova T.V. Kurs grazhdanskogo processa / T.V. Sakhnova. – M.: Statut, 2021. – 760 s.

11. Shestak V.A. Elektronnye dokazatel'stva v ugovnom processe: problemy dopustimosti / V.A. Shestak // Ugolovnyj process. – 2024. – № 3. – S. 22-29.

12. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 29.12.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2001. – № 52 (ch. I). – St. 4921.

Толочко Денис Евгеньевич

студент 4 курса группы ЮИз-122

Юридического института

ФГБОУ ВО «Луганский государственный

университет имени Владимира Даля»

e-mail: tolochko.denis@bk.ru

Акулич Анатолий Валентинович

кандидат юридических наук

доцент, кафедры прокурорско-

следственной деятельности

Институт гражданской защиты

ФГБОУ ВО «Луганский государственный

университет имени Владимира Даля»

e-mail: tolik.akulich.80@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ, НЕ ИСКЛЮЧАЮЩИМИ ВМЕНЯЕМОСТИ

В представленной статье проводится комплексный анализ проблем уголовной ответственности и применения мер уголовно-правового характера в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости («ограниченно вменяемых»). Рассматриваются исторические аспекты формирования понятия «уменьшенной вменяемости» в науке уголовного права, а также современное состояние правового регулирования, предусмотренного ст. 22 УК РФ.

Особое внимание уделяется проблеме двойственного положения таких лиц: с одной стороны, они признаются субъектами преступления и подлежат наказанию, с другой — нуждаются в медицинском вмешательстве. Авторами анализируются проблемы назначения наказания и принудительных мер медицинского характера, а также исполнения этих мер в местах лишения свободы.

На основе анализа, теоретических источников и зарубежного опыта формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства, включая создание специализированных пенитенциарных учреждений и внедрение новых форм контроля. Научная новизна работы заключается в междисциплинарном подходе к проблеме, сочетающем юридический, психиатрический и криминологический анализ.

Ключевые слова: ограниченная вменяемость, психические расстройства, ст. 22 УК РФ, уголовная ответственность, принудительные меры медицинского характера, пенитенциарная психиатрия.

Актуальность темы исследования обусловлена устойчивой тенденцией к росту числа лиц с психическими аномалиями, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. Как справедливо отмечают Б. А. Спасенников, А. М. Смирнов и А. Н. Тихомиров, создание целостной концепции уголовной ответственности и наказания лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, является одной из наиболее значимых и далеко не решенных проблем юридической науки [1, с. 26].

Правоприменительная практика сталкивается с серьезными трудностями при реализации положений ст. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), которая закрепляет правило об ответственности таких лиц. Неопределенность критериев оценки степени влияния психического расстройства на поведение, неясность в соотношении целей наказания и целей принудительного лечения, а также отсутствие специализированной системы исполнения наказания для данной категории осужденных порождают проблемы, как на этапе назначения наказания, так и в процессе его исполнения.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступлений лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости. Предмет исследования — нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующие особенности ответственности и применения, принудительных мер медицинского характера к указанной категории лиц, практика их применения, а также научные концепции по данной проблеме.

Целью работы является разработка теоретических положений и практических рекомендаций по совершенствованию уголовно-правового воздействия в отношении лиц с психическими аномалиями, не исключающими вменяемости.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

проанализировать эволюцию и современное состояние учения об ограниченной вменяемости;

выявить проблемы толкования и применения ст. 22 УК РФ;

исследовать правовую природу принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания;

разработать предложения по оптимизации уголовной политики в рассматриваемой сфере.

В работе использованы общенаучные (системный анализ, логический метод, обобщение, интерпретация) и частнонаучные методы: формально-юридический.

ческий, сравнительно-правовой, а также метод логического анализа. В работе использован междисциплинарный подход, сочетающий достижения уголовного права, криминологии и судебной психиатрии.

Проблема ответственности лиц, которые не могут в полной мере осознавать свои действия или руководить ими вследствие психического расстройства, но при этом не являются полностью невменяемыми, имеет давнюю историю. В дореволюционном российском праве существовало понятие «уменьшенной вменяемости», которое, однако, не получило широкого распространения в законодательстве, но активно обсуждалось в доктрине. В советский период длительное время господствовал подход, отрицающий необходимость выделения «промежуточного» состояния между вменяемостью и невменяемостью, поскольку это рассматривалось как отступление от принципа вины.

Однако практика неизбежно сталкивалась с наличием у субъектов преступления разнообразных психических аномалий (психопатии, неврозы, последствия черепно-мозговых травм, олигофрении в легкой степени), которые не лишали лицо способности отдавать отчет в своих действиях, но существенно влияли на его поведение, облегчая совершение преступления или снижая способность к волевому контролю.

Легальное закрепление данный институт получил лишь в УК РФ 1996 года. Статья 22 УК РФ установила, что «вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности». При этом данное обстоятельство учитывается судом при назначении наказания и служит основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.

Как справедливо отмечает М.Й. Муркштис, ограниченная вменяемость состоит в том, что субъект мог осознавать направленность своих действий, но из-за наличия отдельных психических проблем (например, аффективных или эмоциональных) он не мог понимать значение своих действий в полном объеме [2, с. 297]. Важно подчеркнуть, что законодатель использует формулу «не могло в полной мере», что указывает на сохранность способности к осознанию и руководству, но с определенными ограничениями. Это отличает данное состояние от невменяемости, где способность к осознанию или руководству отсутствует полностью.

В уголовном праве продолжают дискуссии относительно юридической природы данной нормы. Ряд авторов рассматривают состояние, предусмотренное ст. 22 УК РФ, как особый вид вменяемости так называемая «пограничная» или «психиатрическая» вменяемость.

Другие настаивают на выделении самостоятельного института «ограниченной вменяемости», который является промежуточным звеном между вменяемостью и невменяемостью. Анализ положений закона позволяет утверждать, что законодатель не вводит третьего состояния субъекта, а лишь конкретизирует особенности уголовной ответственности в рамках общего понятия вменяемости [3, с. 125]. Лицо признается вменяемым, но наличие психического расстройства требует учета этого факта при определении меры ответственности и применении лечения.

Для правильного применения ст. 22 УК РФ необходимо четкое понимание ее структуры, которая, как и в случае с невменяемостью (ст. 21 УК РФ), предполагает наличие двух критериев: медицинского (биологического) и юридического (психологического). Однако содержание этих критериев имеет существенную специфику.

Медицинский критерий ограниченной вменяемости охватывает те же виды психических расстройств, что и при невменяемости: хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие, иное болезненное состояние психики.

Ключевое отличие заключается не в характере расстройства, а в его глубине и степени влияния на интеллектуальную и волевую сферы. Расстройство должно быть таким, что оно не исключает способности осознавать фактический характер и общественную опасность деяния либо руководить им, а лишь препятствует реализации этой способности в полной мере.

Как указывает профессор А. Ю. Березанцев в своем учебнике по судебной психиатрии, экспертная оценка таких состояний представляет наибольшую сложность, поскольку требует не просто констатации наличия психической патологии, но и определения степени ее влияния на конкретное поведение лица в юридически значимой ситуации [4, с. 215]. На практике это чаще всего расстройства личности (психопатии), органические поражения головного мозга различного генеза, легкая умственная отсталость, невротические расстройства.

Юридический критерий ограниченной вменяемости также имеет два признака: интеллектуальный (невозможность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий) и волевой (невозможность в полной мере руководить своими действиями). Для применения ст. 22 УК РФ достаточно наличия одного из этих признаков в сочетании с медицинским критерием. В отличие от невменяемости, где требуется полная невозможность осознания или руководства, при ограниченной вменяемости речь идет о снижении, ограничении этой способности. Как отмечает Р. В. Беличенко, разграничение биологического и юридического критериев в данном контексте приобретает особое значение, так как позволяет дифференцировать

степень влияния психического расстройства на способность лица быть субъектом преступления [5, с. 50].

Проблема заключается в отсутствии в законе четких ориентиров для определения степени «неполноты» осознания или руководства. Это неизбежно ведет к тому, что решение вопроса в значительной мере зависит от усмотрения судебно-психиатрических экспертов и судей, что порождает риски субъективизма и судебных ошибок. Необходима разработка и законодательное закрепление более четких критериев, возможно, с использованием клинических шкал оценки степени выраженности психических нарушений.

Закон предписывает суду учитывать психическое расстройство, не исключаящее вменяемости, при назначении наказания. Однако характер и пределы такого учета в законе не раскрыты. Анализ судебной практики показывает, что суды чаще всего рассматривают наличие такого расстройства как обстоятельство, смягчающее наказание, либо как основание для применения положений ст. 61 УК РФ в качестве иных обстоятельств, характеризующих личность виновного.

Однако, как справедливо указывает автор одной из статей в Вестнике Санкт-Петербургского университета МВД России, применяемый гуманистический подход не во всех случаях является эффективным [6, с. 66]. С одной стороны, снижение способности к контролю за своим поведением объективно уменьшает степень вины лица, что должно влечь за собой смягчение ответственности. С другой стороны, наличие психического расстройства может свидетельствовать о повышенной общественной опасности личности, ее склонности к совершению повторных правонарушений в силу патологических особенностей психики. Это противоречие порождает проблему выбора приоритетов: кара или лечение, гуманизм или общественная безопасность.

Колосова В.И. и Поднебесный А.Н. поднимают важный вопрос о том, каким образом суды должны учитывать данное обстоятельство: как обязательное смягчающее обстоятельство, как факультативное или как основание для индивидуализации наказания без жесткой привязки к смягчению [7, с. 64]. Анализ приговоров показывает, что суды зачастую лишь констатируют наличие расстройства со ссылкой на заключение экспертизы, но не мотивируют, каким образом это повлияло на вид и размер наказания. Представляется, что учет психического расстройства должен быть многоаспектным. Он может влиять:

1. На степень общественной опасности деяния (если расстройство способствовало его совершению).
2. На характеристику личности виновного (наличие заболевания, нуждаемость в лечении).

3. На выбор вида наказания (например, приоритет лечения перед изоляцией от общества).

4. На размер наказания (смягчение в силу пониженной способности к осознанно-волевому контролю).

Ключевой проблемой применения ст. 22 УК РФ является отсутствие законодательно закрепленной модели влияния психического расстройства на наказание. Это приводит к чрезмерно широкому судебскому усмотрению и, как следствие, к нарушению принципа справедливости и единства судебной практики. В одном регионе наличие расстройства может повлечь существенное смягчение приговора, в другом — не оказать никакого влияния, в третьем — даже стать скрытым основанием для назначения более строгого наказания из-за негативной оценки личности.

В теории уголовного права предлагаются различные варианты решения этой проблемы. Один из них — законодательное закрепление положения о том, что наличие психического расстройства, не исключающего вменяемости, является обязательным смягчающим обстоятельством. Другой вариант — создание специальных правил назначения наказания для таких лиц, возможно, с ограничением применения наиболее строгих видов наказания. Третий вариант, который представляется наиболее перспективным, связан с использованием консеквенциалистского подхода [7, с. 67].

Консеквенциализм в праве оценивает правовые институты и решения исходя из их последствий, применительно к рассматриваемой проблеме это означает, что при назначении наказания суд должен ориентироваться не столько на формальную оценку степени вины, сколько на достижение конкретных социально полезных результатов: исправление осужденного, предупреждение новых преступлений, улучшение его психического состояния. В этом контексте приоритетными становятся не карательные, а лечебные и профилактические меры. Суд должен выбрать такое наказание и такие сопутствующие меры, которые с наибольшей вероятностью приведут к снижению общественной опасности лица. Для одних категорий ограниченно вменяемых это может быть лечение в стационарных условиях, соединенное с наказанием, для других — интенсивное наблюдение по месту жительства, для третьих — традиционное наказание, но с обязательным психотерапевтическим сопровождением.

Однако реализация такого подхода требует наличия развитой инфраструктуры, подготовленных кадров и четких клинических и криминологических прогнозов. Более того, консеквенциализм несет в себе риск неоправданного расширения государственного принуждения под видом «заботы» о лице. Поэтому любые шаги в этом направлении должны быть жестко регламентированы законом и обеспечены процессуальными гарантиями.

В соответствии с ч. 2 ст. 22 УК РФ, лицам с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, суд наряду с наказанием может назначить принудительную меру медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра. Данная норма носит диспозитивный характер (суд «может назначить», а не «обязан назначить»), что также порождает проблемы в правоприменении.

Основанием для назначения таких мер является наличие психического расстройства, связанного с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц [5, с. 312]. Иными словами, основанием служит не сам факт расстройства, а обусловленная им повышенная вероятность совершения новых общественно опасных деяний. Целями применения принудительных мер являются улучшение психического состояния лица или его излечение, а также предупреждение совершения им новых преступлений.

Важно подчеркнуть, что принудительное лечение в данном случае не является наказанием. Оно не выражает отрицательную оценку деяния со стороны государства, не содержит кары и не направлено на исправление в уголовно-правовом смысле. Это иная мера уголовно-правового характера, преследующая специальные цели медицинского и профилактического характера. А. В. Васеловская обращает внимание на сложность реализации этих мер ввиду их двойственной правовой природы: они сочетают в себе элементы принуждения, присущего уголовному праву, и лечебный процесс, регулируемый нормами здравоохранения [1, с. 299].

На практике суды назначают данную меру далеко не во всех случаях установления состояния, предусмотренного ст. 22 УК РФ.

Часто суды ограничиваются лишь учетом расстройства как смягчающего обстоятельства, игнорируя необходимость лечения. Это происходит как из-за непонимания важности медицинского вмешательства для данной категории лиц, так и из-за отсутствия реальной возможности контроля за исполнением амбулаторного лечения, особенно если лицо осуждается к наказанию, не связанному с лишением свободы.

Наиболее сложная ситуация складывается с исполнением принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, осужденных к лишению свободы. Согласно ст. 18 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ), к осужденным, страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, учреждениями, исполняющими наказания, по решению медицинской комиссии применяются принудительные меры медицинского характера.

Однако пенитенциарная система России не приспособлена для эффективного лечения данной категории осужденных. Как отмечается в литературе, в исправительных учреждениях отсутствуют необходимые условия: специализированные отделения, подготовленный персонал (психиатры, психотерапевты, медицинские психологи), современные лекарственные средства и психотерапевтические программы [6, с. 145]. Лечение зачастую сводится к медикаментозной терапии, которая не всегда проводится в полном объеме и с необходимой регулярностью. Психокоррекционная работа, крайне важная для лиц с расстройствами личности, практически отсутствует.

Б. А. Спасенников и его соавторы обоснованно ставят вопрос о необходимости создания специализированных пенитенциарных учреждений (или специализированных участков) для отбывания наказания осужденными с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости [6, с. 158].

В таких учреждениях режим отбывания наказания должен быть органично соединен с лечебно-реабилитационным процессом. Режим должен не только изолировать осужденного и обеспечивать охрану, но и создавать условия для лечения, поддерживать терапевтическую среду. Целесообразно создание психиатрических пенитенциарных центров, которые находились бы в ведении ФСИН России, но функционировали при активном участии Министерства здравоохранения, с привлечением врачей-психиатров и клинических психологов.

Еще одна проблема — сроки применения принудительных мер. В законе не определено, как долго должно продолжаться лечение в местах лишения свободы. Формально оно назначается на время отбывания наказания, но может быть прекращено судом по представлению органа здравоохранения в случае улучшения состояния. Однако механизм такого досрочного прекращения сложен и практически не работает. Также не решен вопрос о продолжении лечения после освобождения, если лицо в нем нуждается, но выходит на свободу без обязательств по дальнейшему наблюдению.

Современное развитие нейронаук (нейробиологии, нейропсихологии, когнитивной нейронауки) открывает новые перспективы для более точной диагностики и оценки психических расстройств. Как отмечается в зарубежной литературе, данные нейровизуализации и нейрофизиологических исследований могут предоставить важную информацию о состоянии мозга, наличии органических поражений, особенностях функционирования лобных долей, отвечающих за контроль поведения [7, с. 68].

Использование объективных нейронаучных данных в судебно-психиатрической экспертизе могло бы существенно повысить обоснованность выводов о наличии и степени выраженности психического расстройства, а также о его влиянии на способность к осознанно-волевому контролю в момент совершения

преступления. Это позволило бы минимизировать субъективизм экспертных оценок и перейти к более дифференцированному подходу в рамках ст. 22 УК РФ.

Однако внедрение нейронаук в уголовный процесс сопряжено с серьезными этическими и правовыми проблемами. Во-первых, современные нейронаучные методы не обладают абсолютной точностью, и их интерпретация требует высокой квалификации. Во-вторых, возникает опасность биологизаторского подхода к преступному поведению, когда свобода воли человека ставится под сомнение, а ответственность перекладывается на особенности мозга.

Это может привести к неоправданному расширению категории ограниченно вменяемых и к нарушению принципа личной ответственности. Как справедливо предупреждают исследователи, революции в этом вопросе пока не произошло, и нейронаука должна служить лишь дополнительным инструментом в руках эксперта, а не заменять собой юридические критерии.

На основе проведенного анализа можно сформулировать ряд предложений по совершенствованию уголовно-правового воздействия в отношении лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

Во-первых, представляется целесообразным уточнить редакцию ст. 22 УК РФ, закрепив обязательность учета психического расстройства при назначении наказания. Целесообразно дополнить ст. 61 УК РФ частью второй следующего содержания: «При назначении наказания лицу, признанному ограниченно вменяемым на основании ст. 22 настоящего Кодекса, данное обстоятельство признается смягчающим, если суд не установит, что характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного требуют иного подхода, о чем в приговоре должны быть приведены мотивированные основания». Это обяжет судью каждый раз давать оценку влиянию расстройства на ответственность и обосновывать свое решение.

Во-вторых, необходимо изменить диспозитивный характер назначения принудительных мер медицинского характера для данной категории лиц. Пункт 2 ст. 22 УК РФ следует изложить в редакции: «Таким лицам суд назначает принудительную меру медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях, за исключением случаев, когда по заключению судебно-психиатрической экспертизы лицо в таком лечении не нуждается». Это сместит акцент с усмотрения суда на заключение экспертов, которые обладают специальными знаниями о нуждаемости в лечении.

В-третьих, требуется разработка и принятие ведомственной программы ФСИН России совместно с Минздравом России по созданию специализированных исправительных учреждений (медицинских исправительных колоний

или специализированных участков) для осужденных с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. В этих учреждениях должны быть созданы условия для полноценного лечения, психокоррекционной работы и социально-психологической реабилитации.

В-четвертых, актуальным представляется введение института пробационного приговора для лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести и нуждающихся в лечении. Такой приговор предполагал бы отсрочку исполнения наказания или назначение наказания, не связанного с лишением свободы, под условием прохождения курса лечения и наблюдения у психиатра по месту жительства. Контроль за выполнением этого условия должен осуществляться уголовно-исполнительной инспекцией совместно с психиатрической службой. Невыполнение условия (уклонение от лечения) должно влечь замену наказания на реальное лишение свободы. Такой подход, широко применяемый в зарубежных странах, позволяет избежать изоляции от общества, которая для лиц с психическими расстройствами часто является дополнительным травмирующим фактором, и одновременно обеспечить общественную безопасность.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, находится в стадии активного развития, но сталкивается с серьезными проблемами теоретического и практического характера. Законодательная модель, закрепленная в ст. 22 УК РФ, создала правовую основу для дифференцированного подхода к этой категории субъектов, однако механизмы реализации этой модели остаются несовершенными.

Основная проблема заключается в отсутствии четких критериев оценки степени влияния психического расстройства на поведение и вину лица, а также в неразвитости системы исполнения принудительных мер медицинского характера, соединенных с наказанием. Судебная практика демонстрирует формальный подход к применению ст. 22 УК РФ, что нивелирует ее потенциал как инструмента индивидуализации ответственности и предупреждения преступлений.

Перспективными направлениями развития данного института являются:

- совершенствование законодательной техники (закрепление обязательности учета расстройства при назначении наказания и нуждаемости в лечении);
- создание специализированной пенитенциарной инфраструктуры для лечения и содержания данной категории осужденных;
- внедрение альтернативных лишению свободы форм контроля, сочетающих надзор с обязательным лечением (пробационные приговоры);
- интеграция в экспертную практику объективных данных нейронаук при сохранении ведущей роли клинической оценки.

Решение этих задач позволит обеспечить баланс между реализацией принципа гуманизма по отношению к лицам, страдающим психическими расстройствами, и защитой интересов общества от преступных посягательств.

Литература

1. Спасенников Б. А. Уголовная ответственность и наказание лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости / Б. А. Спасенников, А. М. Смирнов, А. Н. Тихомиров. М.: Юрлитинформ, 2020. 256 с.
2. Муркштис М. Й. К вопросу об ограниченной вменяемости / М. Й. Муркштис // Молодой ученый. 2022. № 48 (443). С. 296-299.
3. Назаренко Г. В. Уголовно-релевантные психические состояния: уголовный и криминологический аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 192 с.
4. Березанцев А. Ю. Судебная психиатрия: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 581 с.
5. Беличенко Р. В. Теоретические и практические проблемы применения статьи 22 Уголовного кодекса Российской Федерации / Р. В. Беличенко // Российский судья. 2021. № 5. С. 49-54.
6. Спасенников Б. А. Принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания / Б. А. Спасенников, А. Н. Тихомиров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 143-149.
7. Колосова В. И. Проблемы назначения наказания лицам с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости / В. И. Колосова, А. Н. Поднебесный // Уголовное право. 2023. № 3. С. 62-69.

Denis E. Tolochko

4th-year Student, Group YUIz-122

Law Institute

Vladimir Dahl Lugansk State University

e-mail: tolochko.denis@bk.ru

Anatoly V. Akulich

Candidate of Legal Sciences

Associate Professor, Department of Prosecutorial

and Investigative Activities

Institute of Civil Protection

Vladimir Dahl Lugansk State University

e-mail: tolik.akulich.80@mail.ru

CRIMINAL LAW IMPACT ON PERSONS WITH MENTAL DISORDERS NOT EXCLUDING SANITY

This article provides a comprehensive analysis of the issues surrounding criminal liability and the application of criminal law measures concerning persons suffering from mental disorders that do not exclude sanity (“persons of diminished responsibility”). The authors examine the historical development of the concept of “diminished responsibility” in the science of criminal law, as well as the current state of legal regulation provided for in Article 22 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Special attention is paid to the problem of the dual status of such persons: on one hand, they are recognized as subjects of a crime and are subject to punishment; on the other, they require medical intervention. The authors analyze the problems associated with imposing punishment and compulsory medical measures, as well as the implementation of these measures in places of detention.

Based on analysis, theoretical sources, and foreign experience, proposals are formulated for improving criminal legislation, including the creation of specialized penitentiary institutions and the introduction of new forms of control. The scientific novelty of the work lies in its interdisciplinary approach to the problem, combining legal, psychiatric, and criminological analysis.

Key words: diminished responsibility, mental disorders, Article 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal liability, compulsory medical measures, penitentiary psychiatry.

Literature

1. Spasennikov B.A. Ugolovnaya otvetstvennost' i nakazaniye lits s psikhicheskimi rasstroystvami, ne isklyuchayushchimi vmenyayemosti / B.A. Spasennikov, A.M. Smirnov, A.N. Tikhomirov. M.: Yurlitinform, 2020. 256 s.

2. Murkshtis M. Y. K voprosu ob ogranichennoy vmenyayemosti / M. Y. Murkshtis // Molodoy uchenyy. 2022. № 48 (443). S. 296-299.

3. Nazarenko G. V. Ugolovno-relevantnyye psikhicheskiye sostoyaniya: ugovloyny i kriminologicheskiy aspekty: monografiya. M.: Yurlitininform, 2021. 192 s.

4. Berezantsev A. Y. Sudebnaya psikhiatriya: uchebnik dlya vuzov. 4-ye izd., pererab. i dop. M.: Yurayt, 2024. 581 s.

5. Belichenko R. V. Teoreticheskiye i prakticheskiye problemy primeneniya stat' i 22 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / R. V. Belichenko // Rossiyskiy sud'ya. 2021. № 5. S. 49-54.

6. Spasennikov B. A. Prinuditel'nyye mery meditsinskogo kharaktera, soye-dinennyye s ispolneniyem nakazaniya / B. A. Spasennikov, A. N. Tikhomirov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 4 (88). S. 143-149.

7. Kolosova V. I. Problemy naznacheniya nakazaniya litsam s psikhicheskimi rasstroystvami, ne iskluchayushchimi vmenyayemosti / V. I. Kolosova, A. N. Podnebesny // Ugolovnoye pravo. 2023. № 3. S. 62-69.

Чебоксаров Богдан Андреевич

ассистент кафедры

государственно-правовых дисциплин

Юридического института

*ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»*

Козловский Артем Николаевич

студент 3 курса, группы ЮИ-138

Юридического института

*ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»*

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, НЕ ЗАВИСЯЩИЕ ОТ ВОЛИ СТОРОН, КАК ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА: КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ

В работе исследуются особенности прекращения трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон. Рассматриваются противоречие между нормами о прекращении и приостановлении трудового договора при призыве на военную службу, а также недостаточная защищенность работников, увольняемых в связи с восстановлением ранее уволенного лица. Обосновывается приоритет подхода, предполагающего использование перевода или приостановления договора как альтернативы увольнению. Сформулированы предложения по совершенствованию трудового законодательства, направленные на устранение выявленных пробелов и усиление гарантий трудовых прав работников.

Ключевые слова: трудовой договор, прекращение трудового договора, приостановление трудового договора, гарантии работников, восстановление на работе, призыв на военную службу.

Прекращение трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, занимает особое место в системе оснований увольнения, поскольку наступление соответствующих юридических фактов объективно исключает возможность продолжения трудовых отношений независимо от желания работника и работодателя. Вместе с тем анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии ряда проблем в толковании и применении данных норм.

Прекращение трудовых отношений по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, представляет собой достаточно специфический институт в системе оснований расторжения трудового договора. Его уникальность обуслов-

лена прежде всего тем, что инициирующий фактор – юридическое событие или акт третьего лица – находится за пределами контроля участников трудового правоотношения. Однако специфика проявляется и в асимметрии ролей сторон: при формальной невозможности работника повлиять на наступление обстоятельства и предотвратить увольнение, работодатель, напротив, косвенно, но вполне реально участвует в этом процессе. Именно он осуществляет юридическую квалификацию случившегося, инициирует и проводит процедуру увольнения, оформляя ее соответствующими кадровыми документами.

Специфика расторжения трудового договора по основаниям, не зависящим от воли сторон заключается в отсутствии вины сторон при существенных последствиях для устойчивости трудовых отношений, что при формальном применении ст. 83 ТК РФ создаёт риск необоснованных увольнений и подмены более мягких механизмов (приостановление договора, перевод, изменение условий труда) окончательным прекращением трудового договора [1, с. 58]. Таким образом, специфика оснований прекращения трудового договора, предусмотренных статьей 83 Трудового кодекса (далее – ТК РФ) [2], требует от работодателя тщательного изучения особенностей возникшего обстоятельства и его реального влияния на трудовые отношения. Формальный подход, игнорирующий вопрос о том, является ли обстоятельство действительно неустрашимым, может повлечь необоснованное увольнение в ситуациях, где достаточно временного приостановления работы или перевода на иную должность. В связи с этим представляется обоснованным ориентировать судебную и правоприменительную практику на приоритетное использование механизмов, сохраняющих трудовую связь (перевод, отстранение), и лишь при объективной невозможности их применения — на прекращение договора по правилам статьи 83 ТК РФ [2].

Закрепление в статье 351.7 ТК РФ права мобилизованных работников на приостановление трудового договора с последующим возвращением к прежнему работодателю сформировало новый правовой механизм, альтернативный традиционному прекращению трудовых отношений по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон (ст. 83 ТК РФ). Техничко-юридическое несовершенство нормативного материала, выразившееся в несогласованности механизмов приостановления и прекращения трудового договора, порождает правовую неопределенность, преодоление которой невозможно без тщательного научного осмысления и законодательной корректировки.

Выявленное противоречие между приостановлением и прекращением трудового договора является следствием общего подхода законодателя к конструированию соответствующих норм. Как известно, основания прекращения трудового договора представлены в ТК РФ общей нормой (ст. 77) и рядом

специальных положений, конкретизирующих её, включая статью 83 (обстоятельства, не зависящие от воли сторон) и статьи 78–81 [2].

Статья 77 ТК РФ выполняет роль системообразующей нормы, объединяющей все возможные основания прекращения трудового договора. Она носит отсылочный характер: каждый пункт статьи 77 корреспондирует с конкретной статьей, детализирующей соответствующее основание. Такая конструкция сама по себе предполагает необходимость согласования общей и специальных норм, что создает потенциальную почву для коллизий.

Особую группу оснований прекращения трудового договора образуют обстоятельства, не зависящие от воли сторон, закрепленные в статье 83 ТК РФ [2]. Их юридическая природа заключается в том, что прекращение отношений происходит вследствие событий или актов третьих лиц, а не по инициативе участников трудового правоотношения.

К числу таких обстоятельств отнесены, в частности: призыв работника на военную службу или направление на альтернативную гражданскую службу, восстановление на работе предшествующего работника по решению государственной инспекции труда или суда, вступление в силу приговора суда, исключающего возможность продолжения работы, признание работника недееспособным; смерть работника или работодателя – физического лица, наступление чрезвычайных обстоятельств, препятствующих продолжению трудовых отношений, и т.п. [3, с. 93]. Данные основания прекращения трудового договора призваны обеспечить законность и определенность правового положения сторон в случаях, когда дальнейшее существование правоотношения исключается в силу внешних, не зависящих от них факторов. Вместе с тем анализ приведенных положений показывает необходимость внедрения четкого механизма их реализации для соблюдения баланса интересов работника и работодателя.

Отсутствие легальной дефиниции обстоятельств, не зависящих от воли сторон, существенно усугубляет правовую неопределенность, порождая неоднозначное толкование оснований прекращения трудового договора в связи с военной и альтернативной службой [4, с. 125]. Особую остроту данная проблема приобретает при сопоставлении п. 1 ч. 1 ст. 83 и ст. 351.7 ТК РФ [2], где отсутствие четких критериев приводит к необоснованным различиям в объеме гарантий для работников, выполняющих по своей природе схожие публично значимые функции.

В научной литературе можно выделить два доминирующих подхода к пониманию прекращения трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон.

Формально-процедурный подход, отстаиваемый в работах К. Н. Гусова, В. Н. Толкуновой, С. Ю. Головиной и других авторов, исходит из примата процедуры над фактом. Исследователи акцентируют внимание на необходимости корректной квалификации юридического факта, его надлежащего документального подтверждения (судебные акты, свидетельства, повестки) и строгого соблюдения порядка увольнения. Любое отступление от процедурных требований, даже при наличии бесспорного обстоятельства, рассматривается как основание для восстановления работника [3, 5, 1].

Второй подход, который можно охарактеризовать как гарантийно-ориентированный, представлен в работах А. Ф. Нуртдиновой, Е. М. Акоповой, В. И. Миронова и других исследователей, опирающихся на защитную функцию трудового права. В рамках данной концепции определяющее значение придается не просто формальному наличию юридического факта, а оценке последствий увольнения для работника, недопустимости расширительного толкования оснований прекращения договора и приоритету сохранения трудовых отношений при возможности применения альтернативных механизмов (перевод, изменение условий труда, приостановление договора) [6,7,8].

Согласно второму подходу, обстоятельства, не зависящие от воли сторон, являются исключительными основаниями увольнения, применимыми лишь при документальном подтверждении факта и невозможности сохранить трудовые отношения иными правовыми способами.

Мы разделяем гарантийно-ориентированный подход, поскольку он адекватно отражает социальную направленность трудового права и обеспечивает гармоничное сочетание формально-юридической законности с действенной защитой прав работника.

Данный подход наиболее адекватно раскрывает правовую природу прекращения трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, рассматривая его как исключительную меру, допустимую только при невозможности использовать альтернативные механизмы и при наличии бесспорных юридических фактов.

Закрепление гарантийно-ориентированного подхода в действующем законодательстве представляется необходимым условием для последовательной реализации социальной функции трудового права. Во-первых, увольнение по статье 83 ТК РФ [2] должно быть крайней мерой, применяемой только при невозможности сохранить трудовые отношения иным способом (приостановление договора, перевод, изменение условий). Это соответствует принципу стабильности трудовых связей и максимальной защите прав работника. Во-вторых, толкование нечетких формулировок статьи 83 ТК РФ [2] должно опираться на принципы справедливости, гуманизма и конституционные гаран-

тии права на труд. В-третьих, применение статьи 83 ТК РФ [2] должно быть строго ограничено законодательными критериями, поскольку расширительное толкование без привязки к конкретному юридическому факту открывает возможности для злоупотреблений и формального использования данной нормы как удобного основания для увольнения.

В соответствии со статьей 351.7 ТК РФ [2] для лиц, призванных по мобилизации, проходящих военную службу по контракту или участвующих в добровольческих формированиях, предусмотрено приостановление трудового договора с правом возврата к прежнему работодателю в течение трех месяцев после службы. Федеральный закон № 545-ФЗ [7] усилил данную норму, установив преимущественное право таких работников на восстановление в прежней должности либо на предоставление иной подходящей или нижестоящей работы при отсутствии соответствующей вакансии.

При этом призыв на срочную службу и прохождение альтернативной гражданской службы сохраняют статус оснований для увольнения по статье 83 ТК РФ. Возникает необоснованное неравенство правовых последствий для близких по сути категорий работников, выполняющих публично значимые обязанности.

На основании изложенного представляется целесообразным законодательного согласовать положения пункта 1 части 1 статьи 83 и статьи 351.7 ТК РФ, установив в качестве общего принципа приостановление трудового договора (а не его прекращение) в тех случаях, когда характер прохождения службы позволяет работнику впоследствии вернуться к прежнему работодателю.

На основании изложенного предлагается исключить из пункта 1 части 1 статьи 83 ТК РФ указание на прекращение трудового договора в связи с призывом на военную службу, передав регулирование данного вопроса в полном объеме статье 351.7 ТК РФ.

Подобный правовой подход позволит окончательно устранить существующую коллизию между двумя нормами, создав единый и непротиворечивый правовой механизм.

Увольнение работника, принятого на место впоследствии восстановленного по решению суда, выступает вынужденной мерой, направленной на безусловное исполнение судебного акта и защиту прав незаконно уволенного лица. Однако, как было показано выше, такая мера непосредственно затрагивает интересы «замещающего» сотрудника, который добросовестно исполнял трудовые обязанности, но подлежит увольнению по обстоятельствам, не зависящим от его воли. В этой связи возникает объективная потребность в установлении для данной категории работников дополнительных гарантий, обеспечивающих справедливый баланс между реализацией права восстановленного лица на труд и защитой от негативных последствий работника, утрачивающего место работы

С учетом изложенного представляется обоснованным дополнить пункт части 2 статьи 22 ТК РФ положением, возлагающим на работодателя обязанность до увольнения работника в связи с восстановлением прежнего сотрудника предложить ему все имеющиеся в данной местности вакансии, соответствующие его квалификации. При отсутствии таких вакансий работодатель должен предложить нижестоящие должности или нижеоплачиваемую работу, которую работник способен выполнять с учетом состояния его здоровья.

Полагаем необходимым дополнить часть 2 статьи 22 ТК РФ новым абзацем 17 следующего содержания: «При увольнении по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 83 настоящего Кодекса, работодатель обязан в письменной форме предложить работнику все имеющиеся в данной местности вакансии, соответствующие его квалификации, а при их отсутствии — нижестоящие должности или нижеоплачиваемую работу, которую работник может выполнять с учетом состояния его здоровья».

Предложенный подход позволит устранить существующий дисбаланс между защитой прав восстановленного работника и интересами лица, принятого на его место. Закрепление в пункте 2 части 1 статьи 83 ТК РФ обязанности работодателя предлагать увольняемому сотруднику все имеющиеся вакансии (включая нижестоящие должности и работу с учетом состояния здоровья) преобразует данное основание прекращения договора из формального и неизбежного в процедуру с элементами социальной защиты. Это даст работнику, добросовестно трудившемуся на временно замещаемой должности, возможность продолжить трудовые отношения с тем же работодателем, не оказываясь на улице исключительно в силу реализации третьим лицом своего права на восстановление.

Сформулированные в работе положения могут быть востребованы при разработке точечных законодательных поправок. Предложенные решения ориентированы на достижение баланса интересов сторон, повышение правовой определенности и усиление гарантий реализации права на труд в ситуациях, связанных с наступлением объективных, не зависящих от воли сторон обстоятельств.

Литература

1. Головина С. Ю. Трудовое право России: Учебник для вузов / С. Ю. Головина. – М.: Норма, 2025. – 608 с.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683 -Сайт «КонсультантПлюс».
3. Гусов К. Н. Трудовое право России: Учебник / К. Н. Гусов, В. Н. Толкунова. – М.: Проспект, 2025. – 576 с.

4. Миронов В.И. Трудовое право России / В.И. Миронов. – М.: Юрайт, 2019. – 537 с.
5. Толкунова В.Н. Трудовое право: учебник для вузов / В.Н. Толкунова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2016. – 448 с.
6. Нуртдинова А.Ф. Трудовое право: Учебник для вузов / А.Ф. Нуртдинова. – М.: Волтерс Клувер, 2019. – 720 с.
7. Аكوпова Е.М. Трудовой договор: вопросы теории и практики / Е.М. Аكوпова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. – 320 с.
8. Федеральный закон от 19.12.2022 № 545-ФЗ «О внесении изменений в статьи 302 и 351.7 Трудового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 52 (ч. I). – Ст. 8705.

Cheboksarov Bogdan Andreevich

*Assistant of the Department of State
and Legal Disciplines*

*Law Institute FSBEI HE “Lugansk State University
named after Vladimir Dal”*

Kozlovsky Artem Nikolaevich

3rd year student, group LI-138

*Law Institute FSBEI HE “Lugansk State University
named after Vladimir Dal”*

CIRCUMSTANCES THAT ARE NOT DEPENDENT ON THE WILL OF THE PARTIES AS A REASON FOR THE TERMINATION OF AN EMPLOYMENT CONTRACT: LEGISLATIVE COLLISIONS AND WAYS TO OPTIMIZE THEM

The paper examines the features of termination of an employment contract due to circumstances beyond the control of the parties. It considers the contradiction between the norms on termination and suspension of an employment contract during military service, as well as the insufficient protection of employees who are dismissed due to the reinstatement of a previously dismissed person. The paper substantiates the priority of the approach that involves using a transfer or suspension of the contract as an alternative to dismissal. The paper also formulates proposals for improving labor legislation aimed at addressing the identified gaps and strengthening the guarantees of employees' labor rights.

Keywords: employment contract, termination of an employment contract, suspension of an employment contract, employee guarantees, reinstatement, military conscription.

Literatura

1. Golovina S.Yu. Trudovoye pravo Rossii: Uchebnik dlya vuzov / S.Yu. Golovina. – M.: Norma, 2025. – 608 s.
2. Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683 -Sayt «Konsul'tantPlyus».
3. Gusov K.N. Trudovoye pravo Rossii: Uchebnik / K. N. Gusov, V.N. Tolkunova. – M.: Prospekt, 2025. – 576 s.
4. Mironov V.I. Trudovoye pravo Rossii / V.I. Mironov. – M.: Yurayt, 2019. – 537 s.
5. Tolkunova V.N. Trudovoye pravo: uchebnik dlya vuzov / V.N. Tolkunova. – 6-ye izd., pererab. i dop. – M.: Prospekt, 2016. – 448 s.
6. Nurtdinova A.F. Trudovoye pravo: Uchebnik dlya vuzov / A.F. Nurtdinova. – M.: Volters Kluver, 2019. – 720 s.
7. Akopova Ye.M. Trudovoy dogovor: voprosy teorii i praktiki / Ye.M. Akopova. – Rostov-na-Donu: Feniks, 2015. – 320 s.
8. Federal'nyy zakon ot 19.12.2022 № 545-FZ «O vnesenii izmeneniy v stat'i 302 i 351.7 Trudovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» // Sobraniye zakonodatel'stva RF. – 2022. – № 52 (ch. I). – St. 8705.

Чунихина Людмила Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предпринимательского права
и арбитражного процесса Юридического института
ФГБОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. В. Даля»
e-mail: brifing.pravo@mail.ru
ФГБОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. В. Даля», г. Луганск,
ЛНР, Российская Федерация

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОДРОСТКОВ: ПРИЧИНЫ, МАРКЕРЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. Проанализированы причины, маркеры и последствия информационной безопасности подростков.

Ключевые слова: цифровизация, информационная безопасность подростков, антисоциальное поведение.

Введение цифровизации и массовый переход к дистанционным формам социально-экономического взаимодействия повлекли снижение контроля доступа подростков к различным интернет-ресурсам. В информационной среде отмечается риск совершения противоправных деяний, посягающих на права, свободы и законные интересы подростков. Именно они становятся участниками (жертвами, виновниками, соучастниками) совершения правонарушений онлайн и офлайн. Необходимость формирования безопасной информационной среды отмечена в Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года.

Для понимания существа проблемы следует сказать, что в условиях цифровизации подростку предоставляется возможность получить разнообразный по объему и содержанию объем информации – полезной и наоборот.

Кроме того, компьютер и интернет являются инструментом, используемым для совершения противоправных деяний. Деструктивный медиа- и интернет-контент представляют собой риски противоправного поведения подростков, совершения ими (или в отношении них) общественно опасных деяний, представляющих угрозу жизни, здоровью, чести и достоинству несовершеннолетних. Поскольку преступность с каждым годом молодеет, говорить об информационной безопасности подростков, о маркерах, побуждающих подростков к совершению преступлений в условиях цифровизации актуально.

Когда мы говорим о такой категории пользователей сетью интернет как подростки, необходимо констатировать, что их информационная безопасность

- составное понятие, включающее психологические, технические, физические, политические, этические и иные аспекты.

Следует подчеркнуть, что каждый второй подросток в социальных сетях находится в так называемой информационной обработке. Как правило, кибер-преступники - хорошие психологи. Они сначала изучают публикации потенциальной жертвы в социальных сетях, а затем пишут от лица сверстника или выступают в роли «наставника».

Ориентированные исключительно на подростков, сообщества предлагают в игровой форме осуществлять определенные действия, которые в итоге могут привести к снижению самооценки и эмоциональным нарушениям, снижению критичности своего поведения, к социальной дезадаптации и изоляции подростка от социума.

Профилактика правонарушений и противоправного поведения подростков, формирование законопослушного поведения и правовой культуры – важная задача. По данным МВД России, в 2024 году на 86,5% увеличилось число несовершеннолетних, совершивших преступления экстремистской направленности, на 122,7% – совершивших действия террористического характера. Одновременно фиксируется рост на 40,4% количества особо тяжких криминальных проявлений со стороны несовершеннолетних.

Реализация внутренних личностных потребностей подростка происходит на фоне сепарации (отделения) от родителей и семьи. В приобретении самостоятельности в собственных мнениях и решениях, в действиях и поступках, в выборе стиля своего поведения ключевым становится способ достижения желаемого, демонстрация просоциального либо антисоциального поведения.

Особенности развития психологии подростка, трудности самопонимания, отсутствие адекватной самооценки, переживание собственной неуспешности, отсутствие критического мышления, неустойчивость эмоциональной сферы и наивность подходов к фактам и событиям, являются благодатной почвой возникновения рисков и угроз, которые могут возникнуть у ребенка при использовании информационно-коммуникационных технологий.

Личностные особенности несовершеннолетних и повышенная внушаемость таковы, что среди подростков бытует мнение: хорошо быть плохим - это модно, интересно, хотя и проблематично.

Так называемые «информаторы» антисоциального поведения прекрасно осведомлены об особенностях своей целевой аудитории, понимают специфику возраста, внушаемость, протестность и одновременно внутреннюю необходимость подростка в самоутверждении. Путем анализа информации в социальных сетях «информационными кураторами» идет целенаправленный подбор (отбор) подростков с учетом их материального положения, социального статуса, уровня интеллектуального развития. Все взаимодействие - установ-

ление психологического контакта, поддержание доверительных отношений, влияние на сознание - осуществляется в виртуальном пространстве в закрытых сообществах. Основной принцип вовлечения подростков во взрослый мир - обман, введение в заблуждение, давление и угрозы, обещания материального вознаграждения.

Отсутствие позитивных жизненных навыков взаимодействия подростков с окружающими позволяет манипулировать их сознанием, формировать деструктивные жизненные ориентиры и ценности. Многим подросткам предоставляет неограниченный доступ к обработке и обмену информацией, в результате которого возникает вероятность ознакомления подростков с нежелательным контентом.

Интернет в настоящее время стал основной площадкой нелегального оборота наркотических средств и психотропных веществ. Отрытая, общедоступная информация рассказывает о том, как на условиях анонимности приобрести курительные смеси, психотропные вещества и наркотики. У подростка может появиться соблазн вовлечения в преступные схемы незаконного оборота и распространения таких веществ и средств. Преступники могут попросить (за определенную плату) за чем-нибудь понаблюдать, передать, выполнить некую несложную работу.

В условиях цифровизации подростку предоставляет возможность не только получить большой объем информации о наркотиках, но и практически не выходя из дома, на условиях анонимности, приобрести психотропные вещества и курительные смеси для собственного потребления, вовлечь иных сверстников в преступные схемы распространения таких запрещенных веществ.

Интернет, информационно-коммуникационные системы и каналы, социальные сети и контакты обладают способностью **приносить вред физическому** здоровью подростков: портить зрение и осанку, отбирать у человека живой контакт со сверстниками и родителями. Подростки меньше встречаются и общаются, проводят основную часть времени суток за компьютером. Интернет-зависимость (как зависимость) по своим симптомам схожа с зависимостью от азартных игр - отрыв от реальности и потеря ощущения времени.

Неспособность выйти из интернета **приносят вред психическому** здоровью подростков. Для этого состояния характерны следующие маркеры: находясь офлайн, у подростка формируется устойчивое и навязчивое желание войти в интернет, он испытывает досаду и раздражение при невозможности войти в интернет, появляется эйфория при нахождении за компьютером постоянно - подросток не может остановиться.

Общеизвестен укороченный путь вовлечения подростков в сеть интернет - геймификация и челленджи (дух соревнования). На основе социально-пси-

хологических установок кураторов и мотиваторов, через игровые механизмы подростки оказываются в зоне внимания деструктивных групп и сообществ.

Во-первых, в условиях цифровизации активно ведут деятельность различные движения деструктивной направленности, отклоняющиеся от медицинских или психологических норм. Ультра движения пропагандируют способы девиантного поведения подростков, совершения ими противоправных общественно опасных деяний, представляющих угрозу не только их чести и достоинству, но и их здоровью и жизни: скул-шутинг, буллинг, лесные игры. Эти движения - форма онлайн-жестокости, где используют интернет и социальные сети для унижения, запугивания, оскорблений и шантажа подростков. Травля в виртуальном пространстве может принимать самые разные формы - от оскорблений и угроз до распространения ложной информации и дискредитации подростка.

Неокрепшая психика ребенка зачастую является целью информационных недетских войн, разрушающих личность подростка, подменяющих его понимание традиционных ценностей.

Основными маркерами рисков вовлечения подростков в деструктивные сообщества можно назвать:

- подписку на экстремистские либо радикальные группировки, ультра движения и сообщества, пропагандирующие суицидальное, агрессивное поведение («брат за брата»), героизация «куратора» группы;
- романтизацию элитарности идей религиозных сект либо территориальных и уличных группировок;
- публикацию статуса, размещение на своих страницах соответствующих цитат с отсылкой к деструктивным движениям, массовость их репостинга.

Во-вторых, сбор и вербовка «поислушных» подростков, внушаемых для дальнейшей перепошивки традиционных ценностей на деструктив, ориентация на создание ощущения неблагополучия и опасности в объективной реальности, дестабилизация социальной и политической жизни общества и государства, приводят к конфликту поколений. Объективная реальность опасна тем, что подростки, впитывающие информацию об идее насилия, подвергаются опасности не только быть причастными к массовым беспорядкам, но и стать потенциальными соучастниками несанкционированных митингов и акций, то есть совершать правонарушения и преступления.

Принимая участие в несанкционированных митингах и шествиях, подростки могут причинить различной степени и тяжести вред своему здоровью и даже жизни. Если во время массовых акций и беспорядков, подростки допустят хулиганские действия или будут распространять информацию о призыве к участию в несанкционированных массовых мероприятиях через социальные

сети и иные интернет-платформы, то они будут подлежать ответственности на основании норм административного и уголовного права Российской Федерации за совершение административных правонарушений и преступлений:

- за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации шествий или пикетирования (ст. 20.2 КоАП РФ);

- за участие в массовых беспорядках (поджогах погромов, уничтожении имущества, применении насилия, а также оказании вооруженного сопротивления представителям власти (ст. 212 УК РФ);

- за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан (ст. 20.3.3 КоАП РФ);

- за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий (ст. 207.3 УК РФ).

Если родители или иные законные представители несовершеннолетних не исполняют или не надлежаще исполняют обязанности по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних - за участие несовершеннолетних в несанкционированных массовых мероприятиях, а также за возможные последствия участия в таких мероприятиях несовершеннолетних для жизни и здоровья ребенка - ответственность несут родители (ст.5.35 КоАП РФ).

Следственным Комитетом Российской Федерации отмечается рост числа несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, и совершивших общественно опасные деяния.

Поэтому среди актуальных негативных тенденций выделяют рост криминальной активности подростков младших возрастных групп наряду с ростом криминальной активности в сети Интернет в целом (более трети всех преступлений совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий).

В 2023 году в разных субъектах Российской Федерации подростками, которые подверглись воздействию деструктивных идеологий, фиксировались случаи вербовки детей в информационно-коммуникационной среде и сети интернет (телеграм-каналах) для совершения поджогов объектов транспортной и энергетической инфраструктуры, для подготовки (планирования), осуществления вооруженных нападений на образовательные организации и учреждения культуры. Внешне благополучные, положительно характеризующиеся в школьной среде и по месту жительства подростки заранее и тщательно, прак-

тически незаметно для окружающих планируют подготовку и совершение противоправных деяний.

Отмечается, что преимущественной мотивацией совершения противоправных деяний подростками в сети интернет остается получение материальной выгоды. Однако в ряде случаев совершению правонарушений способствовали радикальные взгляды и пропаганда русофобии.

Маркеры попадания подростка под влияние запрещенной идеологии - изменение манеры поведения и характера:

- отрешенность, безразличие к общественно-полезной деятельности, закрытость и замкнутость;
- сокрытие виртуальной жизни и скрытность ежедневных планов;
- изменение социального окружения, появление взрослых знакомых, общение с ними в онлайн-формате;
- самоуверенность, чрезмерное высокомерие, резкость и грубость, высокая раздражительность;
- изменение внешнего вида и стиля одежды, неопрятность, появление специфической символики на неяркой одежде;
- изменение интересов, не характерных для его окружения (друзей и семьи);
- появление сленга и жаргонной лексики с признаками национального превосходств; высказываний на политические и социальные темы, суждений с признаками нетерпимости, неравенства, дискриминации, возмездия и наказания за несправедливое отношение;
- отсутствие ответов на понятные вопросы: о делах и событиях в жизни, об источниках происхождения денег и ценных вещей.

В-третьих, под признаки информационной безопасности попадают распространённые общественно опасные деяния, совершаемые в отношении подростков, в том числе против половой свободы личности, против половой неприкосновенности.

Хотелось бы особо обратить внимание на возрастные особенности развития подростков. Формируя свой уникальный взгляд на мир, подросткам внутренне необходимо проявлять и выражать себя в социуме, быть принятым в группе сверстников, реализовывать потребность в интимно-личностном общении.

Секстинг - интимная переписка, обмен интимными фразами, фотографиями, видео, пересылка личных фотографий и сообщений интимного содержания посредством мобильных телефонов, электронной почты, социальных сетей. Опасны возможные последствия участия подростков в таких действиях.

Переписка с неизвестными пользователями, которые могут оказаться взрослыми людьми, страдающими педофилией, чревата совершением в отношении ребенка преступлений на сексуальной почве.

Примером сексуальной эксплуатации подростков можно назвать кибергруминг - преступную сетевую активность по установлению эмоциональной связи с детьми с целью их дальнейшей сексуальной эксплуатации.

Познакомившись в переписке, грумер обычно отправляет фото или звонит, втирается в доверие, делает комплименты, дарит виртуальные подарки, инициирует разговор о сексе. Дальнейшее общение развивается по-разному: некоторые грумеры настаивают на более жестких фото и видео, другие приглашают на встречи в офлайн. Если результативного ответа от подростка не будет, грумер продолжит поиски более податливой жертвы. Если потенциальная жертва выразит недовольство, грумер либо вернёт беседу на предыдущий этап, либо переведет разговор на другую тему или передаст информацию о подростке другому, более настойчивому грумеру.

А если жертва поддержит разговор на деликатные темы, наступит интимная фаза. Распространение интимных фотографий зачастую используется преступниками для шантажа подростков. Как правило, грумер меняет тактику, начнет запугивать подростка, угрожать, что отправит фото или видео родителям и одноклассникам. Многие подростки больше всего боятся огласки.

Известны даже случаи детских суицидов на этой почве.

Хотя в Уголовном кодексе Российской Федерации понятия «кибергруминг» нет, тем не менее предусмотрена ответственность:

- по ст. 242.2 УК РФ «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов»;

- по ст. 242.1. «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних».

А если преступные действия выходят за пределы онлайн, то квалификация действий происходит по ст. 131–135 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

Анализируя вышеизложенное, можно сделать как минимум три вывода:

Первый: из комплекса причин информационной безопасности подростков стоит выделить внутренние, связанные с особенностями и потребностями возраста несовершеннолетнего факторами. Основными причинами информационной безопасности подростков является: дезадаптация, нарушение конструктивного взаимодействия подростков и молодежи с социальной средой; девиация и отсутствие у подростков твёрдых нравственных убеждений.

Второй: мировоззрение подростков выстраивается не только на основе личностных особенностей подростка, сколько под влиянием множества внешних

факторов, одним из которых являются тренды массовой культуры и идеология преобладающих в молодежном сообществе субкультур.

Третий: невысокая критичность мышления в силу возраста, недостаточный жизненный опыт приводят к тому, что подросток может оказаться неспособным распознать угрозы информационной безопасности вовремя. Поэтому нам, взрослым, следует:

- постоянно информировать подростков о необходимости быть подозрительными, не отвечать на сомнительные сообщения и предложения от незнакомых людей., особенно, если собеседник требует сохранить тайну переписки;
- контактировать, всегда интересоваться делами подростка: с кем он дружит, с кем переписывается в сетях.

Основным инструментом профилактики информационной безопасности должна быть планомерная и целенаправленная работа с подростками с момента, когда они делают первые шаги в глобальную паутину и до момента, когда знания и психика детей достигнут уровня, позволяющего обеспечить самоконтроль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с поправками) // Справочная правовая система ГАРАНТ (интернет-версия). Режим доступа: www.garant.ru, свободный (дата обращения: 20.06.2025).

2. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы»// Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Справочная правовая система ГАРАНТ (интернет-версия). Режим доступа: www.garant.ru, свободный (дата обращения: 20.06.2025).

3. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»// Указ Президента РФ от 05.12.2016 года № 646 // Справочная правовая система ГАРАНТ (интернет-версия). Режим доступа: www.garant.ru, свободный (дата обращения: 20.06.2025).

4. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// Указ Президента РФ от 02.07.2021 года № 400 // Справочная правовая система ГАРАНТ (интернет-версия). Режим доступа: www.garant.ru, свободный (дата обращения: 20.06.2025).

5. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»// Указ Президента РФ от 07.05.2024 года № 309 // Справочная правовая система ГАРАНТ (интернет-версия). Режим доступа: www.garant.ru, свободный (дата обращения: 20.06.2025).

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Справочная

правовая система ГАРАНТ (интернет-версия). Режим доступа: www.garant.ru, свободный (дата обращения: 20.06.2025).

7. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Справочная правовая система ГАРАНТ (интернет-версия). Режим доступа: www.garant.ru, свободный (дата обращения: 20.06.2025).

8. Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // Справочная правовая система ГАРАНТ (интернет-версия). Режим доступа: www.garant.ru, свободный (дата обращения: 20.06.2025).

Chunikhina Lyudmila,

Candidate of Law, Associate Professor,

*Associate Professor of the Department of Business Law and Arbitration Process
of the Law Institute Federal State Budgetary Educational Institution*

of the LPR «LSU named after V. Dahl»

e-mail: brifing.pravo@mail.ru

LNR, Russian Federation

INFORMATION SECURITY OF ADOLESCENTS: CAUSES, MARKERS, CONSEQUENCES

Abstract. The reasons, markers and consequences of information security of adolescents are analyzed.

Keywords: digitalization, information security of adolescents, antisocial behavior.

LITERATURA

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrya 1993 g.) (s popravkami) // Spravochnaya pravovaya sistema GARANT (internet versiya). Rezhim dostupa: www.garant.ru, svobodnyj (data obrashcheniya: 20.06.2025).

2. «O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017 - 2030 godY» // Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 // Spravochnaya pravovaya sistema GARANT (internet versiya). Rezhim dostupa: www.garant.ru, svobodnyj (data obrashcheniya: 20.06.2025).

3. «Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 goda № 646 // Spravochnaya pravovaya sistema GARANT (internet versiya). Rezhim dostupa: www.garant.ru, svobodnyj (data obrashcheniya: 20.06.2025).

4. «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 goda № 400 // Spravochnaya pravovaya sistema GARANT

(internet versiya). Rezhim dostupa: www.garant.ru, svobodnyj (data obrashcheniya: 20.06.2025).

5. «O nacional'nykh celyakh razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 godA»// Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2024 goda № 309 // Spravochnaya pravovaya sistema GARANT (internet versiya). Rezhim dostupa: www.garant.ru, svobodnyj (data obrashcheniya: 20.06.2025).

6. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30 dekabrya 2001 g. № 195 FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Spravochnaya pravovaya sistema GARANT (internet versiya). Rezhim dostupa: www.garant.ru, svobodnyj (data obrashcheniya: 20.06.2025).

7. Ugolovnyj kodeks RF ot 13 iyunya 1996 g. № 63 FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Spravochnaya pravovaya sistema GARANT (internet versiya). Rezhim dostupa: www.garant.ru, svobodnyj (data obrashcheniya: 20.06.2025).

8. Ukaz Prezidenta RF ot 17 maya 2023 g. № 358 «O Strategii kompleksnoj bezopasnosti detej v Rossijskoj Federacii na period do 2030 godA»// Spravochnaya pravovaya sistema GARANT (internet versiya). Rezhim dostupa: www.garant.ru, svobodnyj (data obrashcheniya: 20.06.2025).

УДК

Чутчева Ольга Геннадьевна

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного права и права социального
обеспечения*

*Юридического института
ФГБУ ВО «Луганский государственный университет
имени Владимира Даля»
e-mail: olgacutceva376@gmail.com*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАЗДНИКИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье анализируется правовое регулирование региональных праздников. Данная тема актуальна для многих регионов Российской Федерации, которые установили региональные праздничные даты. Вместе с тем, по-разному решается вопрос сферы действия нормативных правовых актов принятых органами государственной власти в разных субъектах Российской Федерации. Определены коллизии и пробелы в федеральном и региональном законодательстве, которые создают дополнительные сложности для правоприменительной практики по рассматриваемой проблематике. Разработаны предложения по усовершенствованию соответствующего действующего законодательства.

Ключевые слова: праздничные дни, трудовое законодательство, региональные праздники, работники, работодатели, трудовые отношения.

Когда речь заходит о региональных праздниках, на практике, как правило, возникают следующие вопросы: вправе ли регионы устанавливать свои праздничные дни, и как это влияет на различные трудовые правоотношения в рамках территории субъекта в Российской Федерации.

Цель данного исследования – обобщить проблемы, возникающие в связи с региональными праздниками в правотворческой и правоприменительной практике и разработать предложения по усовершенствованию соответствующего действующего законодательства.

Для этого необходимо решить следующие задачи: провести анализ федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации относительно установления праздничных дней субъектами Российской Федерации; определить сферу действия соответствующего законодательства и правовые последствия для трудовых отношений, осуществляемых на территории субъекта Российской Федерации; выявить правовую позицию государственных органов, осуществляющих надзор и контроль в сфере труда, судеб-

ных органов по поводу региональных праздников, а также пробелы и коллизии, усложняющие правоприменительную практику.

Соблюдая иерархию нормативных правовых актов по юридической силе, следует, прежде всего, обратиться к Конституции Российской Федерации, имеющей высшую юридическую силу на всей территории Российской Федерации, а также определяющей основы построения системы законодательства и взаимодействия органов государственной власти на уровне федерации и в регионах.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (п. «к» ч.1 ст. 72) трудовое законодательство относится к сфере совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (далее - РФ) [1]. Поэтому логично предположить, что в отношении праздничных нерабочих дней могут издаваться не только федеральные, но и принимаемые в соответствии с ними региональные законы и иные нормативные правовые акты.

Подтверждение этой правовой позиции также можно обнаружить, рассмотрев Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ), который в ст. 6 устанавливает разграничение полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ в сфере трудовых отношений [2]. Вместе с тем, определяя исключительную компетенцию федеральных органов государственной власти в сфере трудовых отношений и возможность органов государственной власти субъектов РФ принимать законы и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права по вопросам, не отнесенным к ведению федеральных органов государственной власти, ТК также устанавливает для регионов обязательства по обеспечению за счет бюджета соответствующего субъекта РФ расходов, при установлении более высокого уровня трудовых прав и гарантий для работников по сравнению с установленными федеральными законами.

Этот момент имеет важное значение в контексте проводимого исследования, поскольку региональные праздники могут быть и рабочими, и не рабочими, вследствие чего большинство вопросов на практике связано именно с правовыми последствиями и правилами установления нерабочих региональных праздников, которые, в большинстве случаев, имеют материальное измерение (баланс рабочего времени, повышенная оплата труда, перенос нерабочих дней, определение среднего заработка, исчисление отпуска и т.п.) и повышают уровень трудовых прав и гарантий для работников.

Более того, вопрос о финансировании неизбежно возникает, если речь идет о работниках, оплата труда которых производится за счет средств федерального бюджета. Следовательно, установление для этих категорий работников региональных нерабочих праздников нормативными правовыми актами субъектов

РФ без механизма финансирования за счет региональных бюджетов может квалифицироваться как нарушение Конституции РФ, поскольку федеральный бюджет относится к вопросам исключительного ведения РФ.

Таким образом, следуя логике законодателя можно сделать вывод о том, что в соответствии с трудовым законодательством РФ, органы государственной власти субъектов РФ имеют право устанавливать дополнительно нерабочие праздничные дни на территории субъекта при условии определения источников финансирования за счет региональных бюджетов при отсутствии соответствующей общей нормы законодательства на федеральном уровне. В отношении отдельных категорий работников, оплата труда которых производится за счет средств федерального бюджета, безусловно, предполагается наличие соответствующих нормативных предписаний в специальных законах, определяющих статус таких государственных предприятий, учреждений и организаций, а также их работников, осуществляющих трудовую деятельность на территории субъекта РФ, установившего нерабочие региональные праздники.

Немаловажное значение для определения возможности органов государственной власти субъектов устанавливать региональные праздники является анализ юридического закрепления правовой регламентации этого вопроса в нормах ТК, непосредственно определяющих правовую регламентацию праздничных дней.

К сожалению, в ТК РФ нет общей юридической конструкции для рабочих и не рабочих праздничных дней, как и определения понятия «официальный праздничный день». Единственная норма, устанавливающая правовое содержание нерабочих праздничных дней содержится в ст. 107 ТК РФ, определяя их как разновидность времени отдыха [2].

На всей территории Российской Федерации действует норма (ч.1 ст.112 ТК РФ), устанавливающая общероссийские нерабочие праздничные дни [2]. Поскольку в этой норме не указано иного, анализ статьи позволяет сделать вывод о том, что приведенный перечень является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

При этом, как уже было определено выше, в соответствии с Конституцией РФ и общими нормами трудового законодательства, органы государственной власти субъектов РФ имеют право устанавливать на территории субъекта свои региональные праздничные дни (ст. 6 ТК РФ) [2].

Региональные праздники есть в Республике Башкортостан, Республике Саха (Якутия), Республике Бурятия, Республике Калмыкия, Республике Адыгея, Республике Дагестан, Республике Алтай, Кабардино-Балкарской республике, Республике Тыва, Чеченской Республике, Чувашской Республике и Саратовской области и др. [3].

Это могут быть дни, которые относятся к религиозным праздникам, а также иные, важные и значимые для конкретного субъекта РФ памятные даты. Например, к религиозным праздникам можно отнести празднование Ураза-Байрам для Чеченской Республики, праздник Белого месяца «Сагаалган» в Забайкальском крае, день поминовения усопших (Радоница) в Краснодарском крае, Светлое Христово Воскресенье (Пасха) в Донецкой Народной республике и т.д. [3].

Памятные дни и памятные даты также могут устанавливаться субъектами Российской Федерации в связи с особо важными историческими и политическими событиями для конкретного региона. Несмотря на то, что по поводу возможностей субъектов в отношении региональных праздничных дат достаточно много дискуссий (особенно в части нерабочих праздничных дней), представляется неоспоримым тот факт, что, основываясь на конституционных нормах, в отсутствие специального федерального закона по этому вопросу (или акта официального легального толкования), следует придерживаться широкого понимания относительно права субъектов реализовывать свои законотворческие полномочия в трудовых отношениях, если это не противоречит федеральному законодательству.

Например, в Республике Саха (Якутия) дополнительные праздничные нерабочие дни: 27 апреля – День Республики Саха (Якутия) и 21 июня – День национального праздника «Ысыах» [4].

Для республики Крым – это день воссоединения Крыма с Россией (18 марта), в Белгородской области – день Прохоровского поля – Третьего Ратного поля России (12 июля), в г. Севастополь – день основания города Севастополя (14 июня) и т.п.

В Луганской Народной Республике, в соответствии с законом «О праздничных днях и памятных датах в Луганской Народной Республике», региональными нерабочими праздничными днями являются День Луганской Народной Республики (12 мая), День воссоединения Луганской Народной Республики с Россией (30 сентября), Светлое Христово Воскресенье (Пасха), День Святой Троицы (Троица) [5].

Таким образом, можно представить систему праздничных дней, создающих правовые последствия по действующему трудовому законодательству РФ в виде официальных федеральных праздничных дней (рабочих и нерабочих) и дополнительных региональных праздничных дней (рабочих и нерабочих). В свою очередь они могут классифицироваться по содержанию на религиозные праздничные дни и праздничные дни, связанные с особыми историческими и политическими событиями.

В отношении дополнительных нерабочих праздничных дней, приуроченных к религиозным праздникам, следует также обратить внимание на то, что

не только трудовые отношения, но и вся сфера защиты прав и свобод человека находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, включая право на свободу совести и вероисповедания.

Полномочия федеральных и региональных органов государственной власти в области прав на свободу совести и вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений определены Законом РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» [6]. В соответствии с этим законом, по просьбе религиозных организаций соответствующие органы государственной власти вправе объявлять религиозные праздники нерабочими (праздничными) днями на соответствующих территориях. Таким образом, в специальном законодательстве устанавливается возможность для регионального органа государственной власти объявить на соответствующей территории нерабочие праздничные дни по поводу религиозных праздников.

Показательным в этом смысле является Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. N 20-ПВ11 [7]. Предметом рассмотрения был Закон Республики Башкортостан от 27 февраля 1992 г. № ВС-10/21 «О праздничных и памятных днях, профессиональных праздниках и иных знаменательных датах в Республике Башкортостан» (в редакции Закона Республики Башкортостан от 1 марта 2011 г. № 364-з), в котором было подтверждено установление следующих нерабочих праздничных дней: Ураза-байрам и Курбан-байрам [8].

Оставляя в силе решение суда первой инстанции и отменяя последующее судебное решение, в рассматриваемом постановлении суд конкретно указал, что нормы действующего законодательства не исключают права органа государственной власти субъекта РФ на соответствующей территории объявлять нерабочие (праздничные) дни по поводу религиозных праздников [7]. Аналогичную правовую позицию по этому вопросу изложила позднее Федеральная служба по труду и занятости в письме «О применении трудового законодательства» от 12.09.2013 № 697-6-1 [9].

Таким образом, компетенция органов государственной власти субъектов РФ принимать нормативные правовые акты, устанавливающие религиозные региональные праздники, отличается большей правовой определенностью в специальном законодательстве и подтверждается актами высших органов судебной власти и органами государственной власти на уровне федерации. Более того, судебная практика, в целом, сложилась в пользу предоставления работникам структурных подразделений организации, расположенных в других субъектах РФ, в которых в соответствии с законом этого субъекта установлены региональные нерабочие религиозные праздничные дни.

Анализ законодательства субъектов Российской Федерации по рассматриваемой проблематике позволяет обнаружить, что реализуя свою компетенцию по установлению региональных праздников, органы государственной власти в разных регионах по-разному определяют сферу действия принимаемых ими нормативных правовых актов. По-разному в нормативных актах субъектов могут быть прописаны гарантии для работников в связи с региональными праздниками (или вообще не прописаны, или отсылают к ТК РФ, или прописаны в меньшем объеме, чем в ТК РФ).

Как правило, нерабочие праздничные дни предоставляются всем работникам, фактически осуществляющим трудовую деятельность на территории соответствующего субъекта РФ вне зависимости от организационно-правовых форм и форм собственности работодателя. Но бывают исключения, когда предоставление региональных нерабочих праздничных дней зависит от формы собственности или финансирования. Так, в Республике Саха (Якутия), работникам организаций, финансируемых за счет средств государственного бюджета республики Саха (Якутия), предоставляется отдых, а в организациях иных форм собственности предоставление данных дней на усмотрение работодателя. То есть, например, коммерческая организация решает сама предоставлять ей или нет указанные праздники.

Государственная инспекция труда в Саратовской области разъяснила, что установление субъектом РФ праздничных нерабочих дней, переноса выходных дней на другие дни путем принятия соответствующего законодательного акта субъекта и за счет средств его бюджета не противоречит действующему российскому законодательству. Однако, действие закона Саратовской области не распространяется на организации, финансируемые из федерального бюджета, поскольку в законе субъекта должен быть решен вопрос по организациям, финансируемым из федерального бюджета, расположенным на территории субъекта РФ [10]. Поскольку в законе Саратовской области от 22 марта 2012 г. «Об объявлении нерабочим праздничным днем на территории Саратовской области Радоницы – дня особого поминовения усопших» не содержится вышеперечисленных положений, действие закона не распространяется на организации, финансируемые из федерального бюджета [11].

К сожалению, именно дополнительная финансовая нагрузка на государственный бюджет и бизнес до сих пор являются основными аргументами, препятствующими закреплению статуса региональных праздников в качестве нерабочих праздничных дней в производственном календаре на федеральном государственном уровне, несмотря на периодически появляющиеся законодательные инициативы по этому вопросу [12].

Анализ законодательства субъектов РФ показал, что региональные нерабочие праздники, как правило, закрепляют особенные для регионов дни и даты, которые связаны с нравственными ценностями, отражают социокультурное и религиозное многообразие народов РФ, осознание своей самобытности и идентичности, с одной стороны, а также единство всех народов, заявивших о своем выборе и принадлежности к российской государственности, с другой стороны. Как показывает исторический опыт, игнорирование в системе социального регулирования моральных и религиозных норм, историческое забвение собственных ценностей не только дороже обходится, но и представляет угрозу для существования любого государственно организованного общества, что в современных условиях особенно актуально.

Осознавая необходимость сохранения исторической памяти, возрождения и развития культурных традиций, а также особенности национальной правовой системы РФ, рассмотренные выше, можно предложить внести соответствующие изменения в ТК РФ, предоставив регионам возможность устанавливать региональные нерабочие праздничные дни в качестве дополнительных к федеральным, предусмотренным в ст. 112 ТК и с такими же гарантиями для работников, ограничив их количество (до четырех праздников). В отношении рабочих праздничных дат субъекты могут самостоятельно принимать нормативные правовые акты, согласно собственным социокультурным и историческим особенностям, а также финансовым возможностям. В любом случае, все социальные практики (и нерабочие дни, и праздничные мероприятия, и т.п.) содействуют поддержанию и укреплению социальных связей, стабильности российской государственности.

Тем не менее, остается открытым вопрос о том, что на данный момент делать работодателю в отношении региональных праздников, поскольку в любом случае он несет ответственность за соблюдение трудового законодательства. Как, в частности, разъяснили в Федеральной службе по труду и занятости, несоблюдение работодателем региональных законодательных актов, содержащих нормы трудового права, до признания их судом противоречащими федеральному законодательству и недействующими может повлечь за собой административную ответственность [9].

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 23.12.2021 г. № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» определил, что работодатель может быть привлечен к административной ответственности за нарушения трудового законодательства по ст. 5.27 КоАП РФ [13]. Под трудовым законодательством и иными пра-

новыми актами понимаются: ТК РФ, федеральные законы и законы субъектов, содержащие нормы трудового права.

Таким образом, если работодатель нарушил нормативные требования, установленные в нормативных правовых актах субъектов РФ по установлению нерабочих праздничных дней, ответственность может применяться по соответствующей норме ст.5.27 КоАП РФ так же как и за нарушение требований трудового законодательства, установленных в ТК РФ.

Также следует обратить внимание на то, что в условиях правовой неопределенности по рассматриваемой проблематике на федеральном уровне и противоречивости интерпретационных актов, отсутствует фактическая возможность воспользоваться региональными нерабочими праздничными днями для отдельных категорий работников, заработная плата которых финансируется из федерального бюджета. Это работники федеральных унитарных предприятий и учреждений, расположенных на территории субъекта; федеральные государственные служащие, работники прокуратуры и военнослужащие. В данном случае речь идет уже не только о территориальном действии нормативных правовых актов в сфере труда, но и о действии норм права по кругу лиц, что еще больше усложняет правоприменительную практику, перегружая правовое регулирование множественностью отсылочных норм.

В свое время, в письме Министерства труда и социального развития РФ от 10.07.2003 № 1139-21 указывалось: «В связи с тем, что введение субъектом Российской Федерации новых нерабочих праздничных дней связано с выделением дополнительных средств из бюджета субъекта, то вопрос об источниках финансирования, балансе рабочего времени и установлении среднемесячного числа календарных дней при расчете среднего дневного заработка для оплаты отпусков должен быть решен в законодательном акте субъекта Российской Федерации, а также в федеральном законе по организациям, расположенным на территории субъекта Российской Федерации, финансируемых из федерального бюджета.» [14]. Но в отсутствие соответствующих нормативных правовых актов как бы ни поступил работодатель в отношении нерабочих региональных праздников, он нарушает законодательство и может быть привлечен к ответственности.

Решение вопроса, на данный момент, видится в том, что работодатели могут воспользоваться правом локального нормотворчества в соответствие со ст. 8 ТК РФ, и распространить общепринятые гарантии для федеральных праздничных дней на дополнительные региональные праздники, предусмотренные в нормативных правовых актах субъектов, на территории которых осуществляется трудовая деятельность работников, прописав соответствующие условия в своих локальных актах.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). [Электронный ресурс] // - Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/constitution>.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/d3b0ff5aab35e2416daf065559f2878be3989981.
3. Нерабочие праздничные дни, установленные в субъектах Российской Федерации. /Консультант плюс. / [Электронный ресурс] // - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311098/.
4. Закон Республики Саха (Якутия) от 25.04.1992 № 933-ХП (принят постановлением ВС РС (Я) от 25.04.1992 № 934-ХП. /Правовая база «Гарант» ./ [Электронный ресурс] // - Режим доступа: <https://base.garant.ru/26700318/>.
5. Закон Луганской Народной Республики «О праздничных днях и памятных датах в Луганской Народной Республике» от 11.09.2025 № 190-1 [Электронный ресурс] // - Режим доступа: <https://publication.pravo.gov.ru>.
6. Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ [Электронный ресурс] // - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/.
7. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. N 20-ПВ11 [Электронный ресурс] // - Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70043264/>.
8. Закон Республики Башкортостан от 27 февраля 1992 г. № ВС-10/21 «О праздничных и памятных днях, профессиональных праздниках и иных знаменательных датах в Республике Башкортостан» (в редакции Закона Республики Башкортостан от 1 марта 2011 г. № 364-з [Электронный ресурс] // - Режим доступа: <https://base.garant.ru/17731011/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/>.
9. Письмо Федеральной службы по труду и занятости «О применении трудового законодательства» от 12.09.2013 № 697-6-1 [Электронный ресурс] // - Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=220088>.
10. Государственная инспекция труда напоминает о праздничном выходном дне для работников организаций, финансируемых не из федерального бюджета. [Электронный ресурс] // - Режим доступа: <https://git64.rostrud.gov.ru/news/562540.html>.
11. Закон Саратовской области от 22 марта 2012 г. «Об объявлении нерабочим праздничным днем на территории Саратовской области Радоницы – дня

особого поминовения усопших» [Электронный ресурс] // - Режим доступа: <https://saratovpravo.ru/zakon/2012/03/22/n-26-zso/>.

12. Протокол № 1 заседания Комиссии по делам федерации, региональной политике и местному самоуправлению [Электронный ресурс] // - Режим доступа: <file:///C:/Users/владелец/Downloads/Комиссия%20по%20региональным%20праздникам.pdf>

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ в Постановлении от 23.12.2021 г. № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» /Консультант плюс. / [Электронный ресурс] // - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404665/.

14. Письмо Министерства труда и социального развития РФ от 10 июля 2003 г. № 1139-21 «О некоторых вопросах применения Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы» (п.8). /Консультант плюс. / [Электронный ресурс] // - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46667/

Chutcheva Olga Gennadiyevna

Doctor of Juridical Sciences, Professor,

Professor of State the Department of International Law and Social Security Law,

Institute of Law

FSBEI HE «Vladimir Dahl Lugansk State University»

e-mail: olgacutceva376@gmail.com

REGIONAL HOLIDAYS: THEORY AND PRACTICE

This article analyzes the legal regulation of regional holidays. This topic is relevant for many regions of the Russian Federation that have established regional holidays. However, the scope of application of regulatory legal acts adopted by government bodies in different constituent entities of the Russian Federation is addressed differently. Conflicts and gaps in federal and regional legislation are identified, creating additional challenges for law enforcement on this issue. Proposals for improving the relevant current legislation are developed.

Key words: holidays, labor legislation, regional holidays, employees, employers, labor relations.

Literatura:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g., s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo

golosovaniya 1 iyulya 2020 g.). [Ehlektronnyj resurs] // - Rezhim dostupa: <http://kremlin.ru/acts/constitution>.

2. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya 2001 (s izm. i dop.) [Ehlektronnyj resurs] // - Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/d3b0ff5aab35e2416daf065559f2878be3989981.

3. Nerabochie prazdnichnye dni, ustanovlennye v sub"ektah Rossijskoj Federacii. /Konsul'tant plyus. / [Ehlektronnyj resurs] // - Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311098/.

4. Zakon Respubliki Saha (Yakutiya) ot 25.04.1992 № 933-XII (prinyat postanovleniem VS RS (Ya) ot 25.04.1992 № 934-XII. /Pravovaya baza «Garant» ./ [Ehlektronnyj resurs] // - Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/26700318/>.

5. Zakon Luganskoj Narodnoj Respubliki «O prazdnichnyh dnyah i pamyatnyh datah v Luganskoj Narodnoj Respublike» ot 11.09.2025 № 190-1 [Ehlektronnyj resurs] // - Rezhim dostupa: <https://publication.pravo.gov.ru>.

6. Federal'nyj zakon «O svobode sovesti i religioznyh ob"edineniyah» ot 26.09.1997 g. № 125-FZ [Ehlektronnyj resurs] // - Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/.

7. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda RF ot 21 dekabrya 2011 g. N 20-PV11 [Ehlektronnyj resurs] // - Rezhim dostupa: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70043264/>.

8. Zakon Respubliki Bashkortostan ot 27 fevralya 1992 g. № VS-10/21 «O prazdnichnyh i pamyatnyh dnyah, professional'nyh prazdnikah i inyh znamenatel'nyh datah v Respublike Bashkortostan» (v redakcii Zakona Respubliki Bashkortostan ot 1 marta 2011 g. № 364-z [Ehlektronnyj resurs] // - Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/17731011/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/>.

9. Pis'mo Federal'noj sluzhby po trudu i zanyatosti «O primenenii trudovogo zakonodatel'stva» ot 12.09.2013 № 697-6-1 [Ehlektronnyj resurs] // - Rezhim dostupa: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=220088>.

10. Gosudarstvennaya inspekciya truda napominaet o prazdnichnom vyhodnom dne dlya rabotnikov organizacij, finansiruemyh ne iz federal'nogo byudzheta. [Ehlektronnyj resurs] // - Rezhim dostupa: <https://git64.rostrud.gov.ru/news/562540.html>.

11. Zakon Saratovskoj oblasti ot 22 marta 2012 g. «Ob ob"yavlenii nerabochim prazdnichnym dnevom na territorii Saratovskoj oblasti Radonicy – dnya osobogo pominoveniya usopshih» [Ehlektronnyj resurs] // - Rezhim dostupa: <https://saratovpravo.ru/zakon/2012/03/22/n-26-zso/>.

12. Protokol № 1 zasedaniya Komissii po delam federacii, regional'noj politike i mestnomu samoupravleniyu [Ehlektronnyj resurs] // - Rezhim dostupa: <file:///C:/Users/vladelec/Downloads/Komissiya%20po%20regional'nym%20prazdnikam.pdf>

13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF v Postanovlenii ot 23.12.2021 g. № 45 «O nekotoryh voprosah, vznikayushchih pri rassmotrenii sudami obshchej yurisdikcii del ob administrativnyh pravonarusheniyah, svyazannyh s narusheniem trudovogo zakonodatel'stva i inyh normativnyh pravovyh aktov, sodержashchih normy trudovogo prava» /Konsul'tant plus. / [Elektronnyj resurs] // - Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404665/.

14. Pis'mo Ministerstva truda i social'nogo razvitiya RF ot 10 iyulya 2003 g. № 1139-21 «O nekotoryh voprosah primeneniya Polozheniya ob osobennostyah poryadka ischisleniya srednej zarabotnoj platy» (p.8). /Konsul'tant plus. / [Elektronnyj resurs] // - Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46667/

*Шамшина Ирина Ивановна,
доктор юридических наук, профессор
кафедры государственно-правовых
дисциплин Юридического института,
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»
e-mail: shamshina.ii@mail.ru*

ОТОБРАЖЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТОДАТЕЛЯ В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Рассмотрены виды ответственности работодателя за нарушение трудового законодательства. Проанализированы нормы Трудового кодекса Российской Федерации по регламентации ответственности работодателя перед работником. Определено место юридической ответственности работодателя в содержании его правового статуса. Исследованы сущность и назначение ответственности работодателя в условиях рыночных отношений. Обоснованы предложения по совершенствованию действующего трудового законодательства в данной сфере. Разработана дефиниция понятия «трудоправовая ответственность работодателя».

Ключевые слова: юридическая ответственность, содержание правового статуса, материальная ответственность, имущественная ответственность, трудоправовая ответственность работодателя.

Регламентация юридической ответственности работодателя имеет особую актуальность в силу того, что работодатель выступает активной стороной трудовых правоотношений, поскольку именно он организует наёмный труд и управляет трудом работников. Положительной чертой Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) является то, что он в значительной степени отображает правовой статус основных субъектов трудового права – работодателя и работника, закрепляя на законодательном уровне основные (статутные) права сторон трудового правоотношения [1, ст.21, ст.22]. Но при этом в разделе I «Общие положения» ТК РФ юридическая ответственность как элемент трудоправового статуса отображения не нашла. Вместе с тем юридическая ответственность выступает важным элементом трудоправового статуса, особенно, применительно к работодателю

Вопросам регламентации юридической ответственности работодателя уделяли внимание многие учёные: К.Н. Гусов, С.А. Иванов, А.М. Куренной, Л.И. Лазор, В.В. Лазор, М.В. Лушникова, А.М. Лушников, Н.Л. Лютов,

С. П. Маврин, В. И. Миронов, С. В. Передерин, А. Я. Петров, Н. А. Плахотина, А. И. Ставцева, В. Н. Толкунова, С. А. Шерегов, А. А. Юрченко и др. Однако многие вопросы в данной сфере являются дискуссионными, что обуславливает целесообразность проведения дельнейших научных исследований.

Целью данной публикации является определение места юридической ответственности работодателя в содержании его правового статуса, выявление сущности, назначения и видов ответственности работодателя в условиях рыночных отношений, обоснование предложений по совершенствованию действующего трудового законодательства в данной сфере.

В содержании трудового правового статуса работодателя юридическая ответственность по своей правовой природе выступает вторичным элементом относительно статутных обязанностей работодателя и служит мотивацией для надлежащего исполнения этих обязанностей.

Важно подчеркнуть, что юридическая ответственность и статутные обязанности – это правовые явления разных уровней, и юридическая ответственность занимает служебное положение по отношению к статутным обязанностям. Действительно, в трудовом праве лицо, вступив в трудовое правоотношение (как на стороне работника, так и на стороне работодателя), может никогда не оказаться субъектом правоотношений по юридической ответственности. Вместе с тем нельзя не признать, что меры юридической ответственности призваны обеспечить исполнение обязанностей. Совершенно верно утверждение, что без обязанностей нет ответственности, но ведь верно и обратное – юридические обязанности, не подкреплённые санкцией правовой нормы, приобретают в большинстве случаев декларативный характер и реально не исполняются.

Следует признать, что юридическая ответственность является необъемлемым элементом правового статуса. Правовой статус субъекта трудового права – это установленное нормами трудового права исходное состояние субъекта, которое отражает его положение во взаимоотношениях с иными субъектами права. И поскольку бесспорными элементами в структуре трудового правового статуса выступают статутные права и обязанности, то, следовательно, в содержании этого статуса должна быть чётко указана и та ответственность, которую надлежит понести субъекту в случае неисполнения своих обязанностей. Исходя из общих положений теории права, исполнение диспозиции правовой нормы (т.е. установленного законом обязательного правила поведения) должно быть обеспечено определённой санкцией, устанавливающей ответственность за неисполнение возложенной обязанности.

Чёткое законодательное отображение юридической ответственности приобретает особую значимость применительно к содержанию правового статуса работодателя. Работодатель выступает организатором наёмного труда,

он наделён определённой хозяйской властью в отношении работников, имеет право привлекать работников к материальной и дисциплинарной ответственности. Работодатель и работник не являются равными сторонами в трудовом правоотношении, между ними существуют субординационные отношения. Работодатель – это властный субъект, который имеет право не только организовывать применение наёмного труда, но и руководить этим трудом. А работник – подвластный субъект, и в силу этого обязан подчиняться работодателю.

На современном этапе в целях реализации защитной функции трудового права особенно важно, чтобы ответственность самого работодателя за неисполнение им своих трудовых обязанностей со всей очевидностью была закреплена законодателем в кодифицированном источнике трудового права – ТК РФ.

В условиях расширения договорной свободы в сфере применения наёмного труда, при фактической зависимости работника от работодателя (поскольку работник экономически является более слабой стороной), юридическая ответственность не может не быть составным элементом трудового статуса. Правовой статус субъекта трудового права, как объективная правовая категория, которая отражает статику общественных отношений, должен содержать указание на все виды ответственности каждого субъекта и основания их наступления. Сам факт наличия юридической ответственности выполняет превентивные функции по отношению к исполнению обязанностей. Эффективное правовое регулирование общественных отношений по применению наёмного труда без чётко установленной в содержании правового статуса субъектов юридической ответственности, адекватной условиям рыночной экономики, объективно невозможно.

Таким образом, есть достаточные основания утверждать, что юридическая ответственность является самостоятельным элементом в содержании объективного правового статуса работодателя. Без указания на возможные правовые последствия неисполнения работодателем возложенных на него обязанностей, его исходное положение в сфере применения наёмного труда будет очерчено не полностью. В силу этого отсутствие в разделе I «Общие положения» ТК РФ хотя бы какого-то указания на ответственность работодателя перед работником за неисполнение своих обязанностей, следует признать неоправданным и рассматривать как правовой пробел.

Н. А. Плахотина обращает внимание на то, что защитная функция трудового права значительно актуализируется в условиях рыночных отношений и, подробно характеризуя данную функцию, обоснованно утверждает: «Защитная функция трудового права наиболее комплексно отражается в нормах, регулирующих, различные виды юридической ответственности...» [2, с.179-180]. Из этого логически следует, что законодатель должен стимулировать работо-

дателя к исполнению им своих обязанностей в отношении лиц наёмного труда посредством чёткой регламентации ответственности работодателя в содержании его объективного трудового правового статуса.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что ответственность не может рассматриваться элементом субъективного правового статуса работодателя – то есть того статуса, который он приобретает, вступив в конкретное трудовое правоотношение. Сам факт вступления в трудовое правоотношение, очевидно, не влечёт для работодателя наступления юридической ответственности. Но для создания эффективного правового поля регулирования наёмного труда в условиях рыночных отношений, нормативное указание на факт и виды юридической ответственности работодателя в содержании его объективного трудового правового статуса необходимо.

Представляется очевидным, что в целях предотвращения нарушения работодателем своих трудовых обязанностей и для облегчения возможности привлечения работодателя к ответственности в случае нарушения им своих конкретных трудовых обязанностей, наличие этой ответственности и её виды должны быть чётко закреплены законодателем в содержании его объективного правового статуса. Следует ещё раз подчеркнуть, что по своему целевому назначению юридическая ответственность в содержании трудового правового статуса работодателя служит средством обеспечения исполнения им своих трудовых обязанностей в сфере применения наёмного труда.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что надлежащее исполнение работодателем как субъектом трудового права своих обязанностей является важным не только для тех работников, с которыми он состоит в трудовых правоотношениях, но имеет также публично-правовую значимость. Деятельность работодателя оказывает непосредственное влияние на развитие отечественной экономики и обеспечение социального мира в обществе. Поэтому последствия неисполнения работодателем своих трудовых обязанностей могут иметь негативные последствия для всего общества в целом. В силу этого совершенно оправданно и, более того, необходимо наступление при определённых обстоятельствах административной и уголовной ответственности работодателя. Не вызывает сомнения, что основания и порядок применения такой ответственности должны регулироваться нормами соответствующих отраслей права (административного и уголовного).

Но сам факт возможности привлечения работодателя к данным видам ответственности должен быть зафиксирован в содержании его трудового правового статуса и отражён в ТК РФ. Такой подход внесёт чёткость в регламентацию применения наёмного труда на современном этапе и будет служить превенцией злоупотребления работодателем своей хозяйской властью (по принципу

«хозяин – барин»), что в настоящее время ещё иногда имеет место, особенно, в частном секторе экономики.

Кроме того, в современных рыночных условиях, при значительном расширении сферы договорного регулирования трудовых отношений, необходимо совершенствовать трудовую ответственность работодателя перед работником. Пределы этой ответственности должны быть шире, чем объём предусмотренной в настоящее время материальной ответственности работодателя перед работником.

В соответствие с ТК РФ, материальная ответственность работодателя перед работником регулируется главой 38, которая закрепляет несколько оснований наступления такой материальной ответственности: за незаконное лишение работника возможности трудиться, за причинение вреда имуществу работника, за задержку выплаты заработной платы и других выплат, причитающихся работнику [1, ст. ст. 234-237]. Кроме того, статья 237 ТК РФ предусматривает возмещение морального вреда, причинённого работнику. С одной стороны, наличие такой нормы следует признать прогрессивным. Но, отмечают в научной литературе, указанная статья не закрепляет понятия морального вреда и не содержит конкретных указаний, что является основанием возмещения морального вреда, и это является недостатком действующего трудового законодательства [3, с.20].

Профессор Л. И. Лазор обоснованно подчёркивает: «...материальная ответственность за причинённый моральный вред может возникать только у работодателя перед работником, но не наоборот – такая ответственность не может носить взаимного характера. И вопросы относительно материального возмещения работнику причинённого морального вреда должны быть достаточно полно урегулированы в нормативном порядке» [4, с.9]. Справедливость данной позиции очевидна. При этом следует обратить внимание на то, что в случае причинения работнику морального вреда прямой действительный ущерб у работника вполне может отсутствовать. Вместе с тем совершенно справедливо и оправданно то, что законодатель предусматривает в нормах трудового законодательства материальную ответственность работодателя за причинённый работнику моральный вред.

Принимая во внимание властно-доминирующую роль работодателя в трудовом правоотношении и исходя из общегуманистических позиций, следует признать, что ответственность работодателя перед работником должна наступать не только в случае причинения материального вреда работнику при исполнении им своих трудовых обязанностей, но и при любом нарушении работодателем трудовых прав работника. И эта ответственность должна носить имущественный характер – такой подход будет в полной мере соответствовать

реалиям рыночных отношений, стимулировать соблюдение договорной дисциплины и правомерного поведения работодателя.

Анализируя зарубежный правовой опыт, можно видеть, что там имущественная ответственность работодателя перед работником за нарушение трудовых прав последнего имеет достаточное распространение и наступает не только в случаях, когда у работника возник прямой действительный ущерб при исполнении трудовых обязанностей. Целью такой имущественной ответственности работодателя в значительной степени является стимулирование работодателя к выполнению своих обязанностей в сфере применения наёмного труда. Так, например, российский учёный С. А. Шерегов обращает внимание на то, что закон США «О добросовестных трудовых стандартах» предусматривает, что лицо, виновное в нарушении условий относительно минимальной оплаты работника либо максимального количества рабочих часов, на которые может быть нанят работник в течение рабочей недели, несёт материальную ответственность перед этим работником [5, с. 148].

Как видно, такой правовой подход выполняет не только защитную функцию в отношении работников, но и превентивно-стимулирующее воздействие применительно к работодателям, побуждая их к соблюдению законодательных предписаний в сфере регулирования общественных отношений по применению наёмного труда.

Отсюда логически следует вывод, что на современном этапе юридическая ответственность не только выступает востребованным элементом в содержании объективного трудового статуса работодателя, но и требует совершенствования её правового регулирования в соответствии с реалиями рыночных отношений.

Профессор В. И. Миронов ещё в конце прошлого века обоснованно ставил проблему, что у работодателя нет достаточной мотивации соблюдения законодательства о труде. Более того, реалии экономического развития наталкивают работодателей на мысль о необходимости ограничения трудовых прав работников, поскольку предоставление большинства из них влечёт дополнительные материальные расходы для предприятия [6, с. 57]. В связи с этим В. И. Миронов предлагал в нормативном порядке создать условия, при которых нарушение трудовых прав работников со стороны работодателя станут для него экономически невыгодными. Одним из видов дополнительной ответственности работодателя, по мнению названного автора, может стать извлечение юрисдикционными органами прибыли, полученной работодателем с нарушением трудовых прав работников, и распределение этой прибыли между пострадавшими работниками [6, с. 58]. Заметим, что проблема мотивации работодателя к соблюдению трудового законодательства не утратила своей актуальности и в

настоящее время. Поэтому позиция профессора В. И. Миронова заслуживает внимания и развития.

Можно видеть, что юридическая ответственность в структуре трудового статуса работодателя является необходимым элементом. При этом следует констатировать, что в условиях рыночных отношений актуализируется роль и значение имущественной ответственности работодателя перед работником, что требует соответствующего нормативного обеспечения.

Важно подчеркнуть, что по своей сути имущественная ответственность работодателя выходит за рамки его собственно материальной ответственности, непременным основанием наступления которой является факт наличия материального вреда у работника. Имущественная ответственность работодателя и его материальная ответственность должны соотноситься как общее и частное. Бесспорным является тот факт, что на современном этапе наиболее оптимальными средствами обеспечения надлежащего поведения работодателя в сфере применения наёмного труда являются аргументы имущественного плана.

Полагаю, что в настоящее время в совершенствовании нуждается законодательное отображение юридической ответственности работодателя в содержании его трудового статуса. С этой целью представляется целесообразным предусмотреть в кодифицированном источнике трудового права (т.е. в ТК РФ) новую правовую категорию – трудовая ответственность работодателя. И, кроме того, в содержании правового статуса работодателя необходимо закрепить понятие его трудовой ответственности.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в условиях рыночных отношений ответственность работодателя перед работником реализуется в конкретном трудовом правоотношении и в силу этого является по своей сути частноправовой ответственностью. Поэтому целесообразно, чтобы такая ответственность носила компенсационный характер.

Карательная направленность ответственности работодателя должна сохраняться в публично-правовых отношениях. Другими словами, административная и уголовная ответственность работодателя по своей правовой природе носят карательный характер и это вполне оправдано.

Вместе с тем, если работодатель не исполняет свои обязанности и следствием этого является нарушение трудовых прав конкретного работника, то будет вполне логичным и справедливым, если работодатель будет отвечать именно перед этим работником и в имущественной форме компенсировать причинённое нарушение.

Внедрение и развитие компенсационного аспекта в регламентацию ответственности работодателя перед работником будет реально содействовать тому, чтобы работодателю было невыгодно нарушать трудовые права работника. И в

силу этого такое отображение юридической ответственности работодателя в содержании его правового статуса будет в наибольшей степени способствовать надлежащему исполнению работодателем своих обязанностей в сфере применения наёмного труда.

Таким образом, в содержании объективного правового статуса работодателя необходимо законодательно зафиксировать в качестве самостоятельно элемента юридическую ответственность вообще, и компенсационный характер ответственности работодателя перед работником, в частности.

Субъектами применения ответственности к работодателю, в том числе и трудовправовой ответственности, должны выступать соответствующие компетентные государственные органы. При этом закон должен предусмотреть для работодателя возможность добровольного возложения на себя трудовправовой ответственности. Такой правовой подход будет отвечать принципам социальной справедливости, способствовать развитию договорных отношений в трудовом праве, учитывать динамику развития производственных отношений на современном этапе.

На основании проведенного исследования можно сформулировать и предложить к законодательному закреплению следующую дефиницию:

«Трудовправовая ответственность работодателя – это предусмотренная законом обязанность работодателя предоставить работнику имущественную компенсацию в случае нарушения его трудовых прав, осуществляемая добровольно в договорном порядке либо возлагаемая на работодателя в установленном процессуальном порядке компетентными органами».

Предлагаю в целях совершенствования законодательного отображения юридической ответственности работодателя в содержании его правового статуса дополнить раздел I «Общие положения» ТК РФ статьёй следующего содержания:

«Статья 204. Ответственность работодателя

В случае нарушения работодателем своих обязанностей для него наступает: трудовправовая ответственность – предусмотренная законом обязанность работодателя предоставить работнику имущественную компенсацию в случае нарушения его трудовых прав, осуществляемая добровольно в договорном порядке либо возлагаемая на работодателя в установленном процессуальном порядке компетентными органами;

административная либо уголовная ответственность, которая применяется при наличии предусмотренных законом обстоятельств и в установленном законом порядке».

Подводя итог проведённого исследования, следует констатировать, что однозначность и определённости правовых формулировок относительно юри-

дической ответственности работодателя как субъекта трудового права будет способствовать устранению правовых пробелов и коллизий в правовом регулировании трудовых отношений.

Предложенное законодательное отображение юридической ответственности работодателя позволит наиболее чётко определить содержание трудового статуса работодателя, т.е. его исходное состояние в сфере применения наёмного труда. А это, в свою очередь, обеспечит работодателю необходимую в рыночных отношениях свободу действий и в то же время будет в достаточной степени способствовать реализации защитной и социальной функций трудового права, а также стимулировать достижение баланса интересов работодателей и работников на современном этапе.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: Официальный текст. – М.: Издательство «Омега-Л», 2022. – 285 с.

2. Плахотина Н. А. Интегративный характер функций современного трудового права: Монография / Н. А. Плахотина. – Луганск: Изд-во «Ноулидж», 2019. – 432.

3. Шамшина И.И. Материальная ответственность работодателя перед работником: сущность и перспективы правового регулирования / И.И. Шамшина // Актуальные проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов. – Луганск: Луганский национальный университет имени Владимира Даля. – 2016 – №38. – С.18-26.

4. Лазор Л.И. Материальная ответственность в трудовом праве: теоретические аспекты и перспективы правового регулирования / Л.И. Лазор // Проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов. – Луганск: Луганский национальный университет имени Владимира Даля. – 2018. – № 41. – С.6-16.

5. Шерегов С.А. Производственная дисциплина и трудовой распорядок в странах с развитой рыночной экономикой / С.А. Шерегов // Труд за рубежом. – 2001. – № 2. С.139-154.

6. Миронов В.И. История трудового права: теория и практика /В.И. Миронов // Государство и право. – 1998. – № 12. – С.55-61.

*Shamshina Irina Ivanovna,
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Professor of State and Law Disciplines Department,
Institute of Law
FSBEI HE «Vladimir Dahl Lugansk State University»
e-mail: shamshina.ii@mail.ru*

REFLECTION OF EMPLOYER'S LEGAL LIABILITY IN LABOR LEGISLATION: PROBLEM ISSUES

The types of the employer's the employer's liability for violation of labour legislation are considered. The norms of the Labour Code of the Russian Federation concerning the employer's responsibility regulation are analyzed. The place of the employer's legal responsibility in the content of its legal status is determined. The essence and purpose of the employer's responsibility in the conditions of market relations are investigated. The proposals to improve the current labour legislation in this area are substantiated. The definition of the concept "employer liability" has been developed.

Key words: legal liability, content of legal status, material liability, property liability, employer labor liability.

Literature

1. Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Ofitsial'nyy tekst. – M.: Izdatel'stvo «Omega-L», 2022. – 285 s.
2. Plakhotina N.A. Integrativnyy kharakter funktsiy sovremennogo trudovogo prava: Monografiya / N.A. Plakhotina. – Lugansk: Izd-vo «Noulidzh», 2019. – 432.
3. Shamshina I.I. Material'naya otvetstvennost' rabotodatelya pered rabotnikom: sushchnost' i perspektivy pravovogo regulirovaniya / I.I. Shamshina // Aktual'nyye problemy prava: teoriya i praktika. Sbornik nauchnykh trudov. – Lugansk: Luganskiy natsional'nyy universitet imeni Vladimira Dalya. – 2016 – №38. – S.18-26.
4. Lazor L.I. Material'naya otvetstvennost' v trudovom prave: teoreticheskiye aspekty i perspektivy pravovogo regulirovaniya / L.I. Lazor // Problemy prava: teoriya i praktika. Sbornik nauchnykh trudov. – Lugansk: Luganskiy natsional'nyy universitet imeni Vladimira Dalya. – 2018. – № 41. – S.6-16.
5. Sheregov S.A. Proizvodstvennaya distsiplina i trudovoy rasporyadok v stranakh s razvitoy rynochnoy ekonomikoy / S.A. Sheregov // Trud za rubezhom. – 2001. – № 2. S.139-154.
6. Mironov V.I. Istoriya trudovogo prava: teoriya i praktika / V.I. Mironov // Gosudarstvo i pravo. – 1998. – № 12. – S.55-61.

Шаповалова Елена Николаевна

кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры учета и аудита

Экономического института

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет

имени Владимира Даля»

e mail: alena-mayer06@mail.ru

Бордюгова Елена Сергеевна

магистрант кафедры учета и аудита

Экономического института

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет

имени Владимира Даля»

e mail: lenafunnybunny@mail.ru

Бондарь Елена Ивановна

магистрант кафедры учета и аудита

Экономического института

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет

имени Владимира Даля»

e mail: elenka.bondar87@mail.ru

БУХГАЛТЕРСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА – КАК ИСТОЧНИК ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ УЧЕТНЫХ ДАННЫХ

В статье рассмотрена бухгалтерская экспертиза, как процессуальное действие, которое состоит из исследования материалов дела и дачи заключения экспертом-бухгалтером по вопросам, которые поставлены, чтобы установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по конкретному делу. Изучены объекты и информационные документальные источники, основания для назначения бухгалтерской экспертизы.

Ключевые слова: бухгалтерская экспертиза, эксперт-бухгалтер, бухгалтерский учет, отчетность, объекты, информационные источники, факты хозяйственной деятельности, первичные документы, инвентаризация.

Для фиксации и качественной характеристики процессов финансово-производственной деятельности предприятий системой бухгалтерского учета предусмотрены соответствующие способы и приемы познания хозяйственной действительности, формирующие метод бухгалтерского учета. [2]

К элементам метода бухгалтерского учета относятся: документирование, инвентаризация, оценка, калькуляция, система счетов, метод двойной записи, баланс и отчетность. Использование каждого из этих элементов регламен-

тируется соответствующими положениями, инструкциями, утвержденными Министерством финансов и Центробанком России.

Технологическая система учетного процесса финансово-хозяйственной деятельности предприятий характеризуется четкой последовательностью. Каждая хозяйственная операция отражается на основании конкретных документов, оформленных надлежащим образом. Соответственно документирование является начальным и наиболее ответственным этапом учетного процесса, элементом фиксации и трансформации учетной информации, способом первичного отражения объектов бухгалтерского учета. Использование учетной документации, составленной с соблюдением юридических требований, предоставляет бухгалтерским данным силу доказательств. [7]

В финансово-производственной деятельности предприятий могут происходить также хозяйственные процессы, которые невозможно зафиксировать стандартными первичными документами бухгалтерского учета. Например, образование недостач и излишков материальных ценностей и денежных средств, хищение имущества приводят к несоответствию фактического количества средств предприятия данным бухгалтерского учета. Документально оформить такие явления возможно лишь при условии, что они раскрыты. Для этого используется элемент метода бухгалтерского учета – инвентаризация. Инвентаризация позволяет путем фактической проверки активов (материальных ценностей, основных средств, денежных средств) установить их наличие и состояние. Данные инвентаризации используют для приведения учетных показателей в соответствие с действительностью, для выявления объектов и явлений, которые по тем или иным причинам не были своевременно охвачены системой учета.

Финансово-производственная деятельность предприятий характеризуется значительным количеством операций. Текущий учет хозяйственных операций осуществляется с помощью бухгалтерских счетов.

С целью определения результатов хозяйственной деятельности предприятия один раз в квартал, полугодие или год составляют бухгалтерский баланс и необходимую финансовую отчетность. Отчетность характеризует не только состояние, но и движение активов, капитала и обязательств, структуру себестоимости, состояние выполнения плана договорных обязательств, производства и реализации продукции (товаров, работ, услуг). Финансовая отчетность составляется на основе данных текущего учета. Бухгалтерский баланс и отчетность являются способами итогового обобщения данных бухгалтерского учета. [6]

Бухгалтерский учет обеспечивает исчерпывающую характеристику финансово-хозяйственной деятельности предприятия, фиксируя все операции

и процессы, в том числе и негативные. Как известно, преступления, совершенные в экономической сфере, в большинстве случаев имеют завуалированный характер, соответственно их раскрытие обеспечивается тщательным изучением учетной документации. При этом нужно акцентировать внимание на довольно важной особенности бухгалтерского учета – взаимосвязи всех его элементов. Использование с целью утаивания преступления отдельных элементов учета обязательно предопределяет изменение других элементов. Это обстоятельство существенно содействует процессу изобличения хищений, других корыстных преступлений, однако требует высокого профессионализма, в частности, в сфере технологии учетного процесса.

Учетная документация, которая используется в процессе судебно-бухгалтерской экспертизы, выполняет две основных функции: первой является характеристика конкретных финансово-экономических процессов, второй – доказательность фактического осуществления этих процессов. Поскольку выводы судебно-бухгалтерской экспертизы основываются в основном на результатах исследования фактографической информации, оформленной согласно требованиям Федерального Закона «О бухгалтерском учете», соответственно самым важным носителем экономической информации, который используется в экспертном исследовании, являются первичные документы бухгалтерского учета. [5]

Первичные документы для обретения ими юридической силы должны иметь следующие обязательные реквизиты: название документа; код формы документа; дата и место составления; содержание хозяйственной операции; должности лиц, ответственных за осуществление хозяйственной операции и правильность ее оформления; личные подписи. В зависимости от характера хозяйственной операции в первичных документах могут быть приведены дополнительные реквизиты (номер документа, название и адрес предприятия, печать предприятия).

По требованию контролирующих или судебных органов документы на машиносчитываемых носителях информации воспроизводятся в копиях на бумажных носителях за счет предприятия. При составлении учетных документов предприятия обязаны обеспечить технические средства для воспроизведения документов в удобном для чтения виде. Ответственность за правильность информации в учетных регистрах несут лица, которые составили и подписали их.

При поступлении в бухгалтерию первичные документы проверяются как по форме (полнота и правильность оформления и заполнения реквизитов), так и по смыслу (законность операции, логическая увязка с отдельными показателями). Все документы, которые прилагаются к приходным и расходным кассовым ордерам, а также документы, являющиеся основанием для

начисления заработной платы, обязательно должны быть погашены штампом или надписью от руки «Получено» или «Уплачено» с указанием даты (числа, месяца, года). [3]

Ошибки в первичных документах исправляются, преимущественно, корректурным образом: неправильный текст или сумма зачеркивается одной линией так, чтобы можно было прочитать исправленный текст, а сверху надписывается правильный текст или сумма. Исправления должны быть предупреждены надписью «исправлено» и подписью лиц, которые завизировали документы, с указанием даты исправления.

Движение документов в бухгалтерском учете от момента их составления до передачи в архив является документооборотом. Документооборот регламентируется графиком, который составляет главный бухгалтер, и утверждается приказом руководителя предприятия. Первичные документы, учетные регистры, бухгалтерские отчеты и балансы до передачи их в архив должны храниться в бухгалтерии. Ответственность за сохранность первичных документов, учетных регистров, бухгалтерских отчетов и балансов, оформление и передачу их в установленном порядке в архив несет главный бухгалтер. [4]

Бухгалтерские документы классифицируют по нескольким признакам: назначение, источники возникновения, происхождение, качественные признаки. Группировка документов облегчает их использование в системе бухгалтерского учета и во время проверки соответствующей информации о признаках совершения корыстных злоупотреблений в процессе судебно-бухгалтерской экспертизы.

Одним из основных принципов общей классификации учетной документации, используемой в процессе судебно-бухгалтерской экспертизы, является ее разделение по назначению.

Распорядительные документы – содержат информацию распорядительного содержания относительно выполнения определенных финансово-хозяйственных операций (чеки на получение денежной наличности со счета в банке, доверенность на приобретение товарно-материальных ценностей, требования-накладные).

Оправдательные (исполнительные) документы – подтверждают факт выполнения определенной хозяйственной операции; они являются основанием для учетных записей (накладная на выдачу сырья (материалов) со склада, приемочные и сдаточные документы).

Распорядительно-оправдательные (комбинированные) документы – содержат одновременно распоряжение об осуществлении определенной хозяйственной операции и удостоверяют факт его выполнения, т.е. является симбиозом распорядительных и оправдательных документов. Таким документом явля-

ется, например, расходный кассовый ордер, который включает распоряжение на осуществление операции и, вместе с тем, отметку о выплате лицу денег из кассы предприятия.

Документы бухгалтерского оформления – составляются учетными работниками в бухгалтерии предприятия на основании имеющихся распорядительных, оправдательных и распорядительно-оправдательных документов. Преимущественно, это сводные документы, которые систематизируют однотипные хозяйственные операции по экономическому содержанию и методике отражения на счетах бухгалтерского учета (сводные ведомости, журналы учета расходов), т.е. регистры бухгалтерского учета. Их отличие от первичных документов - в процессе судебно-бухгалтерской экспертизы они не воспринимаются в качестве прямых доказательств достоверности выполнения финансово-хозяйственных операций, точности отражения качественных и количественных параметров, установления материальной ответственности.

Таким образом, при осуществлении бухгалтерской экспертизы доказательствами являются три вида бухгалтерских документов: распорядительные, оправдательные и распорядительно-оправдательные. Именно в них содержится та информация, которая дает возможность проводить основательные экспертные исследования.

Документы бухгалтерского оформления также используются в процессе судебно-бухгалтерской экспертизы. В большинстве случаев – как исходная информация, – своеобразная отправная точка экспертного исследования.

При исследовании документов с целью подтверждения или опровержения данных о корыстных злоупотреблениях учитывается то, что документы, которые имеют разное назначения, но касаются одной хозяйственной операции, тесно связаны между собой. Отсутствие распорядительного документа при наличии исполнительного ставит под сомнение законность и достоверность осуществления хозяйственной операции.

По источникам возникновения учетные документы делятся на первичные и сводные.

Первичные документы фиксируют хозяйственные операции предприятия непосредственно. Они составляются в момент осуществления операций. Примером таких документов являются приходный кассовый ордер, счета, требования.

Сводные документы отражают ряд операций, осуществленных на протяжении определенного времени, и составляются на основе первичных документов. К сводным документам относятся реестры платежных требований, отчеты кассира и других материально-ответственных лиц. Сводные документы тесно связаны с первичными. Выявление в отчетах материально-ответственного

лица записей, не подтвержденных первичными документами, свидетельствует о признаке возможных корыстных злоупотреблений.

По происхождению учетные документы делятся на внутренние и внешние. К внутренним относятся документы, составленные на предприятии и не выходящие за его пределы (кассовый ордер, реестр поступления материалов). К внешним - поступившие с других предприятий (товарно-транспортная накладная, выписки со счета).

По качественным признакам учетные документы делятся на доброкачественные и недоброкачественные. Доброкачественным может быть признанный любой документ, оформленный согласно требованиям действующего законодательства. Недоброкачественными считаются некачественно подготовленные документы, в которых отсутствуют определенные реквизиты, приложения (при необходимости), существует ряд неоговоренных исправлений. Признак некачественно подготовленных документов - неправильность основной информации (цен, объемов, расчетов, итогов), ошибочность бухгалтерских проводок, наличие на документах подписей не уполномоченных на это лиц, использование счетов, не предусмотренных действующим планом.

Недоброкачественные документы подразделяются на фиктивные, подделанные и бестоварные. [3]

Документ, которого не существует и который с определенной целью выдается за реально существующий, классифицируется как фиктивный. В практике учетной деятельности понятие фиктивного документа тесно связано с понятием первичного и сводного документов. Если в сводном документе отражена хозяйственная операция на основании несуществующего первичного документа, такая запись в сводном документе считается сделанной на основании фиктивного документа.

Подделанный документ представляет хозяйственную операцию в искаженном виде. Характер фальсификации может быть разный: подделка реквизитов (например, подписей), изменение названия товара, подделка количественных и качественных показателей.

Бестоварный документ отражает несуществующую хозяйственную операцию. По форме в большинстве случаев он бывает доброкачественным, а по смыслу – фиктивным. Формальная доброкачественность бестоварного документа обеспечивается, преимущественно, материально ответственным лицом с той целью, чтобы бестоварная операция в ходе проведения ревизии производственно-финансовой деятельности предприятия не была разоблачена.

Осуществление бестоварных операций на практике может сопровождаться совершением таких корыстных преступлений, как хищение материальных ценностей и денежных средств, нарушение правил торговли и взяточничество.

В следственной и судебной практике по выявлению правонарушений и расследованию уголовных дел о разворовывании ТМЦ и денежных средств, других корыстных злоупотреблений против имущества предприятий, установление событий преступления, выявление виновных лиц происходит на основании документов, в которых отражены или завуалированы незаконные хозяйственные операции. Правоохранительными органами используются и другие виды доказательств, например, свидетельские показания, выводы экспертов, однако документы играют решающую и важнейшую роль.

Изъятие учетных документов, регистров, отчетности у предприятий любых форм собственности на этапе расследования уголовного дела осуществляется органами дознания, предварительного следствия и судами на основании постановления этих органов согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству. Изъятие оформляется протоколом, копия которого вручается под расписку соответствующему должностному лицу предприятия.

При проведении документальных ревизий изымать соответствующие документы имеют право и ревизоры. В этом случае изъятие оформляется актом изъятия, а копии изъятых документов остаются в делах предприятия.

Обязательным является составления реестра (описи) изъятых документов в порядке, установленном законодательством.

Поскольку бухгалтерский учет характеризуется массовостью операций, которые отражаются в различных первичных документах, по тем или иным причинам в них нередко допускаются (возможны) ошибки. Случаются ошибки также при перенесении данных первичных документов в регистры сводного и аналитического учета вследствие неправильного подсчета произведений и итогов при таксировке документов, механического переключивания цифр, пропуска цифр, отражения суммы лишь на одном счете и т.п. Если их своевременно не исправить, такие ошибки будут во всех регистрах учета, включая даже Главную книгу. Иногда ошибки возникают в Главной книге, даже если в журналах или ведомостях аналитического учета их не было, вследствие ошибочного перенесения кредитовых оборотов на другие синтетические счета. [9]

Ошибочные записи должны быть обязательно исправлены, поскольку при их наличии достоверность учетной информации снижается, и это может быть причиной применения к предприятию и ответственным лицам финансовых санкций, или более жестких мер – когда ошибки были намеренными и обусловили злоупотребление. [7]

Ошибки выявляют проверкой записей путем сопоставления итогов соответствующих граф журналов, ведомостей аналитического учета и данных Главной книги. Также проверяется правильность определения промежуточных итогов, поскольку может случиться, что общие итоги правильные, а суммы

в т.ч. определены неверно. Например, при группировке операций по начислению оплаты труда по данным первичных документов в листе-расшифровке не включены в расходы суммы нарядов на сделную оплату, но такие суммы отражены по первичным документам как начисленная оплата труда.

В теории и практике бухгалтерского учета применяются такие способы исправления ошибок, как корректурный, дополнительных проводок, «красное сторно».

Деятельность эксперта регулируется Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» №73-ФЗ от 31 мая 2001г. В соответствии с ФЗ, у эксперта, проводящего бухгалтерскую экспертизу, есть права и обязанности, а также ответственность, которую он несёт. [7]

Основаниями для назначения бухгалтерской экспертизы является: ходатайство обвиняемой стороны, заключение экспертов из других областей о необходимости производства бухгалтерской экспертизы, необходимость ответить на вопросы, которые требуют профессиональных знаний эксперта-бухгалтера.

Назначение бухгалтерской экспертизы обязательно по делам о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) и присвоении и растрате (ст. 160 УК РФ). [8]

Бухгалтерскую экспертизу могут назначить, чтобы определить реальное финансовое положение дел в организации на основании данных бухгалтерской финансовой отчетности. Ее проводят на добровольных началах либо по решению суда, применяя специальные методы бухгалтерской экспертизы: специфические расчетно-аналитические и документальные методы. Например, статистические расчеты и экономический анализ.

Изучению этих аспектов посвящены труды современных отечественных ученых Белова А.А., Дубоносова Е.С., Петрухина А.А., Ковалевской А.В., Корнева С.А., Орлова Ю.К., Поповой Л.В., Исаковой Р.Е., Шадрина В.В.

Назначение бухгалтерской экспертизы связано с необходимостью выяснить, корректно ли велся финансовый учёт и отчётность в компании. Эксперт-бухгалтер устанавливает достоверность фактов хозяйственной деятельности предприятия.

При производстве бухгалтерской экспертизы информационными источниками исследования являются: первичная документация (счета, кассовые ордера, накладные); бухгалтерская финансовая отчётность и декларации; сводные и промежуточные регистры; сведения по инвентаризации. Эксперт-бухгалтер может исследовать и вещественные активы, а не только бумаги. Например, оборудование. [9]

Комплекс документов, которые будет изучать эксперт, зависит от обстоятельств дела. Проанализировав их, экс-

перт сможет ответить на поставленные перед ним вопросы. Так, если речь идёт об экспертизе по делу о хищении товаров и денежных средств, то эксперту понадобятся следующие документы за исследуемый период: кассовая книга; отчеты по кассе с приложением первичных документов; квитанции к приходным кассовым ордерам; акты инвентаризации; выписки банков по расчетному счету; счета-фактуры, накладные и пр. документы. [2]

Бухгалтерская экспертиза может быть проведена в рамках гражданских, административных и уголовных дел.

Главной задачей бухгалтерской экспертизы отчетности является установление реального финансового положения организации. По ее итогам должно быть однозначно понятно, правильно ли отражены проводимые операции в отчетности и верно ли ведется бухгалтерский учет на предприятии.

Для проведения бухгалтерской экспертизы отчетности организации применяются методы, включающие в себя: анализ и аудит финансовой отчетности, экспертизу бухгалтерских документов, анализ финансовых операций, изучение использования программных средств, экспертизу договоров, экспертизу налоговой отчетности (оценка соответствия требованиям налогового законодательства).

Для проведения бухгалтерской экспертизы могут потребоваться следующие документы:

Бухгалтерская отчетность (бухгалтерский баланс, отчет о финансовых результатах, отчет о движении денежных средств, отчет об использовании капитала и др.).

Учетные регистры и журналы.

Платежные документы.

Договоры и соглашения (договоры купли-продажи, договоры аренды, договоры на оказание услуг).

Кадровые документы (трудовые договоры, приказы о приеме на работу, расчетные листки, сведения о заработной плате).

Документы, подтверждающие расходы и доходы (акты выполненных работ, счета на оплату, договоры на выполнение работ).

Другие документы, которые могут быть связаны с ведением бухгалтерского учета (приказы о назначении лиц на должности, устав организации, бухгалтерские политики).

Документы могут отличаться в зависимости от конкретной ситуации и целей проведения бухгалтерской экспертизы. [4]

Таким образом, правовая основа проведения судебно-бухгалтерской экспертизы: Закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»; Гражданский процессуальный кодекс РФ; Ар-

битражно-процессуальный кодекс РФ; Уголовно-процессуальный кодекс РФ; Таможенный кодекс РФ; Налоговый кодекс РФ.

В процессе осуществления судебно-бухгалтерской экспертизы с использованием учетной документации проводят ряд процедур.

Первая – выбор необходимых данных, которые обеспечивают полную и всестороннюю характеристику вопросов, вынесенных на рассмотрение судебно-бухгалтерской экспертизы.

Вторая – проверка достоверности собранных данных, т.е. арифметическая, логическая, визуальная проверка конкретных показателей, необходимых для экспертного исследования. Особое внимание обращается на синтетические показатели, полученные в результате сведения или группировки первичных данных, поскольку именно здесь чаще всего возникают ошибки, иногда и исключительно механические.

Третья – исследование и использование фактографической информации в системе доказательств судебно-бухгалтерской экспертизы. При этом существует два основных направления:

исследование синтетических (обобщенных) данных, полученных в результате группировки однородных аналитических показателей;

углубление исследования, т.е. детальное изучение аналитических данных о конкретных осуществленных хозяйственных операциях.

Литература:

1. О бухгалтерском учете: федеральный закон РФ от 06.12.2010 г. № 402-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

2. Белов, А. А. Судебно-бухгалтерская экспертиза: Учебник/ А. А. Белов, А. Н. Белов. - М.: Книжный мир, 2017. - 245 с.

3. Дубоносов, Е. С. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / Е. С. Дубоносов. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2018. - 229 с.

4. Ковалевская, А. В. Судебно-бухгалтерская экспертиза: основные цели и задачи [Электронный ресурс] – URL: <http://fb.ru/article/82101/sudebno-buhgalterskaya-ekspertiza-osnovnyie-tseli-i-zadachi>.

5. Савин, А. А. Судебно-бухгалтерская экспертиза: Учебное пособие. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Вузовский учебник, 2009. - 263с.

6. Савицкий, А. А. Судебная бухгалтерская экспертиза. – М.: Проспект, 2021. - 368 с.

7. Попова, Л. В., Исакова, Р. Е. Бухгалтерский учёт и судебно-бухгалтерская экспертиза: Учебное пособие/ Л. В. Попова, Р. Е. Исакова, Н. А. Шибаева. - М.: Изд-во «Дело и сервис», 2016. - 216 с.

8. Толкаченко, А. А. Правовая судебная бухгалтерия: курс лекций / А. А. Толкаченко, К. В. Харabet. - М.: Омега-Л, 2018. - 202 с.

9. Шадрин, В. В. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы: Учебник для юридических вузов. / В. В. Шадрин. - М.: Юрист. 2017. - 365 с.

Shapovalova Elena Nikolaevna

candidate of economic sciences, associate professor, associate professor of the accounting and auditing department of the Economic Institute Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Luhansk State University named after Vladimir Dahl"

Bordyugova Elena Sergeevna

master's student in the Department of Accounting and Auditing of the Institute of Economics Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladimir Dahl Luhansk State University"

Bondar' Elena Ivanovna

master's student in the Department of Accounting and Auditing of the Institute of Economics Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladimir Dahl Luhansk State University"

ACCOUNTING EXPERTISE AS A SOURCE OF CONFIRMATION OF THE RELIABILITY OF ACCOUNTING DATA

This article examines an accounting forensic review as a procedural action consisting of an examination of case materials and an expert accountant's opinion on the questions posed to establish the circumstances that must be proven in a specific case. The objects and documentary sources, as well as the grounds for ordering an accounting forensic review, are examined.

Key words: accounting expertise, expert accountant, accounting, reporting, objects, information sources, facts of economic activity, primary documents, inventory.

Literatura:

1. О бухгалтерском учете: федеральный закон РФ от 06.12.2010 г. № 402-FZ [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru>

2. Belov, A.A. Sudebno-buhgalterskaya ekspertiza: Uchebnik/ A.A. Belov, A.N. Belov. - М.: Knizhnyj mir, 2017. - 245 p.

3. Dubonosov, E. S. Forensic accounting: a textbook for bachelor's, specialist's and master's degrees / E. S. Dubonosov. - 2nd ed., revised and enlarged. - M.: Yurait Publishing House, 2018. - 229 p.
4. Kovalevskaya, A. V. Sudebno-buhgalterskaya ekspertiza: osnovnye celi i zadachi [Elektronnyj resurs] – URL: <http://fb.ru/article/82101/sudebno-buhgalterskaya-ekspertiza-osnovnyie-tseli-i-zadachi>.
5. Savin, A. A. Sudebno-buhgalterskaya ekspertiza: Uchebnoe posobie. - 2-e izd., ispr. i dop. - M.: Vuzovskij uchebnik, 2009. – 263 p.
6. Savickij, A. A. Sudebnaya buhgalterskaya ekspertiza. – M.: Prospekt, 2021. - 368 p.
7. Popova, L. V., Isakova, R. E. Buhgalterskij uchyot i sudebno-buhgalterskaya ekspertiza: Uchebnoe posobie/ L. V. Popova, R. E. Isakova, N. A. Shibaeva. - M.: Izd-vo «Delo i servis», 2016. - 216 p.
8. Tolkachenko, A. A. Pravovaya sudebnaya buhgalteriya: kurs lekcij / A. A. Tolkachenko, K. V. Harabet. - M.: Omega-L, 2018. - 202 p.
9. Shadrin, V. V. Osnovy buhgalterskogo ucheta i sudebno-buhgalterskoj ekspertizy: Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov. / V. V. Shadrin. - M.: Yurist. 2017. - 365 p.

ПОРЯДОК НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ

Редакционной коллегией издания «Проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов» принимаются научные статьи докторов наук, кандидатов наук, молодых ученых (адъюнктов, аспирантов, соискателей), а также практикующих юристов при условии соответствия статьи установленным критериям.

Структурные компоненты статьи

Научная статья выполняется на одном из рабочих языков издания: русский, английский и должна включать в себя ряд структурных компонентов:

- сведения об авторе (Фамилия, Имя, Отчество) полностью, научная степень и звание (при наличии), должность, место работы, город;
- название статьи: не более чем 10–12 слов, содержит точные понятия, избегает терминов с несколькими значениями, излагается кратко, просто, соответствует содержанию;
- аннотация: повествует о содержании работы, показывает наиболее ценные и применимые результаты исследования;
- ключевые слова на языке исполнения статьи (рабочие языки: русский, английский);

Требуется рецензия (*независимо от ученой степени*) лица, имеющего научную степень и/или ученое звание по специальности, соответствующей предмету исследования объемом не более 2-х страниц (шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1, 5) с подписью и печатью или выписка из протокола заседания соответствующей кафедры (лаборатории) с рекомендацией статьи к печати в открытом доступе, заверенная печатью учебного (научно-исследовательского) заведения с подписью и печатью.

- содержательная часть;
- литература, использованная в ходе научного исследования: библиографические данные на языке первоисточника, наименования источников располагаются в порядке их упоминания в содержательной части;
- транслитерация наименований источников литературы латиницей;
- Фамилия, Имя, Отчество автора полностью, название статьи на ином языке издания (если статья выполнена не на английском языке, то английский — *обязателен*);
- аннотация и ключевые слова на ином языке издания (если статья выполнена не на английском языке, то английский — *обязателен*)

Несоблюдение установленных требований

Редакция оставляет за собой право возвращать авторам статьи, не соответствующие установленным требованиям, на доработку. При этом редакция издания и члены редакционной коллегии не несут ответственность за утрату автором возможности опубликовать статью в ближайшем выпуске из-за возврата статьи на доработку.

Содержательная часть статьи

Содержательная часть статьи должна включать в себя:

- 1) Актуальность темы – степень ее важности в данный момент для решения общественно-правовых проблем (задач, вопросов); способность результатов исследования быть применимыми для решения значимых научно-практических задач.
- 2) Степень исследованности темы в современной науке.

3) Научная новизна – характерные особенности (концептуальный подход, особая методология, инновационность исследования), отличающие данное исследование от проведённых ранее другими авторами.

4) Цели и задачи исследования – определенная идея, научные результаты, на поиск которых направлено исследование (разработка нового подхода к правовому регулированию, формулировка новых понятий, совершенствование дефиниций и т.д.).

5) Исследовательская часть – обзор существующих подходов, выработка и обоснование авторской позиции, формулировка разработанных путей совершенствования существующих подходов к объекту исследования

6) Выводы – подведение итогов, акцентирование достигнутых результатов исследования и их научно-практической значимости

Подача статьи

Для подачи статьи в редакцию издания «ПРОБЛЕМЫ ПРАВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА. Сборник научных трудов» необходимо перед направлением статьи ЗАПОЛНИТЬ ЗАЯВКУ на нашем сайте или прислать на почту marta.kaf@mail.ru или dahl.un.jur@gmail.com

(предоставляется в электронном виде)

- Вуз (организация), город, область, страна – на русском языке
- Авторы / авторы (Фамилия, Имя, Отчество) полностью – на русском языке
- Ученая степень, звание, должность – на русском языке
- Название статьи (доклада)
- Почтовый адрес с индексом (домашний)
- E-mail (обязательно)
- Контактные телефоны (обязательно)
- Рецензия (независимо от ученой степени)

Редакционная оценка

При оценке представленных статей редакционная коллегия учитывает:

- наличие структурных компонентов статьи;
- соответствие содержательной части установленным критериям;
- оригинальность текста (статьи проходят автоматическую проверку на определение процента заимствования текста);
- объём статьи (должен составлять 10–15 листов без учёта аннотаций);
- соблюдение технических требований.

Технические требования к оформлению статьи

Для публикации используется шрифт Times New Roman (TNR), размер шрифта 14, интервал между строками 1,5, формат А4 с полями: левое — 3 см (с отступом первой строки 1 см), правое — 1,5 см, верхнее и нижнее — 2,5 см. Все страницы статьи нумеруются.

Если автор использует технический перевод статьи с иного языка, должна осуществляться проверка и корректировка перевода. Статьи, в которых не будет осуществлена проверка технического перевода, будут отправляться на доработку.

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ № 71

(на русском и английском языках)

Ответственный редактор: к. ю. н, доцент О. В. Кафанова

**Издательство
Луганского государственного университета
имени Владимира Даля**

Адрес издательства: 291034, г. Луганск, кв. Молодежный, 20а.

Телефон +7 (959) 138-34-80

E-mail: izdat.lguv.dal@gmail.com

<http://www.dahluniver.ru>

Подписано в печать 31.03.2026. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 8,37. Тираж 6 экз. Заказ Л115.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Пресс-экспресс», 291034, ЛНР, г.о. город Луганск, г. Луганск, ул. Вагутаина, 89а, тел.: +7(8572)50-08-43, +7(959)120-23-79; list@press-xpress.ru.

